**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Факультет политологии
Кафедра сравнительной политологии**

О.Ю. КОКУРИНА

**ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ,
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ, УСТОЙЧИВОСТИ
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА**

ЭЛЕКТРОННОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Москва 2021

Автор: **Кокурина Ольга Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: kokurina@polit.msu.ru

Электронное пособие «Проблемы стабильности, жизнеспособности, устойчивости Российского государства» подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Автономной некоммерческой организации «Экспертный институт социальных исследований» (АНО ЭИСИ) в рамках научного проекта № 21-011-31155 «Политико-правовые механизмы обеспечения устойчивости социально-политических систем».

В настоящем пособии содержится критическое обобщение проблемы жизнеспособности и устойчивости государства и социально-политической системы, на основе междисциплинарного системного подхода к ее решению. Автор раскрывает проблему жизнеспособности государства и устойчивости структур публичного управления и административно-правового регулирования как сложных социальных систем. Представлены современные подходы к обеспечению устойчивости сложных систем с управлением на основе баланса разнообразия и сложности, процессов управления и самоорганизации. Показано, что модель жизнеспособных систем (МЖС) может служить полезным инструментом концептуального упрощения, способствующим нахождению необходимого баланса между сложностью и устойчивостью систем публичного управления и регулирования. Обоснован императив взаимной ответственности личности, общества и публичной власти как политико-правового регулятора обеспечения стабильности социально-политической системы. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, в рамках научного проекта № 21-011-31155.

This manual contains a critical generalization of the problem of the viability and resilience of the state and the socio-political system, based on an interdisciplinary systems approach to its solution. The author reveals the problem of the viability of the state and the resilience of public administration and legal regulation as complex social systems. Modern approaches to ensuring the stability of complex systems with control based on the balance of diversity and complexity, control processes and self-organization are presented. It is shown that the viable systems model (VSM) can serve as a useful tool for conceptual simplification, helping to find the necessary balance between the complexity and resilience of public administration and regulation systems. The imperative of mutual responsibility of the individual, society and public authorities as a political and legal regulator of ensuring the stability of the socio-political system is substantiated. The study was supported by the RFBR and EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-31155.

Содержание

	Введение	4
1.	Стабильность, жизнеспособность и устойчивость как междисциплинарные понятия	4
1.1	Проблема «стабильности» в социально-политическом пространстве государства	4
1.2	«Жизнеспособность»: междисциплинарные подходы	47
1.3	«Устойчивость»: междисциплинарные подходы	76
2.	Жизнеспособность и устойчивость общества и государства	110
2.1	Парадигма российской государственности	110
2.2	Жизнеспособность и устойчивость современного государства: паттерны публично-правового управления и регулирования	120
2.3	Проблема устойчивости современного государства: системные закономерности публично-правового управления и регулирования	141
2.4	Публично-правовая ответственность власти в контексте правостимулирующей политики в сфере государственной и муниципальной службы	156
2.5	Модель жизнеспособных систем в контексте проблем сложности и устойчивости публичного управления и регулирования	179
2.6	Проблема устойчивого воспроизводства и легитимации публичной власти в дискурсе системно-коммуникативной теории Н. Лумана	191
2.7	Избирательная система как политико-правовой институт устойчивого воспроизводства легитимной власти в контексте системного подхода Н. Лумана	199
2.8	Государство как политико-правовой регулятор в контексте системной теории Н. Лумана	216
2.9	Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства	231
	Заключение	243

Сомнительно, чтобы наилучший режим можно было определить в отрыве от общих основ устройства социума. Не исключено, что наилучший режим можно определить лишь для данного общественного устройства.

Раймон Арон

Введение

Преамбула Конституции РФ начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле...». В этом положении заложена идея единства русского народа как следующих друг за другом поколений людей. В этой связи, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин справедливо утверждает, что «будущие поколения россиян» выступают полноправным субъектом конституционно-правовых отношений, откуда «логически вытекает конституционная ответственность каждого настоящего поколения перед будущими за создание долгосрочных условий устойчивого развития»¹. Для разработки и реализации концепции устойчивого долгосрочного существования и развития Российского государства, создания условий для полноценного развития многих поколений многонационального русского народа в веках, необходимо понимать многогранный смысл, который несут в научном и общественном дискурсе такие концепты как социально-политическая «стабильность», «жизнеспособность» и «устойчивость».

1. Стабильность, жизнеспособность и устойчивость как междисциплинарные понятия

1.1 Проблема стабильности в социальном пространстве государства

Сегодня, в XXI веке, в мире с перманентно меняющимися приоритетами и жизненными целями приходится значительно больше, чем раньше, уделять внимания стабильности социального пространства, которая становится залогом

¹ Зорькин В.Д. Правовое будущее России // Журнал русского права. 2011. № 10. С. 7 - 16.

социально-экономического роста на основе взаимной ответственности и гармонизации отношений государства, общества и человека.

В целях уточнения и определения понятия «социальное пространство» обратимся вначале к смысловому содержанию корневого термина словосочетания - «пространство». Согласно толковому словарю русского языка, пространство – это «одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом»². Хотя данный термин можно отнести к смыслообразующим категориям политологического дискурса, сложность стоящего за ним явления пока не позволило получить исчерпывающего определения сущности родового понятия «пространство» в политическом контексте³.

При обращении к понятию пространства, политика, как наука и практика, по-видимому, не требует привлечения сложных размерностей постклассической и неклассической науки, вполне достаточно ограничиться классической ньютоновско-лейбницевской картиной мира.

Согласно И. Ньютону, «время и пространство составляют как бы вместилища самих себя и всего существующего. Во времени всё располагается в смысле порядка последовательности, в пространстве - в смысле порядка положения»⁴. По утверждению Г.-В. Лейбница, во времени «нет ничего реального, кроме того преходящего, что должно быть предписано силе, стремящейся к изменению. К этому и сводится всё, что заключено в телесной природе помимо того, что принадлежит геометрии, а именно протяжению»,

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // URL: <http://ozhegov.info/slovar/>

³ См., например: Тынянова О. Н. Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД в постклассическую эпоху // Электронное научное издание Альманах «Пространство и время». 2013. Том 3. Выпуск 1. «Пространство и время границ». URL: <http://e-almanac.space-time.ru/index/tom-3.-vyipusk-1/>

⁴ Ньютон И. Математические начала натуральной философии / под ред. Л.С. Полака. М: Наука, 1989. С. 32.

причем «пространство и время, взятые вместе, создают порядок возможностей всего универсума»⁵.

Отметим, что в классической картине мира физическое пространство может быть представлено как без учета временного измерения (атемпорально), так и темпорально, с учетом времени, как второй основной компоненты при изучении объектов и явлений окружающего мира.

Как пишет известный политолог В.В. Ильин, «Пространство и время – абстракции высочайшего порядка, отвлечённые от универсальных причинно-следственных связей. Пространство и время – упорядочивающие схемы, выражающие порядки сосуществования и последовательного существования явлений мира»⁶.

Атемпоральное представление физического пространства включает три «классические» характеристики пространства: длину, ширину и высоту. Соответственно, если мы говорим о географическом пространстве, как территории, то обычно учитываются только два измерения: горизонтальное (длину и ширину) и вертикальное (высота и глубина). В политическом контексте, физическое пространство понимается, по большей части, как географическое пространство горизонтального измерения (географическая геополитика). В последние годы все большее внимание политиков, как геополитический ресурс, привлекает и вертикальное, - воздушное и космическое, - измерения географического пространства.

Можно утверждать, что географическое пространство характеризуется преобладающим взаимодействием физических объектов (реки, горы, моря и т.д.), что с учетом действия различных энергий (солнца, ветра и т.д.), а также и преобразовательной деятельности человека, который меняет географический ландшафт, придает географическому пространству определенную изменчивость, темпоральность.

⁵ Лейбниц Г.-В. Опыт рассмотрения динамики // Лейбниц Г.-В. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1982. С. 248; Лейбниц Г.-В. Краткое доказательство примечательной ошибки Декарта // Лейбниц Г.-В. Сочинения в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1982. С. 341.

⁶ Ильин В.В. Политология. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 80.

В развитие определения Н.А. Комлевой, в широком смысле, можно понимать *пространство как сферу деятельности, в которой преобладает совокупность достаточно однородных взаимодействий*⁷. Причем, преобладающее качество объект-объектного, субъект-объектного и субъект-субъектного взаимодействия будет определять тип пространства. В частности, географическое пространство характеризуется преобладающим взаимодействием физических объектов и явлений.

Между тем, на рубеже XIX—XX вв. понимание пространства стало выходить за рамки чисто «географического», что нашло отражение в содержании соответствующих словарных статей. Так, в Новой философской энциклопедии приведено следующее, уже не привязанное к реалиям физической географии, определение: «Пространство — 1) форма созерцания, восприятия представления вещей, основной фактор высшего, эмпирического опыта; 2) способ существования объективного мира, неразрывно связанный со временем»⁸. В таком случае, можно говорить не только о ландшафтно-географическом (физическом), но и иных типах пространств.

В работах П. Бурдые и А.Б. Докторовича введено понятие «социальное пространство», под которым понимается «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)». Т.е. это такое пространство, которое, не будучи физическим, «стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно», включая в себя все поля социальных взаимодействий»: политики, экономики, культуры, права, науки, информации, религии и другие, причем: «Структура социального пространства порождается и изменяется в результате взаимодействий его полей»⁹.

⁷ Комлева Н. А. Ремарки по теории геополитики. Ridero, 2018. С. 3-5.

⁸ Никулин Д.В. Пространство // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. С. 370. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2470.html>

⁹ Бурдые П. Социология социального пространства: пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 53-54; Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала // Труд и социальные отношения. № 9. 2008. С. 4.

Согласно П. Бурдьё, «Социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно»¹⁰. При этом, в зависимости от формы человеческой деятельности, физическое пространство выступает «местом мест» (topos) для политических структур и процессов, иных процессов, например, глобализации, действующих в правовом, экономическом, социокультурном и других измерениях политического действия¹¹.

В XIX в. и первой половине XX вв. политическая наука изучала, главным образом, влияние географической среды, ее географических и ресурсных характеристик, на принятие политических решений, определяющих внутреннюю и внешнюю политику государств. Это было обусловлено тем обстоятельством, что в те времена основными ресурсами, обеспечивающими процессы индустриального производства, были природные ресурсы, принадлежащие географическому пространству. В постиндустриальную эпоху на первый план стало выходить процессы приобретения знаний, и на этой основе инновационные процессы и результаты создания новых источников энергии, синтеза новых, не встречающихся в природе, материалов. Определяющее значение при осуществлении внешней и внутривнутриполитической деятельности получили интеллектуальные и информационные ресурсы, выступающие авангардными производительными силами в постиндустриальном информационном обществе.

Отсюда, произошли изменения в составе и в структуре базовых пространств, выступающих местом осуществления деятельности политических акторов. Проведение политики как концентрированного выражения экономики, расширилось политическими действиями, направленными на выживание и

¹⁰ Бурдьё П. Социология социального пространства: пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 53.

¹¹ Тынянова О. Н. Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД в постклассическую эпоху // Электронное научное издание Альманах «Пространство и время». 2013. Том 3. Выпуск 1. «Пространство и время границ». URL: <http://e-almanac.space-time.ru/index/tom-3.-vyipusk-1/>

развитие социумов, в информационно-идеологическом и информационно-кибернетическом пространствах.

Исходя из преобладающего качества взаимодействий, в зависимости от действующих в социальном пространстве объектов и субъектов, присущих им характеристик, *в современном социальном пространстве стали выделять следующие типы базовых (под)пространств или полей: политическое, экономическое, информационно-идеологическое, информационно-кибернетическое.*

Также можно выделить пространство субъективных представлений и их взаимодействий, лежащих в основе категоризации политического мира. Такое пространство базовых ментальных представлений, национальных социокультурных стереотипов, наличествующих в общественном¹² и индивидуальном сознании, будем называть *ментальным пространством*.

Ментальное пространство есть переживание, отражение в сознании человека, общества, внешнего, объективного, предметного пространства окружающего мира, в котором пребывает субъект. В монографии «Ментальное и физическое пространство», субъективное (ментальное) пространство понимается как «способ взаимного расположения духовных явлений – психических модальностей, формирующих чувственные образы», причем термины «субъективное пространство», «психическое пространство», «психологическое пространство», «ментальное пространство», «духовное пространство» используются как синонимы¹³.

К началу XXI в., вследствие перехода к постиндустриальной фазе развития, борьбу за социальные и природные ресурсы начали осуществлять не только традиционные политические акторы – государства, активные политические действия и взаимодействия проявили глобальные и

¹² Можно согласиться с мнением А.К. Рычкова и Ю.Л. Яшина, что «общественное сознание бытийствует во множестве индивидуальных сознаний, но не сводится к их сумме, а является особым качественным образованием». См. Рычков А.К., Яшин Ю.Л. Философия. М.: Владос, 2002. С. 248.

¹³ Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Ментальное и физическое пространство: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. С. 52.

транснациональные корпорации, на политической арене появились и «новые акторы»- международные теневые структуры экономической и экстремистской направленности¹⁴. При этом, политическая борьба за социально-природные ресурсы далеко не всегда затрагивала географическое пространство, и все больше перемещалась в социальные пространства, носящие внетерриториальный характер: экономическое, культурное, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое пространства¹⁵.

Можно согласиться с Н.А. Комлевой в том, что акторы, действующие и взаимодействующие в современном политическом пространстве, продвигают свои интересы, распространяют свои ценности и идеологию, активизируя борьбу за ограниченные мировые природно-сырьевые и социальные ресурсы в следующих основных типах пространств, расположенных с учетом их значения в современном глобальном мире¹⁶: 1) информационно-идеологическое пространство¹⁷; 2) экономическое пространство; 3) географическое пространство.

При этом, генеральным актором в борьбе за ресурсы, инициатором и организатором соответствующих взаимодействий в географическом и других социальных пространствах выступает политическое пространство, которое также стремится действовать и в ментальном пространстве.

Каждое из выделенных пространств представляет собой определенную целостность, состоящую из элементов, находящихся между собой во взаимоотношениях и взаимодействиях, что образует структуру пространства. С

¹⁴ См.: Лебедева М.М. Политическая система мира и новые участники международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2004. С. 173-187.

¹⁵ Информационно-кибернетическое пространство включает технологические и организационно-технические коммуникационные ресурсы, и соответствующие взаимодействия, является обеспечивающим и функционирует в качестве вспомогательного для взаимосвязи других типов пространств и взаимодействия внутри таковых.

¹⁶ См.: Комлева Н.А. Несколько замечаний относительно природы и типологии геополитических пространств // Пространство и время. № 1(15). 2014. С. 90-101; Комлева Н.А. Геополитическое пространство: сущность и типология // Электронный журнал «Вестник МГОУ». URL: www.evestnik-mgou.ru. 2014. № 1. С. 1-26.

¹⁷ С учетом теории культурной гегемонии А. Грамши, ментальное пространство будем считать подпространством информационно-идеологического пространства.

позиций политической деятельности, структуру любого выделенного пространств представляют три основных элемента: акторы, ресурсы, технологии борьбы за ресурсы.

Так для географического пространства основными акторами являются: государства, территории, имеющие признаки самостоятельности, транснациональные и глобальные корпорации. Основными ресурсами геопространства являются природно-сырьевые и земельные богатства, климат; места, удобные для размещения, портов, поселений, логистических и коммуникационных средств и пр. К основным технологиям борьбы политических акторов, в первую очередь государств, за обладание ресурсами географического пространства относится: традиционная «горячая» война, создание буферных зон и лимитрофов¹⁸, дестабилизация государств в ресурсных регионах, с использованием элементов терроризма, экстремизма и сепаратизма.

В свою очередь, акторами экономического пространства выступают государства, транснациональные и глобальные корпорации. К основным ресурсам этого пространства относятся экономическая система, ее финансовый и промышленный потенциал. Технологии борьбы за ресурсы включают: кредитную политику, экономические санкции, доминирование в средствах и путях доставки значимых товаров и энергоресурсов; реализация инфраструктурных и промышленных объектов на территориях стран, подвергающихся экспансии, использование «черных» технологий. В борьбе за ограниченные ресурсы экономического пространства и место на глобальном или внутреннем рынке государств возникают, так называемые, «экономические войны»: «валютные», «нефтяные», «рыбные» и т.п.

В современных условиях ключевое значение приобретает информационно-идеологическое пространство. Согласно «Новейшей

¹⁸ Лимитроф - совокупность государств и негосударственных акторов, пространства которых прочно контролируются мощным государством. См.: Комлева Н.А. Лимитроф в современном геополитическом процессе // Пространство и Время. Т. 3. Вып. 1. 2013.

философской энциклопедии», «Идеология – система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений — и выступает формой санкционирования или существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии), или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений)»¹⁹.

Основными акторами, управляющими идеологическими процессами в социуме, являются элитные группы государств, структуры государственного и негосударственного характера, ученые-гуманитарии, деятели искусства и литературы, журналисты, владельцы и редакторы СМИ, преподаватели и организаторы образовательных процессов. К основным ресурсам данного пространства можно отнести ресурсы как материального, так и нематериального характера: - материальные (учреждения науки, образования, и культуры; издательские, ТВ, радио и интернет-мощности; средства кинопроизводства и кинопроката, медийные и коммерческие сети по распространению идеологических продуктов, спортивные организации и сооружения); - нематериальные (идеи, идеологемы, формы общественного сознания и настроения). Основные технологии проведения идеологической борьбы включают: гуманитарные научные исследования, образовательные технологии и технологии подготовки национальных кадров, когнитивные технологии создания произведений искусства и литературы, для успешного продвижения национальных идей, и для противодействия внешней экспансии и политическим противникам; создание средств пропаганда, контрпропаганды, агитации для внедрения в массовое сознание социума; «черные» технологии с использованием манипулирования, подмены понятий, клеветы, искаженной информации.

К интенсивным технологиям идеологической борьбы относятся информационно-идеологические войны, проходящие в ментальном

¹⁹ Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Том второй. М.: Мысль, 2010. С. 81.

пространстве социума, когда политический противник стремится разрушить традиционные базовые ценности (в том числе и идеологемы) данной нации и имплантировать собственные ценности и идеологические конструкты. Как правило, информационно-идеологические войны сегодня более эффективны и обходятся дешевле, нежели «горячие» и, зачастую, экономические войны.

Информационно-идеологическое пространство часто подразделяется исследователями на две составляющие: «информационное пространство», и «идеологическое пространство», в котором бытийствуют и взаимодействуют идеи, идеологемы, символы и образы объективного мира.

Особое значение и роль информационного пространства в политической жизни и современной геополитике подчеркнул И.А. Василенко: «в XXI в. судьба пространственных отношений между государствами будет определяться, в первую очередь, информационным превосходством в виртуальном пространстве. Тем самым вопрос о роли символического капитала культуры в информационном пространстве приобретает не абстрактно-теоретическое, а стратегическое геополитическое значение. Но социокультурные факторы активизируются только благодаря человеческой активности, поэтому в центре информационных технологий находится сам человек политический как творец и интерпретатор современной политической истории»²⁰.

Из приведенного выше анализа идеи социального пространства и его базовых подсистем следует, что проблема социальной стабильности, т.е. стабильности в социальном пространстве страны, может и должна рассматривать только в комплексе процессов и явлений, происходящих в его базовых подпространствах, таких идеологическое, экономическое, информационное, но, прежде всего, политическое подпространство.

При этом, при решении проблемы социальной стабильности закономерно возникает вопрос – не является ли, вместе с тем, стабильность синонимом

²⁰ Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб, пособие. М.: Гардарики, 2006. С. 47.

застоя и торможения процессов развития государства и общества? Несомненно, усиление роли взаимосвязанности, взаимообусловленности, системного характера происходящих сегодня общественных изменений позволяет утверждать, что факторы, параметры и уровни формирования и развития социальной стабильности в стране представляют собой многогранный и полифункциональный процесс, отражающий органичную социальную потребность общества и государства²¹.

Современная сложная социально-экономическая ситуация, характеризуется глубоким кризисом неолиберальной глобализации, что осложняет процессы и перспективы достижения стабильности в социальном пространстве, что определяется, главным образом, совокупностью основных интересов личности, общества и государства, которые корреспондируются с национальными интересами России в области экономики, внутривнутриполитической, международной, оборонной и информационной сферах, в социально-культурной области и духовной жизни. Интересы личности как субъекта стабильности в социальном пространстве состоят в соблюдении конституционных прав и свобод, личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии. Интересы общества как субъекта стабильности в социальном пространстве включают в себя упрочение национальных основ демократии, достижение и поддержание общественного согласия, повышение творческой и созидательной активности населения, реализацию его духовного потенциала. Интересы государства как субъекта стабильности в социальном пространстве состоят в защите конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в установлении социальной, политической и экономической стабильности, в развитии международного сотрудничества на основе партнерства и мира, в стабильности мировых геополитических и финансовых проблем.

²¹ Донцов А., Перельгина Е. Социальная стабильность: от психологии до политики. М.: ЛитРес, 2011. 298 с.

Интересы основных субъектов стабильности в российском социальном пространстве определяются тремя основными особенностями формирования моноцентрической модели политического пространства России: централизацией, персонификацией и идеализацией²².

Централизация как одна из фундаментальных координат стабильности в российском социальном пространстве связана с тем, что в основе российской культуры – восприятие целого, а не манипулирование частностями; «собираение, а не разделение». Тем самым стабильность в России традиционно обеспечивается на основе стремления к политической целостности через централизацию властных функций. Наличие могущественного властного центра и сегодня понимается большинством как гарантия сохранения целостности России и территориальной, и духовной, поскольку сильная центральная власть – одна из базовых координат российского социального пространства.

Персонификация как координата стабильности российского социального пространства реализуется в персонификации политических институтов. Так, самые массовые политические партии в России «едва различимы за персонами их лидеров»: крупнейшая общественная организация в стране «Единая Россия» свою программу называет «план Путина», аналогичную роль играют фигуры В. Жириновского (ЛДПР) и Г. Зюганов (КПРФ).

Идеализация (идеологизация) как одна из фундаментальных координат стабильности в российском социальном пространстве предполагает идеализацию целей политической борьбы. «Идеализм – главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать русский мир на новые орбиты развития. Если же идеальная цель теряется из виду, общественная деятельность замедляется и расстраивается»²³.

Проблема выявления базовых координат стабильности в российском социальном пространстве была поставлена еще в XII веке великим князем

²² Следуя терминологии В. Суркова.

²³ Сурков В. Русская политическая культура, взгляд из утопии. Независимая газета, 2007.

Владимиром Мономахом. Он считал, что значительное влияние на состояние общества оказывают прежде всего религиозно-нравственные факторы и потому судьба Руси зависит от того, насколько нравственными окажутся в своем поведении люди, наделенные властью. Властитель должен быть прежде всего высоконравственным человеком: помогать обездоленным, чтить старых, остерегаться пороков, не свирепствовать словом, быть милосердным судьей, соблюдать законы и всегда всему учиться. Так, в своем «Поучении» Владимир Мономах писал: «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души»²⁴.

Наиболее остро вопрос о социальной стабильности встал перед Россией в конце XVIII – начале XIX века. Выдающийся государственный деятель этого периода М.М. Сперанский одной из базовых координат социальной стабильности считал обеспечение безопасности личности, защиты собственности и чести каждого. Для достижения этой цели, по его мнению, необходимо было обеспечить права и свободы россиян. Он различал гражданские и политические права, причем если политическими правами обладали только собственники, то гражданскими правами, по его мнению, следует наделить всех подданных Российской империи, а значит, крепостное право должно быть уничтожено. Кроме того, для достижения стабильности социального пространства должны быть усовершенствованы законы, исходящие из одного начала, постоянные и неизменные, а также должна действовать система разделения властей («законодательная, исполнительная и судебная»), подчиненных державной власти императора.

Несколько иную концепцию, определившую новые координаты стабильности социального пространства в середине XIX века, предложил

²⁴ Поучение Владимира Мономаха / Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978.

министр народного просвещения в правительстве Николая I С. С. Уваров, сформулировав знаменитую формулу: «Православие, самодержавие, народность». Россия, согласно этой концепции стабильности, – это самобытная страна, в основе которой лежат самодержавие – единственная форма правления, которую поддерживает русский народ; православие как исконное воплощение его духовности и надежная опора единовластия монарха, а также народность, неразрывно связующая самодержца и общество.

Проблема стабильности социального пространства была также затронута А.С. Хомяковым, Ю.Ф. Самариным, С.Т. и К.С. Аксаковыми, И.В. и П. В. Киреевскими. Они считали, что наиболее стабильной в политическом и социальном плане была допетровская Русь. В качестве одной из базовых координат стабильности в социальном пространстве они считали общину, которая, по их мнению, обеспечивала гармонию и согласие в обществе, провозглашая нормой жизни превосходство интересов целого над частными интересами отдельной личности. Также в ряду важнейших координат социальной стабильности они рассматривали православие, которое представлялось духовной основой социальной стабильности. Значимая роль в этой системе координат принадлежала государству, которое должно было служить интересам общества, не нарушая его независимости в решении важных для него вопросов.

В начале XX века проблему стабильности социального пространства в своих трудах поднимает известный философ И.А. Ильин. Одной из основных координат стабильности социального пространства он считал сильную государственную власть, полагая, что достижение стабильности возможно тогда, когда государственная власть принадлежит и применяется только на основе правового полномочия, является единой, осуществляется лучшими людьми, а осуществляемые политические программы включают в себя только такие меры, которые преследуют общий интерес.

Во второй половине XX века в отечественной науке большое внимание вопросам стабильности социального пространства уделяли Л.И. Абалкин, М.Г.

Анохин, А.В. Барышева, К.С. Гаджиев, А.А. Галкин, Г.Г. Дилигенский, Ю.А. Красин, Н.И. Лапин, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, которые основным условием ее достижения называли решение «проблем человека». Сегодня различные аспекты достижения стабильности социального пространства, системы социального партнерства, социального положения индивида, государственной социальной политики представлены в работах Л.И. Абалкина, А.Г. Асмолова, Н.А. Волгина, А.Л. Журавлева, Т.И. Заславской, Р. Инглхарта, П. Кууси, Д.С. Львова, Г.В. Осипова, А.С. Панарина, Е.М. Примакова, В.Д. Роика, А.В. Юревича, В.А. Ядова и др.

Исследование проблемы стабильности социального пространства в мировой научной мысли имеет долгую и богатую историю. Обращаясь к наследию древнегреческих мыслителей, можно установить, что категория стабильности традиционно осмыслялась в координатах хаоса и порядка. Так, Платон определял признаки общественной стабильности и «порядка» как принцип организации социального пространства: «...Небо и землю, богов и людей объединяет общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную «порядком» [«космосом»], а не «беспорядком»²⁵.

Рассматривая понятие стабильности в координатах порядка и мирного сосуществования, Платон отмечал, что «самое лучшее – это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникнет нужда; мир же – это всеобщее дружелюбие»²⁶.

Также Платон указывал на важность таких ориентиров стабильности социума, как справедливость и воздержанность: «Такою мне представляется цель, которую надо видеть перед собой в течение всей жизни, и ради нее не щадить сил – ни своих, ни своего города, – чтобы справедливость и воздержанность стали спутницами каждого, кто ищет счастья; да, так надо

²⁵ Платон. Горгий // Сочинения в 3-х тт. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 1. М.: Мысль, 1968. С. 341.

²⁶ Платон. Законы // Сочинения в 3-х тт. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1968. С. 90.

поступать, а не давать волю необузданным желаниям, не торопиться их утолять, потому что это нескончаемое зло, это значит вести жизнь разбойника»²⁷.

Диоген к основным координатам стабильности в социальном пространстве присовокупил порядок и закон: «Порядок в государстве бывает троякого рода. Во-первых, если законы хороши, мы говорим, что царит порядок. Во-вторых, если граждане подчиняются тем законам, какие есть, мы тоже говорим, что царит порядок. В-третьих, если и без законов государственная жизнь идет хорошо, следуя нравам и обычаям, это мы тоже называем порядком. Таким образом, для порядка первое – это когда законы хороши; второе – когда существующим законам подчиняются; третье – когда государственная жизнь следует добрым нравам и обычаям». При этом хаос и беспорядок в логике Диогена рассматривались как факторы дестабилизации социальной ситуации: «Непорядок в государстве бывает троякого рода. Во-первых, если законы и о гражданах, и о чужеземцах дурны. Во-вторых, если существующим законам не подчиняются. В-третьих, если законов вовсе нет. Таким образом, для беспорядка первое – это когда законы дурны; второе – когда существующим законам не подчиняются; третье – когда законов вовсе нет»²⁸.

В эпоху Просвещения в представлениях о стабильности появляются координаты справедливости и несправедливости.

Например, Гельвеций трактовал справедливость и закон как важные условия стабильности в социальном пространстве: «Справедливость предполагает установленные законы. Соблюдение справедливости предполагает наличие равных сил между гражданами. Взаимный и благотворный страх заставляет людей быть справедливыми друг к другу. Если страх этот перестает быть взаимным, то справедливость станет достойной наградой добродетели, но это значит, что законодательство народа содержит в

²⁷ Платон. Горгий // Сочинения в 3-х тт. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 1. М.: Мысль, 1968. С. 340–341.

²⁸ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; Общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. С. 179.

себе известные недостатки. Совершенство законодательства предполагает, что человек вынужден быть справедливым»²⁹.

Для проведения в жизнь принципов и законов справедливости в качестве важнейшей координаты стабильности в социальном пространстве утверждается значение силы. Еще Платон считал силу наряду со справедливостью важнейшим фактором стабильности: «...из двух зол большее, по нашему суждению, чинить несправедливость, а меньшее – терпеть.

Что же нужно человеку для надежной защиты против обоих, так чтобы и не чинить несправедливость, и не терпеть ее? Сила ему нужна или добрая воля? Я спрашиваю: если человек не желает подвергаться несправедливости, этого достаточно, или же нужна сила, чтобы избежать несправедливости? – Ясно, нужна сила»³⁰. Философия Просвещения также, обращаясь к проблематике соотношения силы и справедливости, отдает приоритет такой категории, как «сила», что определенно сформулировано в трудах Гельвеция: «Нашествие гуннов, готов, вандалов, свевов, римлян, завоевания испанцев и португальцев в обеих Индиях, наконец, наши крестовые походы – все это доказывает, что в своих начинаниях народы считались только с силой, а не со справедливостью»³¹. У Гельвеция основными факторами стабильности выступают сила и закон: «На что мог бы жаловаться какой-нибудь дикарь, живущий на изобилующем дичью участке, с которого его хотел бы изгнать более сильный дикарь, до того, как общественный интерес объявил право первого захвата священным законом? – Какое ты имеешь право, – сказал бы первый дикарь, – изгнать меня с этого участка? – На каком основании, – ответил бы ему второй, – ты владеешь им? – Случай, – ответил бы слабый, – привел меня сюда; этот участок принадлежит мне потому, что я живу на нем, и потому, что земля принадлежит первому, занявшему ее. Что это за право

²⁹ Гельвеций. Сочинения в 2-х тт. Т. 2 / Сост. и общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: Мысль, 1974. С. 198.

³⁰ Платон. Горгий // Сочинения в 3-х тт. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 1. М.: Мысль, 1968. С. 343.

³¹ Гельвеций. Сочинения в 2-х тт. Т. 2 / Сост. и общ. ред. Х.Н. Момджяна. М.: Мысль, 1974. С. 200-201.

первого захвата? – ответил бы более сильный. – Если бы случай привел тебя первым в это место, то тот же самый случай дал мне силу, необходимую для того, чтобы изгнать тебя отсюда... Все в природе говорит тебе, что слабый есть добыча сильного. Сила – это дар богов. Благодаря ей я владею всем тем, что я могу похитить. Небо, вооружив меня этими мускулистыми руками, возвестило тебе свою волю. Убирайся отсюда, уступи силе или сражайся»³².

Проблемы стабильности социального пространства нашли свое отражение не только в европейской философии, но также в философии Древнего Китая. Великий китайский мыслитель Лао Цзы в своем труде «Дао Дэ Цзин» рассматривал покой, постоянство, ясность и справедливость как основные координаты стабильности социального пространства: «Нужно сделать [свое сердце] предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. [В мире] – большое разнообразие вещей, но [все они] возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и [в результате] к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует дао. Тот, кто следует дао, вечен, и до конца жизни такой государь не будет подвергаться опасности»³³.

В одном из крупнейших древнекитайских философских трактатов «Гуань-цзы» ритуал, порядок и спокойствие указываются как базовые координаты социальной стабильности: «Ритуал в обществе есть проявление дао. Долг есть то, благодаря чему все люди действуют в соответствии со своим

³² Гельвеций. Сочинения в 2-х тт. Т. 2 / Сост. и общ. ред. Х.Н. Момджяна. М.: Мысль, 1974. С. 197-198.

³³ Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 119.

положением. Ритуал есть правила этикета, выработанные в соответствии с отношением людей и их чувством долга. Поэтому ритуал означает определенный порядок, а определенный порядок выражает смысл долга. Таким образом, ритуал происходит от чувства долга, чувство долга от существующего порядка, а основой существующего порядка служит дао»³⁴.

В составленном в начале нашей эры классическом конфуцианском трактате «Ли Цзи» в качестве координат стабильности социального пространства, наряду с ритуалом, рассматриваются закон и забота о народе: «...Судьба человека зависит от [правильного отношения] к небу, судьба государства зависит от [правильного соблюдения] ритуала. Когда государь высоко чтит ритуал и ценит талантливых людей, он правит [Поднебесной], как совершенный ванн; когда государь высоко чтит законы и любит народ, он правит [Поднебесной], как гегемон; если же государь алчен и лжив, ему грозит опасность; если он коварен, плетет интриги и замышляет козни, он неизбежно погибнет. ...Смута порождается неправильным следованием дао, мир и спокойствие возникают, когда это дао полностью [соблюдается]». Также в трактате указывается, что «...тот, кто управляет народом, должен ясно указать ему принципы поведения, а если это указание будет неясным, в Поднебесной воцарится хаос. Ритуал как раз является таким указателем [поведения]; когда нарушают ритуал, наступают мрачные времена»³⁵.

В древнекитайском трактате «Книга Правителя области Шан» (Шан Цзюнь Шу) основой стабильности считается прежде всего порядок: «Если порядок в государстве строится на суждениях семьи, [оно] достигнет владычества [в Поднебесной]; если порядок в государстве покоится на суждениях чиновников, оно будет могущественным; если порядок в государстве покоится только на суждениях правителя, оно ослабеет. ...

³⁴ Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 29-30.

³⁵ Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 29-30.

Надлежит сократить количество наказаний и ввести [систему] взаимной ответственности»³⁶.

Стабильность в древнекитайской философии также показана в координатах умеренности и разумной сдержанности, которые предполагают «золотую середину» во всем. Мэн Цзы: «Когда в стране существует Дао, лошади унавоживают землю; когда в стране отсутствует Дао, боевые кони пасутся на полях. Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению [богатств]. Поэтому, кто умеет удовлетворяться, всегда доволен [своей жизнью]»³⁷. Следующий шаг делает Чжуан Цзы: «Такой принцип, как «золотая середина», представляет собой наивысший принцип. Люди [уже давно не обладают] им»³⁸.

Таким образом, исследование проблемы стабильности в социальном пространстве имеет весьма глубокие корни. Древнекитайская и античная философии рассмотрение указанной проблемы связывали с самосохранением общества, его устойчивостью, равновесием и упорядоченностью общественных отношений на основе умеренности, выступая против крайностей богатства и бедности, во главе с мудрым правителем, руководствующимся в своем правлении справедливыми законами. Помимо этого, в качестве координат стабильности социального пространства рассматривалась защита прав и свобод граждан, воспитание чувства ответственности за судьбу своей страны.

В Средние века, представление о стабильности социального пространства обуславливалось подчинением общества религиозным законам. Поиску наиболее эффективных средств и методов достижения социального порядка и стабильности были посвящены труды Н. Макиавелли, который считал законодательство важным фактором поддержания единства и стабильности общества. С созданием эффективной законодательной базы, отвечающей интересам большинства населения, связывали проблему

³⁶ Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 218.

³⁷ Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 128.

³⁸ Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 153.

стабильности Ш. Монтескье, И. Кант и др. Важным этапом изучения проблемы стабильности социального пространства стал XIX век, когда бурное развитие капиталистических отношений привело к различного рода социальным потрясениям. Образ стабильного развивающегося общества пронизывает эволюционизм О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, диалектическую теорию Г. Гегеля и К. Маркса.

Сбалансированность и гармония содержания деятельности социальных институтов и интересов людей, высокий уровень интеллектуального развития отдельных индивидов и общества в целом, необходимость динамического равновесия между производительными силами и производственными отношениями рассматривались в качестве основных координат стабильности.

Над вопросом о социальном пространстве размышляли, Р. Декарт, Т. Гоббс, Г. Лейбниц, Ф. Ратцель, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. фон Визе, Е. Спекторский, П. Сорокин и др. По мысли П. Сорокина, «социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли. Там, где нет человеческих особей или же живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Он может находиться только в геометрическом, но не социальном пространстве. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета»³⁹.

В XX и начале XXI века проблема стабильности в социальном пространстве нашла свое отражение в работах зарубежных исследователей: Т. Парсонса, П. А. Сорокина, К. Дойтча, Д. Сингера, Ф. Фукуямы, Д. Хелда, Э. Гидденса, Н. Лумана, Н. Смелзера, П. Штомпки и др. Стабильное состояние трактуется как сложное качество социальной системы, включающее в себя надежность, устойчивость, динамизм и сбалансированность интересов всех ее

³⁹ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 298.

составных частей, их взаимозависимость, интеграцию, адаптацию и дифференциацию. В качестве критериев и факторов социальной стабильности указываются социальный порядок, превалирование социальной помощи над социальной мобилизацией, высокие темпы экономического развития, равномерное распределение доходов, наличие социального контроля.

Однако понятие «социальная стабильность» еще не устоялось в современном общественном сознании. Так, академик Т.И. Заславская понимает стабильность в социальном пространстве как воспроизводство сложившихся отношений, определенного уровня жизни и т.д.⁴⁰

Ю.Г. Волков, вслед за А. Туреном и Д. Хомансом, говорит о стабильности и предсказуемости (по А. Маслоу, «защищенности») как об одной из фундаментальных человеческих потребностей. Для установления координат стабильности в социальном пространстве он вводит понятие «безопасность», т.е. «состояние, при котором поддерживаются факторы, сохраняющие стабильность и позитивную направленность развития социально-экономической системы»⁴¹.

Термин «стабильный» нередко определяется как «устойчивый, неизменяющийся, прочно утвердившийся»⁴², а стабильность, тем самым, трактуется в координатах неизменности.

П. Бергер и Т. Лукман определяли стабильность как внутреннюю потребность человека. Перед лицом хаоса и ненадежности социальной реальности конструируются общества, в интеграции институциональных процессов рождаются «символические универсумы», осмысливающие и дающие определение реальности⁴³.

«Символический универсум» сам является воплощением стабильности. Л.А. Баев и Н.Н. Моисеев определяют стабильность как неизменность

⁴⁰ Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск, 2003. С. 100, 447.

⁴¹ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология / Под ред. проф. В.И. Добренко. М.: Гардарики, 1998. С. 203, 293.

⁴² Краткий политический словарь (Изд. 3-е, доп. и переработ.). М.: Политиздат, 1971. С. 245.

⁴³ Бергер Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 89, 158, 169.

определенных макропараметров (управляющих параметров) системы в русле теории самоорганизации, выводя при этом понятие устойчивости как противоречивого взаимодействия стабильности и новационных тенденций (поиска новых энергий и их рационального использования).

В работах П. Бергера и Т. Лукмана, Т.И. Заславской, Ю.Г. Волкова, С.Г. Кирдиной социальное пространство представлено как нечто неизменное, обладающее неизменяющимся ядром (осью стабильности). Стабильное социальное пространство развивается эволюционно, последовательно именно потому, что некоторые параметры остаются неизменными. Эти неизменные параметры являются осью стабильности. Таким образом, стабильное социальное пространство обладает высокой степенью внешней и внутренней адаптации при неизменяющемся институциональном ядре. В этой связи исследователи выделяют универсальные свойства стабильного социального пространства – сохранение функциональных связей, локализация и мирное разрешение конфликтов между социальными группами, гомеостазис (равновесие), гашение антисистемных импульсов и т.п.⁴⁴

Предлагаемые в политологии интерпретации термина «стабильность» (от лат. *stabilis* – устойчивый, постоянный) означают упрочение, приведение в постоянное устойчивое состояние или поддержание этого состояния, например, обеспечение постоянства каких-либо процессов⁴⁵.

Как правило, в научной литературе термин «стабильность» связывается с динамикой изменений и неизбежностью перемен при достаточно высокой степени их упорядоченности.

«Динамическая устойчивость» социального процесса служит для различных государств некой эталонной моделью, дающей возможность эффективно преодолевать кризисы развития и решать актуальные социальные проблемы. В связи с этим большую популярность среди теорий социальной

⁴⁴ См.: Селезнева И.Г. Социальная политика в системе стабилизации общественных отношений: Автореф. ... дис. канд. социол. наук. Волгоград, 2007.

⁴⁵ Общая и прикладная политология / Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ; Изд. «Союз», 1997. С. 522.

динамики получила в настоящее время концепция так называемого «устойчивого развития» (Sustainable development), успехи в реализации которой демонстрируют развитые страны Европы и Северной Америки⁴⁶. Так, на всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию, состоявшейся в Йоханнесбурге (ЮАР) 26 августа – 4 сентября 2002 г., была согласована Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. Эта встреча подтвердила, что устойчивое развитие является одним из центральных вопросов международной повестки и открывает путь для принятия практических, устойчивых мер, необходимых для решения ряда актуальных мировых проблем. В рамках этой встречи была расширена и усилена концепция устойчивого развития, особенно в отношении взаимосвязей между экономическим и социальным развитием и охраной природных ресурсов⁴⁷.

Условия стабильности в ряде исследований представляются спонтанно возникающими независимо от воли людей⁴⁸.

Среди социальных потребностей, обуславливающих социальную ценность стабильности, можно назвать потребность в «защите от ужаса» ненадежной социальной реальности, которая способствует формированию стереотипного поведения («хабитулизация» у П. Бергера и Т. Лукмана), а также потребность во всеобъемлющем смысловом мире, безопасном для субъекта. Эти потребности становятся главным условием формирования стабильного «символического универсума»⁴⁹.

Спонтанные защитные реакции социальных субъектов конструируют определенные общественные отношения и социальные практики, которые, будучи оформлены и поддержаны государством, становятся основой стабильности в социальном пространстве⁵⁰. Традиционно, одним из базовых

⁴⁶ См.: Селезнева И.Г. Социальная политика в системе стабилизации общественных отношений: Автореф. ... дис. канд. социол. наук. Волгоград, 2007.

⁴⁷ Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Весь мир, 2005. С. 271.

⁴⁸ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 11.

⁴⁹ Бергер Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 92, 169.

⁵⁰ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология / Под ред. проф. В.И. Добренькова. М.: Гардарики, 1998. С. 293-295.

условий стабильности и одновременно ее производной считается и социальная справедливость.

В современной научной литературе исследуют различные типы, особенности и характеристики социальной стабильности: политическую, социально-экономическую, социально-психологическую и др. В частности, политическая (социально-политическая) стабильность трактуется как снижение социальной напряженности в обществе и достижение на основе компромисса интересов разных социальных групп национального согласия по вопросам выбора пути развития страны. Социально-экономическую стабильность связывают прежде всего с устойчивым состоянием социальной системы общества, позволяющим ей функционировать и развиваться, своевременно заменяя устаревшие экономические и социальные формы новыми, отвечающими изменившимся общественным потребностям, переменам во внутреннем и внешнем положении страны. Векторы социально-психологической стабильности ориентированы на такое направление развития общества, которое характеризуется прогрессивными изменениями отдельных социальных сообществ, групп и индивидов, непротиворечивостью межгрупповых взаимодействий, переходом от менее совершенного состояния к более совершенному, причем источником этого прогресса выступают человеческие потребности, мотивы и интересы, их удовлетворение.

Научные исследования феномена стабильности в социальном пространстве во многом основываются на социальных представлениях о стабильности, которые предстают как особая форма социального знания, возникающая в результате соотнесения индивидуального и коллективного сознания с реальностью.

В связи с этим, обращаясь к результатам ассоциативного эксперимента и транссимволического анализа стабильности, проведенных Л.А. Паутовой, можно увидеть, что наиболее частотными являются следующие ассоциации: во-первых, порядок (6,4 % ассоциаций, 10,6 % когнитивных символов), во-вторых, близкие понятия – равновесие, постоянство, покой, неизменность (все эти слова

и их синонимы составили 14,9 % всех ассоциаций, 20 % когнитивных символов). Такой важный признак стабильности, как способность возвращаться в состояние равновесия в случае вынужденных отклонений, занимает меньшее место в ассоциациях (4,9 % ассоциаций). Еще меньшее внимание респондентов привлекают динамические, координирующие и управленческие свойства стабильности (2,8, 2, 4,16 % ассоциаций). Очевидно, что для респондентов стабильность – это прежде всего равновесный порядок, неизменность, покой⁵¹.

Анализ ассоциаций позволяет предположить, что большое значение при формировании представления о стабильности имеет чувственный образ устойчивости (А.Н. Леонтьев) или так называемое базисное знание (А. Шюц). Так, мы ощущаем устойчивость/неустойчивость положения автомобиля, обуви на высоких каблуках, роликовых коньков, мебели и т.п., ясно отличая стабильное состояние от нестабильного.

Содержательное наполнение когнитивного уровня осуществляется через категоризацию и последующие символизацию и метафоризацию стабильности. Рассматривая символы стабильности, которые характеризуют ее координаты в социальном пространстве, Л.А. Паутова выделяет основные три группы:

1. Символы, характеризующие «стабильность» как социальное явление. В эту группу отнесены ассоциации, которые связывают стабильность с определенным социальным аспектом – социальным взаимодействием (3,2 % ассоциаций): общество, сплоченность, верность, люди, дружба и др.; семьей (3,6 %): семья, дом, муж, мужчина, родители, мама, дети; политикой (8,1 %): государство, страна, законность, политика и т. д. Эти показатели говорят о том, что представление о стабильности является социально актуализированным.

2. Символы, ассоциирующие стабильность с явлениями природы и предметами (4,5 %): камень, железо, море, вода, свет, солнце, чугун, сталь, дуб, стена, кирпич.

⁵¹ Паутова Л.А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология. 2004. № 19. С. 44-45.

3. Научные символы (2,2 %): константность, инвариантность, континуум, минимум отклонений и др.⁵²

Стабильность в общественно-политической мысли XX века на различных этапах рассматривалась в координатах статичности (британский историк А. Тэйлор) и перемен, т.е. статичности, понимаемой как антипод перемен, а также ревизионизма. Определение стабильности как типа движения позволяет рассмотреть ее в соотношении с безопасностью.

Если безопасность подразумевает искомое состояние системы, то стабильность – это тип смены ее реальных состояний, которые могут характеризоваться большей или меньшей безопасностью. Согласно другой интерпретации, безопасность воплощает отсутствие угроз для выживания, а стабильность – способность компенсировать такие угрозы в случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы. Третий вариант трактовки соотношения стабильности и безопасности исходит из того, что стабильность – это равномерно отклоняющийся тип движения, средней линией которого можно считать отсутствие угрозы выживанию системы, с которым и отождествляется безопасность. Если обратиться к различным интерпретациям стабильности (от К. Дойтча и Дж. Д. Сингера до К. Уольтца), необходимо отметить, что все они тяготеют к «прикладному» видению стабильности – к ее пониманию как условия безопасности.

В той мере, в какой цель безопасности – выживание системы, она сближается со стабильностью, воплощающей наиболее оптимальный для обеспечения этой выживаемости тип движения. Допустимо полагать, что смысл безопасности состоит в обеспечении стабильности. С оговорками можно сформулировать и обратное: стабильность представляет собой вид саморегулирующегося (самокомпенсирующегося) движения, оптимального с

⁵² Паутова Л.А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология. 2004. № 19. С. 48-49.

точки зрения выживания системы. Значит, безопасность системы может считаться если не целью, то полюсом тяготения стабильности⁵³.

Изучение стабильности в координатах безопасности развивалось в русле историко-дипломатического подхода к стабильности, в рамках которого основное внимание уделялось государству как субъекту стабильности социального пространства. В XIX веке и первой половине XX века со стабильностью связывалось представление об идеальной системе международных отношений, в которой основной целью считалось сохранение статус-кво, а главным условием ее реализации – сохранение силового равновесия.

Понятие стабильности в контексте историко-дипломатического подхода реализуется в терминах «баланса сил» и «силового равновесия». «Balance of power» (в переводе на русский язык «равновесие силы», или «силовое равновесие») было одним из ключевых понятий дипломатии Клемента Меттерниха, а в определенный период и Отто фон Бисмарка.

Г. Киссинджер в своих поздних работах проводит грань между понятиями «balance of power» (силовое равновесие) и «balance of forces» (что буквально соответствует русскому «баланс сил», «соотношение сил»). Он применяет первое к истории до 1918 года, а второе – например, к нынешней ситуации неустоявшихся соотношений влияния между Германией и ее европейскими соседями⁵⁴. В таком же смысле пользуется термином «balance of forces» П. Кеннеди, один из наиболее ярких современных исследователей международных отношений. Аналогичная трактовка в работе о теории «циклов силы» и

⁵³ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997.

⁵⁴ Kissinger H. Russian and American Interests after the Cold War // Rethinking Russia's National Interests / Ed. By Stephen Sestanovich. Washington: Center for Strategic and International Studies, 1994. P. 1, 3.

понятиях абсолютной и относительной мощи великих держав принадлежит политологу Ч. Дорану⁵⁵.

Современный американский специалист в области военно-исторических и политических исследований М. Трахтенберг подчеркивает, что сращивание значений «стабильность» и «безопасность» было инициировано появлением военно-политической доктрины «стратегической стабильности»⁵⁶ (известная также под названием доктрины «взаимно гарантированного уничтожения»), которая была разработана во второй половине 1950-х годов в Лос-Анджелесе, а при президенте Дж. Кеннеди стала теоретической основой американской политики. Ее смысл состоял в признании достигнутого потенциала ядерных арсеналов США и СССР достаточным для уничтожения друг друга независимо от того, с чьей стороны будет исходить первый удар. В данном контексте слово «стабильность», понимаемое в военно-стратегическом ключе, стало восприниматься почти как синонимичное термину «безопасность». Начало этому в 1960-е годы прямо или косвенно положили ученые, причастные к формулированию и популяризации доктрины, – А. Уолстеттер, Б. Броди, Ф. Хофман, Т. Шеллинг и др. Однако, динамика международной ситуации актуализировала новые грани стабильности. В связи с этим в рамках развития получило рассмотрение стабильности в координатах порядка, которое нашло свое отражение в концепции «международного порядка». В соответствии с идеями американского исследователя Л. Миллера, главным признаком порядка является присутствие в мировой системе некоего основополагающего принципа, которым руководствовались бы все государства, при этом он делал акцент на динамическом компоненте международных отношений, необходимости присутствия в них наряду с консервирующими,

⁵⁵ Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. NY: Random House, 1988. P. 534; Doran Ch. Quo vadis? The United States' Cycle of Power and its Role in a Transforming World // Building a New Global Order. Emerging trends in International Security / Ed. By D. Devitt, D. Haglund, J. Kirton. Toronto; Oxford; NY: Oxford University Press, 1993. P. 17.

⁵⁶ Trachtenberg M. History and Strategy. Princeton: Princeton Univ. Press, 1991. P. 17-25.

упорядочивающими устремлениями одновременно также и иницирующих импульсов, противоречий и конфликтов (А.Д. Богатуров).

Наряду с историко-дипломатическим подходом получил развитие системный подход к стабильности в социальном пространстве, в рамках которого стабильность рассматривается как состояние системы и как тип движения системы.

Системный подход к исследованию стабильности в социальном пространстве исходит из того, что любая система представляет собой сложнейшее в структурном отношении образование, которое может быть по-разному структурировано. Так, Н. Луман формулирует свойства системы, которые оказывают влияние на стабильность социального пространства: 1) комплексность системы; 2) контингентность и относительная невероятность структур системы; 3) потребность в специфической дестабилизации (правительство, сменяемое на выборах); 4) чувствительность к информации; 5) частота или скорость структурных изменений⁵⁷. Механизмы стабильности социального пространства целесообразно рассмотреть в аспекте автопоэзиса – воспроизводства (самопорождения) системой своих компонентов с целью сохранения своей самотождественности, опираясь на концепцию Н. Лумана. Автопоэзис является условием для того, чтобы структура могла либо изменяться, либо нет. Благодаря автопоэзису, создаются такие условия, что объект не может изменить свое положение во времени (а может изменить себя либо другой объект). В любом случае, объект остается во власти времени и поэтому должен, начиная с определенной степени комплексности, поддерживать себя посредством «автопоэзиса»⁵⁸. Важным элементом стабильности в социальном пространстве является возможность самоизменения и самоприспособления системы к окружающему миру, устраняющая внутрисистемные трудности, возникающие из неравновесия в соотношениях

⁵⁷ Луман Н. Введение в системную теорию (Под ред. Дирка Беккера). Пер. с нем. К. Тимофеева. М.: «Логос», 2007. 360 с.

⁵⁸ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. М.: Наука, 2007. 648 с.

элементов, т.е. из редукции внутрисистемной комплексности (которая может возникнуть в результате приспособления к окружающему миру). «Любое изменение структуры, приспособляющее ее к окружающему миру или нет, есть самоизменение в социальных системах; оно возможно лишь через коммуникацию... Однако оно [изменение структуры] требует таких ситуаций в системе, в которых видно, понятно и убедительно, что ожидания меняются»⁵⁹.

Исследования, да и здравый смысл, показывают, что абсолютная стабильность социальной системы практически невозможна. Она предполагает не только полную неподвижность самой системы и составляющих ее элементов, но и их изоляцию от всяких внешних воздействий. Поэтому, обращаясь к реальным ситуациям, можно говорить лишь о системах с высокой степенью стабильности. Однако чрезмерно высокая степень стабильности предполагает жесткую сопротивляемость изменениям – как вне, так и внутри системы. Обратная сторона этой качественной характеристики – ослабленная способность адаптироваться к меняющимся условиям существования, что в конечном итоге ведет к гибели.

Внушает оптимизм жизнеспособность динамических систем, в которых степень стабильности, обеспечивая самосохранение, не является непреодолимым препятствием для назревших изменений. Стабильность в динамических системах поκειται на совокупности неустойчивых равновесий между системообразующими и системоизменяющими процессами. Неустойчивое равновесие существует также между элементами (подсистемами) самой системы, различающимися как по удельному весу, так и по выполняемой роли. При отсутствии сильных интегрирующих импульсов системы разрушаются, а при наличии – возникает новое равновесие, покоящееся на изменившемся соотношении элементов⁶⁰[43].

⁵⁹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. М.: Наука, 2007. 648 с.

⁶⁰ См.: Галкин А. А. Общественные изменения и проблемы стабильности сквозь призму культуры мира // URL:// <http://www.politobraz.ru/eksperti/ekspert/>

С точки зрения системного подхода к проблеме стабильности представляются весьма интересными идеи одного из основоположников структурного функционализма Т. Парсонса, который разработал формализованную модель системы действия, включающую культурную, социальную, личностную и органическую подсистемы. Подсистема культуры выполняет функцию поддержания образца; социальная подсистема – интеграции личности; подсистема личности – достижения цели; поведенческий организм – адаптации к органической среде. Размышления о стабильности общества при любом его структурировании приводят к исследованию динамических характеристик структур, их взаимодействия друг с другом, соответствия между собой для поддержания органической целостности общественного организма. В концепции Т. Парсонса важную роль играет исследование процесса адаптационных возможностей для лучшей реализации определенных функций, для приспособления к воздействию окружающей среды⁶¹.

Во взаимосвязанном мире трудно выделить абсолютно замкнутые системы, или диаду «система – внешняя среда». В этом контексте можно рассуждать о системах – метасистемах, при этом, однако, вполне обоснованно выделяется система «общество – окружающая природная среда», или «человек – природа». Ее можно отнести к вышеперечисленным типам: система – внешняя среда, система – метасистема.

В структуре социального пространства как системы можно выделить экономическую, социальную, политическую и духовно-идеологическую подсистемы. Так, французский социолог П. Бурдьё определяет аналогичные структуры экономическим, социальным, политическим, символическим пространствами. По его мнению, объективные структуры воздействуют на формирование символических представлений, а, в свою очередь, модели восприятия структурируют социальную реальность. Социальное пространство

⁶¹ Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

П. Бурдьё состоит из подпространств или полей (экономическое, интеллектуальное и т.п.), детерминированных «неравномерным распределением отдельных видов капитала»⁶².

Социальное пространство отражает условные границы, в пределах которых разворачивается жизнедеятельность территориального сообщества. Каждый человек по-разному включается в это пространство, прилагает различные усилия по его упорядочению и использованию с целью достижения желаемого результата деятельности.

Изучение проблемы стабильности социального пространства порождает интерес к категории «социальное время» как координате стабильности социального пространства, которая фиксирует устойчивость социальных форм как их воспроизводимость. Социальное пространство, по мысли К. Леви-Строса, представляет движение человеческого бытия в виде определенной координации действий людей и предметных условий, средств и результатов их жизненного процесса. Оно объединяет социальные явления, социальные структуры, взаимодействия, коммуникации в различных временных и пространственных условиях: «Пространство и время являются теми двумя системами отсчета, которые позволяют рассматривать социальные отношения – в их совокупности или в отдельности. Эти измерения в пространстве и во времени не смешиваются с измерениями, используемыми другими науками. Они заключаются в «социальном» пространстве и «социальном» времени; это значит, что они обладают лишь свойствами заполняющих их социальных явлений»⁶³.

Определяя границы социального пространства, К. Леви-Строс также отмечал: «Общество состоит из общающихся друг с другом индивидов и групп. При этом коммуникация не ограничивается пределами общества, речь идет не о строгих пределах, а о порогах, отмеченных ослаблением или искажением

⁶² Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

⁶³ Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Академический Проект, 2008. 555 с.

коммуникации, где она, не исчезая полностью, достигает минимального уровня»⁶⁴.

Эффективность коммуникации в социальном пространстве во многом зависит от координации действий говорящего и слушающего. С точки зрения Ю. Хабермаса, коммуникативные роли участников коммуникации обретают эффективность в плане координации действий. «По-видимому, комплементарные социальные отношения, управляемые авторитетом – с одной стороны, и симметричные социальные отношения, с другой, определяют два различных типа интеракции, которые могут воплощать в себе ту самую перспективную структуру, а именно... взаимонаправленность перспектив действия»⁶⁵.

Изучение проблем ситуационной стабильности в социальном пространстве во многом опирается на психологические трактовки социального пространства, которые выступают как развитие и обобщение идей отечественных психологов об особенностях межличностных взаимодействий и отношений (Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев и др.) и ряда психологических концепций о строении и напряженности персональных пространств (Адлер, Юнг, Шибутани и др.).

Определение координат стабильности психологи связывают с особенностями социального пространства, среди которых можно выделить следующие:

а) относительная независимость от физического пространства социального бытия и движения субъекта – как результат особого свойства межсубъектных взаимодействий: даже будучи неподвижными в физическом смысле, и субъекты, и объекты могут иметь потенциал движения или реально перемещаться в пространстве социально-экономическом (изменения экономического статуса, приобретение собственности и т.д.). Без изменения

⁶⁴ Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Академический Проект, 2008. С. 40.

⁶⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с немец. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: «НАУКА», 2001. С. 221. 379 с.

физических и пространственных координат социальный субъект продолжает формироваться как личность, участвует в процессах категоризации, идентификации и т.д.;

б) закономерности субъект-субъектных взаимодействий, действующие в социальном пространстве, исследование которых открывает собственно психологические основания социальной стабильности. В этом аспекте, приобретает стратегическую важность идея о «необходимости принятия во внимание субъективной природы социального влияния».

Иначе говоря, необходимо учитывать, что индивиды создают свою собственную интерпретацию ситуации стабильности (или стабильности ситуации) в обществе, свою трактовку параметров стабильности. Эти субъективные интерпретации играют роль контекстуального обусловливания их предметно-практической деятельности по конструированию стабильности. В таком направлении специфику социального пространства помогает прояснить исходное положение концепции К. Левина: Поведение представляет собой функцию личности и ситуации (или, выражаясь его же языком, функцию «жизненного пространства», включающего в себя как самого индивида, так и существующее в его психике представление об окружающей среде)⁶⁶. Эффективным стимулом для достижения или изменения ситуации стабильности является социальное влияние информационной референтной группы. Важную роль играют «канальные факторы», которые раскрывают основания и механизмы влияния тех или иных ситуационных факторов.

Результативность деятельности по укреплению социальной стабильности предусматривает учет детерминант социального поведения, «эффективных каналов в форме ситуационного давления «на входе» или в форме ясно выраженных намерений и планов «на выходе».

в) социальное пространство, по определению, образуется как (реальное и виртуальное) множество составляющих его элементов: субъектов, их объединений (разного рода и уровня общностей – сообществ и групп,

⁶⁶ Левин К. Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. СПб.: «Сенсор», 2000. 368 с.

социальных институтов и организаций) и движений, которые существуют как допустимые (разрешенные) в данное социальное время (эпоху, период). В этом множестве вместе с системой межличностных взаимодействий и мер на этих элементах (определяющих области их существования, движения, развития, их структуру и состав) возникает та или иная метрика данного социального пространства.

Социальное пространство выступает одной из самых фундаментальных основ общества и в рамках ситуационного анализа может характеризоваться следующими параметрами: размеры (размещение в пределах некоторых границ); устойчивость (способность сохранять свою идентичность под воздействием различных факторов); плотность (наличие различных социальных форм на единице величины); цивилизованность (соответствие социальных форм пространства достижениям цивилизации); потенциал (возможности и ресурсы для реализации целей жизнедеятельности людей); структура (формы взаимосвязи жизненных форм); функции (воздействия социального пространства на людей, общество, природу)⁶⁷.

Современные подходы к изучению стабильности в социальном пространстве включают в себя потенциал ситуационного подхода, который позволяет раскрыть иные грани исследуемого явления. Его сущность заключается в определении понятия ситуации, под которой подразумевается конкретный набор обстоятельств, оказывающих влияние на организацию в определенное время.

Ситуации в социальной системе возникают благодаря усложнению человеческой деятельности. Это приводит к тому, что каждое отдельное действие не может существовать и проявлять себя как отдельная сущность и реализуется во взаимодействии и конфликте с другими действиями. Известно, что ситуации возникают в таких социальных системах, где нет жесткой детерминации поведения, действует совокупность противоречивых сил, идет

⁶⁷ Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 12. URL: <http://psystudy.ru>

конкуренция и борьба между ними. В связи с этим, важная роль в сохранении стабильности принадлежит характеру восприятия ситуации субъектами социального пространства.

Р. Мертон в своей книге «Социальная теория и социальная структура» привел пример ситуационного фактора и его влияния на стабильность социального пространства, рассматривая эпизод, связанный с крахом Нового национального банка в 1932 году. Стабильная финансовая структура банка зависит от ряда определений ситуации: люди живут благодаря уверенности в надежности взаимосвязанной системы экономических обязательств. Но когда вкладчики определяют ситуацию иначе, когда они сомневаются в возможности исполнения данных им обязательств, последствия этих воображаемых определений оказываются вполне реальными. Поднимая проблему самоосуществления пророчества, Р. Мертон указывает, что публичные определения социальной ситуации (пророчества и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и, таким образом, влияют на последующее развитие ситуации, влияющей на стабильность в социальном пространстве⁶⁸.

Основной единицей ситуационности стабильности социального пространства является действие: «В любой ситуации есть тройное различие, а именно: 1) присоединяющееся действие в рамках имеющихся структур ожиданий; 2) присоединяющееся действие на основе отклоняющихся структур ожиданий; 3) прекращение». Дифференциация этих различий определяет параметры изменчивости структур. «Различие, использованное при конституировании действий, есть различие, как и обозначение, осуществляется как операция самой системы (а не только внешнего наблюдателя), либо, по крайней мере, предполагается возможной у нее. Тем самым можно связать такие весьма разнородные по своему происхождению

⁶⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

теории и исследования, как логику форм операций образования, теорию действия, системную теорию и исследования атрибуции»⁶⁹.

В аспекте значимости действий субъектов социального пространства существенный научно-теоретический потенциал содержит трактовка социального пространства, предложенная А. Щюцем, согласно которой социальное пространство – это некоторое смысловое пространство, которое формируется социальными действиями индивидов. Ученый напоминает, что в этом мире существует не только сам индивид, но и другие люди, с которыми соотносятся его социальные действия, поэтому социальное пространство централизованно, это его пространство, которое он конструирует, а не универсальное пространство, в которое он помещен⁷⁰.

Основной инструмент ситуационного подхода к исследованию – это практика ситуационного анализа, которая позволяет, исходя из более глубокого понимания ситуации и динамики ее развития, вырабатывать и принимать более обоснованные управленческие решения, а также предвидеть возможное возникновение кризисных ситуаций и принимать своевременные меры по их предотвращению. При этом подходе будем учитывать, что ситуация – это сочетание внутренних и внешних факторов, обстоятельств, условий, активных и пассивных действующих сил, требующее принятия соответствующих стратегических и важных тактических решений, определяющих функционирование социального пространства, а также обеспечивающих предупреждение кризисных явлений и сохранение стабильности социального пространства.

Сегодня ситуационный анализ можно рассматривать в качестве важнейшего инструмента управления стабильностью социального пространства. Современные технологии ситуационного анализа позволяют, основываясь на глубоком анализе ситуаций, установлении тенденций,

⁶⁹ Донцов А., Перельгина Е. Социальная стабильность: от психологии до политики. М.: ЛитРес, 2011. 298 с.

⁷⁰ Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

закономерностей и факторов, определяющих их развитие, выявить новые возможности и угрозы стабильности в социальном пространстве.

Стабильность социального пространства в целом обусловлена сохранением стабильности существования на уровне индивида, а также на уровне общества и государства. В связи с этим необходимо сделать акцент на существовании тесной взаимосвязи между стабильностью индивидуальной и стабильностью на уровне общества, которая обуславливает эффективность социализации личности, что в формате вариативности убедительно показал Р. Мертон. Сочетание стабильности общественного развития с индивидуальным развитием и гармоничным совершенствованием личности дает в большинстве случаев, как показывают социально-психологические исследования (опросы, наблюдения и т. д.), следующие образцы социального поведения человека: социально-активная, взвешенная позиция; профессиональный рост; достижение высоких показателей; сохранение существующих социальных отношений и контактов; групповой уровень идентичности; взаимопонимания в общении, попытки решать проблемы путем обсуждения, анализа, изучения, диалога; рефлексивное поведение; активность личности в поиске нужной информации и др. Сочетание стабильности развития общества с индивидуальным кризисом может дать такие образцы социального поведения личности: «мягкое» прохождение кризисного периода развития человека за счет социальной защиты человека; социальная стабильность предотвращает роковые проявления индивидуальных неурядиц и др.

Ситуационность стабильности в социальном пространстве на уровне индивида основывается на таких механизмах социального взаимодействия, как конформность, инновация, ритуализм, бегство, мятеж, причем конформность как тип приспособления наиболее типична для общества, отличающегося высокой степенью стабильности. Анализ того, каким образом социальная структура оказывает давление на индивидов, побуждающее их к принятию того или иного альтернативного способа адаптивного поведения, показал, что люди

могут переходить от одной альтернативы к другой по мере вовлечения в разные сферы деятельности.

На примере закономерностей функционирования бюрократической системы Мертон показывает ряд принципов сверхконформизма, которые обеспечивают стабильность социального пространства. Например, у бюрократических функционеров есть представление об общности их судьбы: «Они разделяют одни и те же интересы, конкуренция относительно невелика, поскольку продвижение по службе зависит от старшинства. Таким образом, внутри группы агрессивность минимизирована, и, следовательно, эта согласованность является позитивно функциональной для бюрократии». Р. Мертон далее указывает, что «в отдельных родах деятельности и в особого типа организациях может происходить процесс сакрализации (рассматриваемый как противоположный процессу секуляризации). Это свидетельствует о том, что благодаря формированию чувств (эмоциональной зависимости от бюрократических символов и статусов, аффективного вовлечения в сферу компетенции и власти) складывается определенное отношение к моральной легитимности, которая становится абсолютной ценностью»⁷¹. Таким образом, сакрализация бюрократических символов и статусов является значимым фактором сохранения элементов стабильности социального пространства на уровне личности.

Согласно исследованиям Э. Тоффлера, механизмы стабильности в социальном пространстве на уровне общества в эпоху формирования индустриальной цивилизации включали необходимость четкой синхронизации пространственных и временных координат. На практике это выразилось в выработке точных единиц мер, весов и времени, привело к линеаризации времени и линейной организации пространства. Развитие стандартизации, специализации, синхронизации и централизации как элементов организации социального пространства в процессе отделения производителя от потребителя на этапе перехода к цивилизации Второй волны способствовало развитию

⁷¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

рынка. «Чем значительней оказывалось расхождение между производителем и потребителем во времени, пространстве, в социальной и психологической отдаленности, тем больше рынок во всей его удивительной сложности, при всем сочетании оценок, невысказанных метафор и не обнаруживающих себя представлений становился доминирующей социальной реальностью». Основной предпосылкой последующего перехода к цивилизации Третьей волны стал энергетический и экологический кризис. В этих условиях, по мнению Э. Тоффлера, получили развитие такие направления стабилизации социального пространства, как: 1) развитие техносферы за счет наукоемких технологий; 2) начало создания космической производственной базы; 3) освоение ресурсного потенциала Мирового океана; 4) развитие генной индустрии и биотехнологий; 5) переход к экономии ресурсов; 6) интеграционные тенденции в науке и интеллектуальной жизни, переход от узкой специализации и изучения одних вещей в отрыве от других к пониманию важности взаимосвязей и контекстов, приоритетности общего (развитие теории систем), выработка междисциплинарного мышления⁷².

Одним из основных направлений стабилизации социального пространства на базе контроля и эффективного управления ситуационными факторами является достижение стабильного мира как стратегическая задача современного государства, которое выступает одним из ведущих субъектов стабильности в современном мире. По мнению современных зарубежных и российских исследователей, концепция стабильного мира тесно связана с концепцией сообщества безопасности. По словам американского ученого К. Дойча, сообщество безопасности – это группа государств, внутри которой существует реальная гарантия того, что члены этого сообщества не будут вступать друг с другом в физическое противоборство, а будут разрешать свои споры каким-либо другим образом. Фактически, «сообщество безопасности»

⁷² Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. М.: ООО «АСТ», 2002. 776 с.

должно стать начальной формой «стабильного мира»⁷³. Таким образом, достижение стабильности в социальном пространстве предполагает удержание социальных конфликтов на контролируемом и регулируемом уровне во избежание деструктивных процессов, представляющих угрозу как для социального, так и для экономического развития отдельных стран и мирового сообщества в целом.

Стабильность социального пространства обеспечивается также проведением эффективной социальной политики государства как субъекта социальной стабильности. Ее эффективность исследователи связывают со следующими принципами: 1) признание необходимости динамичного развития социальной сферы как одного из важнейших условий устойчивого развития общества; 2) четкое определение приоритетов в области социальной политики, поддерживаемых на государственном уровне; 3) согласование стратегических и оперативных задач социальной политики; 4) обеспечение управляемости социальными процессами на основе сохранения единства социального пространства и обеспечения федеральных минимальных гарантий в области социальной защиты населения; 5) обеспечение единства социальной политики на различных уровнях управления; 6) распределение сфер ответственности между различными уровнями управления социальными процессами.

Социальная политика во многом основана на ситуационном подходе к социальной стабильности. «На протяжении последних трех десятилетий либеральные призывы к десегрегации среднего образования, а также требования введения талонов на питание для малоимущих, бесплатной медицинской помощи, системы пренатального здравоохранения, профессиональной переподготовки, пропаганды против наркотиков и компенсаторного образования были определенно ситуационистскими как по лежащим в их основе посылкам, так и по предлагаемым вариантам решения.

⁷³ Karl W. Deutsch et al. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience (Princeton: Princeton University Press, 1957). 228 p.

Было бы, однако, упрощением ставить между этими двумя понятиями знак равенства. Консервативные предложения о более суровых наказаниях для преступников, усилении контроля со стороны полиции, повышении дисциплины в школах и даже о налоговом стимулировании найма на работу наиболее закоренелых безработных также являются ситуационистскими в своей основе (хотя большинство сторонников подобных мер скорее всего отвергло бы ситуационистские объяснения соответствующих проблем)⁷⁴. Ряд несовершенств в развитии социально-политических программ имеет в своей основе недооценку ситуационных факторов, недостаточный учет ситуационного анализа.

Для достижения приемлемого уровня социальной стабильности необходимо преодоление наиболее сильных угроз в социальной сфере: низкий уровень жизни значительной части населения, массовая безработица, отрицательный уровень естественного прироста населения страны. Таким образом, центральной на текущем этапе становится проблема предупреждения социальной напряженности в обществе и обеспечения баланса социальных и экономических интересов различных групп населения. Традиционно, такой благотворной силой в российской культуре было образование как одна из ведущих общественных ценностей, связывающая воедино разные исторические эпохи и идеологические концепции.

Так, например, «не марксизм и не этос революционного подполья, а идущая из дореволюционного времени «интеллигентская» традиция дала образованному человеку советской эпохи базовые культурные образцы, образ жизни»⁷⁵ и т.д., обеспечив культурную преемственность и благоприятные условия для последующей интеграции России в информационную цивилизацию, цивилизацию знаний.

⁷⁴ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.

⁷⁵ Механик А. Учебная повинность // Эксперт. 2009. № 40. С. 62–66.

Только на основе решения вышеперечисленных проблем возможно достичь стабильности социального пространства, сохранять и накапливать потенциал для дальнейшего прогресса. В связи с этим приобретает стратегическую важность значимая для поддержания стабильности социально-психологическая проблема согласованности и предсказуемости человеческого поведения. В реальном взаимодействии факторы диспозиционных и ситуационных влияний не существуют изолированно, а находятся во взаимной связи и переплетении, для поддержания ситуации стабильности необходима прежде всего согласованность действий всех социальных субъектов⁷⁶.

1.2 «Жизнеспособность»: междисциплинарные подходы⁷⁷

Термин «жизнеспособность» широко используется в отечественной и зарубежной науках. Для понимания смысла «жизнеспособности» необходимо обратиться к анализу значения данного термина в философии, кибернетике, истории, экономике, психологии, социальных и других науках.

Resilience - Measure of a system's ability to remain within a domain of stability in response to fluctuations of the system by a perturbation, and the ability of the system to return to that stable domain having once left⁷⁸ (Устойчивость - мера способности системы оставаться в пределах определенной области стабильности в ответ на колебания системы из-за возмущения, а также способность системы вернуться в ту область стабильности, которую система покинула).

Понятие «жизнеспособность» первоначально появилось в физике материалов, затем - в философии, биологии, экологии, социальных науках. Детально, как научное понятие, «жизнеспособность» разрабатывалось в

⁷⁶ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 27.

⁷⁷ Жизнеспособность человека, семьи, исследована отечественной психологической наукой. См.: Махнач А.В. Жизнеспособность человека и его семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с., и др. работы А.В. Махнач.

⁷⁸ Banzhaf W. Self-organizing Systems / Ed. R.A. Meyers / Encyclopedia of Complexity and Systems Science. Larkspur: Springer, 2009. P. 8040.

кибернетике, теории систем (1970-е гг.). Концепт «жизнеспособность» становится доминирующим в дискурсе в сфере управления ресурсами, сложными. Сегодня, исследования и моделирование жизнеспособности активно проводятся в рамках организационной и управленческой кибернетики⁷⁹.

Вместе с тем «наука нуждается в интердисциплинарной обобщающей теории жизнеспособности любых систем»⁸⁰. Жизнеспособность систем стали рассматривать как «форму проявления активности и адаптивности системы»⁸¹. Концепция жизнеспособности быстро развивается в общественных и социальных науках, становясь надтеоретическим конструктом и регулярно появляясь в научных исследованиях, в обсуждении международной и финансово-экономической политики, в анализе корпоративных рисков, в области социальной психологии, при разработке национального, регионального и городского планирования, здравоохранении, национальной безопасности. В ряде теоретических исследований последних лет показано, что жизнеспособность рассматривается как мета-теория, которая объединяет и/или включает в себя, в том числе, различные теории полей, а также психонейроиммунологию, философию, физику, психологию, восточную медицину, неврологию, экологию, социологию, антропологию.

Термин «resilience» буквально переводится как гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям) и как способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние. Это слово происходит от латинского «resili», что означает «вернуться», «прийти в исходное состояние». В отечественной научной переводной литературе этот термин переводится по-разному; мы считаем, что английский термин

⁷⁹ Dijkstra A. Cybernetics and Resilience Engineering: Can Cybernetics and the Viable System Model Advance Resilience Engineering? // Proceedings of the Resilience Workshop. Vadstena, Sweden, 25–27 June 2007. P. 23–29. URL: <http://www.ep.liu.se/ecp/023/004/ecp2307004.pdf>

⁸⁰ Разумовский О.С., Хазов М.Ю. Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. 1998. № 1. С. 3-7.

⁸¹ Разумовский О.С., Хазов М.Ю. Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. 1998. № 1. С. 3.

«resilience» в русском языке наиболее полно отражает понятие «жизнеспособность», что попытаемся доказать в данной статье.

Задача данной статьи – обосновать введение в научный оборот нового для отечественной психологической науки термина «жизнеспособность субъекта», а также проанализировать проблемы, связанные с этим: содержание и уточнение понятийного аппарата, обоснование адекватности перевода на русский язык термина «resilience» как «жизнеспособность», соотнесение его с другими, близкими по смыслу терминами, а также с существующим в отечественной психологии подходом к жизнеспособности по Б.Г. Ананьеву⁸².

Также считаем, что необходимо говорить о «Homo resiliumus» – человеке жизнеспособном, или как принято в научной традиции – жизнеспособности человека. Для доказательства этого был проведен анализ понятийного поля термина «жизнеспособность» как междисциплинарного понятия в зарубежной и отечественной психологии, философии, кибернетике, социальных и медицинских науках.

В отечественной философии этот термин впервые был употреблен А.А. Богдановым, автором концепции исторически первой наиболее известной общей теории систем⁸³. Очень важной характеристикой системы, по А.А. Богданову, является то, что приспособленные части системы подбираются и создаются, при этом каждая часть нацелена не на избирательное выживание, а на соответствие организованного целого своей среде. Система описывается, в том числе, и таким понятием, как «жизнеспособность». Также важна для нашего понимания жизнеспособности как системного свойства идея А.А. Богданова о неустойчивости системы как источника ее внутреннего развития, приводящего ее к более высокой организации. Термин «жизнеспособность» им был использован для определения динамической устойчивости развития в среде, при этом часто понятия «жизнеспособность» и «устойчивость» им используются как синонимы. По его определению, «всякая жизнеспособность

⁸² Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1968.

⁸³ Богданов А.А. Борьба за жизнеспособность. М.: Новая Москва, 1927.

относительна; она существует только по отношению к той или иной данной среде; и элементы, в высшей степени приспособленные для одной среды, наиболее устойчивые под ее влияниями, в другой среде или под существенно иными воздействиями могут оказаться, и в большинстве случаев окажутся, мало приспособлены и неустойчивы»⁸⁴. Обращаясь к феномену жизнеспособности человека и исследуя его, А.А. Богданов делает вывод о том, что «весь захваченный нами комплекс вопросов требует, прежде всего, научного выяснения того, что же такое сама «жизнеспособность». В своей книге «Борьба за жизнеспособность» он пишет: «Наши опыты не являются достаточным доказательством для высказанных теоретических предвидений, но все же, я думаю, что нечто нами доказано, а именно — здесь есть что исследовать — жизнеспособность»⁸⁵.

Таким образом, жизнеспособность человека, по А.А. Богданову, имеет системный характер, непрерывно приспособлявая части системы друг к другу для динамической устойчивости развития человека в среде⁸⁶.

Идея максимума организованности и порядка в системе, включавшей в себя «утопию разумных человеческих отношений»⁸⁷ и цели коллективной борьбы за жизнеспособность, нашла отражение в ряде исследований философов, этнологов, лингвистов, экономистов, историков.

Философ и социолог А.С. Ахиезер рассматривает жизнеспособность как категорию синонимичную категории «воспроизводство», т.е. способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей, преодолевая их и отвечая на них соразмерно

⁸⁴ Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. С. 215-216.

⁸⁵ Богданов А.А. Борьба за жизнеспособность. М.: Новая Москва, 1927. С. 142

⁸⁶ Позже, с 80-х годов прошлого столетия философы, экологи, экономисты стали говорить о динамической устойчивости развития системы как основной характеристике жизнеспособности систем.

⁸⁷ Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. С. 71.

реальному вызову истории⁸⁸. В рамках разрабатываемой им концепции выживаемости, жизнеспособность понимается как «способность субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование»⁸⁹. Различным угрозам обществу и катастрофам, по его мнению, противостоит способность людей, (со)обществ воспроизводить себя, (суб)культуру, отношения, способность выживать, наращивать жизнеспособность, свой творческий рефлексивный потенциал, обеспечивать прогресс массового гуманизма, превращать конструктивную инновацию в культурную ценность. Следует отметить, что среди переменных, определяющих жизнеспособность общества, он выделяет важную способность последнего воспроизводить себя, отношения, культуру. Все это изучается в психологических исследованиях как базовые признаки жизнеспособности. А.С. Ахиезер выделяет в качестве характеристики, лежащей в основе жизнеспособности как системного феномена, способность субъекта преодолевать трудности, которую следует относить к совладанию с трудными ситуациями (копингу), жизнестойкости. А выделяемая им способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей, по нашему мнению, является уже характеристикой жизнеспособности субъекта.

Философ В.Н. Шевченко определил понятие «жизнеспособность» как «способность существовать, воспроизводиться и развиваться, с возрастающей ролью которой при изучении кризисных состояний государства, которое должно управлять потоком социальной энергии, придавать ему определенную упорядоченность и, главное, – направленность»⁹⁰. Говоря о концепции устойчивого (жизнеспособного) развития человечества, философ О.С. Разумовский предложил не забывать о существовании фундаментальных

⁸⁸ Ахиезер А.С. Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 58–66.

⁸⁹ Ахиезер А.С. Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 59–60.

⁹⁰ Шевченко В.Н. Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема // Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2006. С. 6.

общесистемных законов, формирующих, в частности, устойчивое развитие общества и государства⁹¹. Для этого необходимо соблюдение нескольких критически важных условий: а) усиление гуманизации всех отношений между людьми на всех уровнях; б) развитие руководства и управления как высокопрофессионального занятия; в) прекращения манипуляции общественным сознанием посредством контроля СМИ со стороны государства; г) создание психологических условий для сплочения людей, кооперация во всех сферах деятельности – иначе последует потеря поколения; д) сужение сферы действия отрицательной активности людей, так как индивидуализм и эгоизм в крайних проявлениях опасен для человечества; е) расширение сферы действия в обществе положительной активности людей.

Развитие нашего общества за последние десятилетия выявило значимость всех этих условий, а их неисполнение, к сожалению, повлекло за собой ряд событий, которые никак не могут быть соотнесены с жизнеспособностью общества и государства в целом. Среди критических признаков жизнеспособного общества, прежде всего, выделяются следующие: гуманизация отношений в обществе, определенные личностные качества лидеров общества, кооперация, активность и позитивность членов сообщества. Как известно, практически все эти признаки являются характеристиками жизнеспособности, они были положены в основу исследований жизнеспособности не только больших групп, но и семьи как малой группы, индивида. С.Г. Кара-Мурза постулирует понятие «жизнеспособность» как метафору в отношении цивилизации, как продукт культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс)⁹². По его мнению, необходима непрерывная работа по предвидению и конструированию будущего, которая является «важным индикатором

⁹¹ Разумовский О.С. Три подводных камня концепции устойчивого развития человечества // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. 1997. № 1. С. 5–8.

⁹² Кара-Мурза С.Г. Жизнеспособность России как цивилизации // Критерии успешности страны, цивилизации, человечества: Матер. науч. семин. Вып. № 8. 2010. М.: Научный эксперт. С. 5–39.

жизнеспособности цивилизации (как и страны), когда цивилизация указывает цель как образ светлого будущего»⁹³. К основным признакам цивилизации, которые формируют ее жизнеспособность, им отнесены: 1) народ (нация) в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте; 2) природные условия (территория, почва и недра, водные ресурсы, биогеоценозы); 3) культура во всех ее срезах: универсум символов и ценностей; знания, навыки и умения, системы их социодинамики; искусство; техносфера; хозяйство; 4) государство⁹⁴.

Таким образом, в философии жизнеспособность как общества, так и отдельного человека проявляется в их динамической устойчивости развития в среде, способности субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование, способности существовать, воспроизводиться и развиваться в рамках устойчивого развития общества.

В биологии, – понятие жизнеспособности использует И.И. Шмальгаузен⁹⁵, который, будучи убежденным дарвинистом, на несколько десятков лет предвосхитил исследования жизнеспособности человека. Именно он впервые в своих исследованиях показал, что необходим гомеостаз факторов риска и факторов жизнеспособности – среда, которая представляется оптимальной для «нормального» организма «фактором среды, всегда необходимым для жизни каждой особи» – позже другими исследователями они были названы факторами жизнеспособности⁹⁶.

И что особенно важно в его исследовании – это указание на важность «соотношения этих факторов (факторов жизнеспособности) с факторами риска,

⁹³ Кара-Мурза С.Г. Жизнеспособность России как цивилизации // Критерии успешности страны, цивилизации, человечества: Матер. науч. семин. Вып. № 8. 2010. М.: Научный эксперт. С. 18.

⁹⁴ Кара-Мурза С.Г. Жизнеспособность России как цивилизации // Критерии успешности страны, цивилизации, человечества: Матер. науч. семин. Вып. № 8. 2010. М.: Научный эксперт. С. 22-23.

⁹⁵ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.–Л.: АН СССР, 1940.

⁹⁶ Только в 80-х гг. прошлого века психологи, исследующие жизнеспособность, стали говорить о факторах риска для человека.

которые и решают вопрос о жизнеспособности особи»⁹⁷. Он также разводит два понятия: «приспособленность» и «жизнеспособность»: «Известная степень «приспособленности» есть одна из неотъемлемых характеристик жизни, и мерилom этой приспособленности является лишь жизнеспособность организма в данных условиях»⁹⁸, привязывая последнюю к условиям, в которых она может проявляться. По его мнению, если говорить о повышении жизнеспособности в разнообразных условиях среды, а это возможно в случае повышения организации, с установлением более широких адаптаций, то эволюция может привести к расширению среды обитания с использованием новых возможностей⁹⁹.

Таким образом, в биологии жизнеспособность организма (системы) является мерилom их приспособленности к существующим условиям. Повышение жизнеспособности напрямую связывается с уровнем организации системы и расширением ее возможностей – отношения среды с системой, развиваясь, повышают жизнеспособность организма и системы в целом. Только в 80-х гг. прошлого века психологи, исследующие жизнеспособность, стали говорить о факторах риска для человека¹⁰⁰.

Утверждения теории жизнеспособности систем, сформулированные в философии и биологии, описанные А.А. Богдановым¹⁰¹, биологом Н.Ф. Реймерсом¹⁰² и позже проанализированные философами О.С. Разумовским и

⁹⁷ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.–Л.: АН СССР, 1940. С. 22.

⁹⁸ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.–Л.: АН СССР, 1940. С. 132.

⁹⁹ Шмальгаузен И.И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.–Л.: АН СССР, 1940. С. 195.

¹⁰⁰ Anthony E.J. Risk, vulnerability, and resilience: An overview // The invulnerable child / Eds. E.J. Anthony, B.J. Cohler. N.Y.: Guilford Press, 1987. P. 3–48; Garmezy N. Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention // Catalog of Selected Documents in Psychology. 1976. V. 6. № 4. P. 1–23; Rutter M. Resilience in the face of adversity // British Journ. of Psychiatry. 1985. V. 147. P. 598–611.

¹⁰¹ Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989.

¹⁰² Реймерс Н.Ф. Экология: Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М.: Россия молодая, 1994. С. 45–49.

М.Ю. Хазовым¹⁰³ могут быть основой исследований жизнеспособности как психологического понятия¹⁰⁴.

Появление термина «жизнеспособность» в науках о человеке

В отечественной науке по-разному переводимый термин «resilience» начинает появляться с середины 1990-х годов, чаще всего в обзорах иностранной литературы. Исследователи в разных областях знания (медицина, экология, экономика, социальные науки и, в частности, психология), нуждающиеся в теоретическом осмыслении жизнеспособности как системной характеристики человека, стремятся ассимилировать результаты исследований философов, кибернетиков, используя для этого существующие теоретические конструкции.

В медицине, психиатрии, в ряде работ отмечается, что существуют концепции, концентрирующиеся на проблеме повышенной чувствительности и устойчивости к стрессовому реагированию, которые не всегда соотносятся с лексиконом и диагностическими подходами современной психиатрии. К ним относятся исследования психологических факторов индивидуальной пластичности (resilience)¹⁰⁵.

В медицине, жизнеспособность рассматривается как критерий здоровья, показатель, интегрально отражающий состояние человека и изменяющийся как во времени, так и под влиянием различных факторов (внутренних и внешних, позитивных и негативных). Как всякая система, система «здоровье» должна характеризоваться структурой, состоящей из системообразующего фактора (или ядра) и элементов (в нашем случае показателей здоровья). Сущностью (ядром) данной системы является определенный уровень жизнеспособности,

¹⁰³ Разумовский О.С., Хазов М.Ю. Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Философия и социология. 1998. № 1. С. 3–7.

¹⁰⁴ Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция. Психологическая адаптация и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 290–312.

¹⁰⁵ Вельтищев Д.Ю., Ковалевская О.Б., Серавина О.Ф. Стресс и модус предрасположения в патогенезе расстройств депрессивного спектра // Психич. расстройства в общей медицине. 2008. № 2.

который, как в любом живом организме, зависит от степени постоянства, консервативности, стабильности его внутренней среды¹⁰⁶.

Получивший в последнее время широкое распространение в медицинской литературе термин «связанное со здоровьем качество жизни» (подразумевающий интегральную характеристику физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека, основанную на его субъективном восприятии) стал одним из ключевых понятий в паллиативной медицине, неврологии, педиатрии, гематологии, онкологии. Среди переменных, характеризующих это качество, становится особенно важной жизнеспособность¹⁰⁷.

Таким образом, в медицине жизнеспособность рассматривается как психологический компонент (элемент) физического здоровья, как субъективная оценка индивидом себя полным сил и энергии. В понимании жизнеспособности присутствует субъективная оценка индивидом своего жизненного тонуса, бодрости, энергии и, чаще всего, рассматривается как показатель интегральной характеристики здоровья.

В социологических исследованиях, термин «жизнеспособность» появляется в публикациях, посвященных анализу причин устойчивости развития общества. А.Н. Демин, опираясь на англоязычные источники, связывает совпадающее поведение человека, потерявшего работу, с «resilience», определяя это понятие как способность к преодолению трудностей и кризисов¹⁰⁸. Т.А. Гурко, оценивая развитие института семьи, отмечает, что существуют полярные позиции упадка семьи (decline) и пластичности (resilience)¹⁰⁹. «Жизнеспособность социальной системы определяется не столько

¹⁰⁶ Щедрина А.Г. Понятие и структура индивидуального здоровья человека: методология системного подхода // Медицина и образование в Сибири. 2009. № 5.

¹⁰⁷ Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002.

¹⁰⁸ Демин А.Н. Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 37–47.

¹⁰⁹ Гурко Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России: Автореф. дис. ... д. социол. н. М., 2008.

принципами экономического детерминизма, сколько ростом целевой и прикладной значимости социальности во всех сферах и процессах»¹¹⁰. При этом автор, говоря об устойчивом развитии общества, предлагает формировать в обществе установку на необходимость создания условий и норм, формирующих потребности нравственно-личностного участия граждан в процессе управления развитием общества, как мотивированного базового основания его жизнеспособности¹¹¹.

Таким образом, в социологии, жизнеспособность человека (общества) определяется прежде всего как механизм совладания, проявляющийся в преодолении трудностей и кризисов. В исследованиях, посвященных анализу причин устойчивости развития общества, социология нацелена на поиск оснований его устойчивого развития во всех социальных сферах и процессах.

*В экологических и экономических исследованиях, с 1987 г., в рамках концепции устойчивого развития, появившейся в результате объединения трех основных точек зрения: экономической, социальной и экологической, – все чаще, стали говорить о том, что эта концепция социально ориентирована. Она направлена на сохранение социальной и культурной стабильности, в том числе на сокращение числа разрушительных конфликтов*¹¹². В экологии, экономике, изучая устойчивость развития предприятия, города или даже системы, в целом, практически во всех исследованиях прежде всего, говорят об их жизнеспособности. С экологической точки зрения, в устойчивом развитии особое значение имеет жизнеспособность локальных экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы в целом¹¹³. В этом случае возникает необходимость обращения к понятиям природных систем обитания человека, понимание им экологии среды, в которой он обитает, его

¹¹⁰ Куфтяк Е.В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6(14). С. 3.

¹¹¹ Куфтяк Е.В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6(14). С. 21.

¹¹² Гизатуллин Х.Н., Троицкий В.А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 124–130.

¹¹³ Гизатуллин Х.Н., Троицкий В.А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 129.

жизнеспособности в этой среде. Жизнеспособность индивида и общества изучается на нескольких уровнях системы, включающей (но не ограничивающей) следующие категории: индивид, группа, сообщество, семья, соседи, население определенной территории проживания, демографическая группа (по полу, возрасту, этническому признаку); муниципалитет, регион, область, государство – на системном уровне (экономическом, политическом, ценностном); существующая инфраструктура; доступные услуги; характеристики окружающей среды¹¹⁴.

В исследовании устойчивого развития систем (sustainable development) Х. Босселем, среди ряда признаков, характеризующих устойчивое развитие любой из систем, в качестве основного признака также выделяется жизнеспособность (resilience). Он считает, что жизнеспособность подразумевает устойчивость (и наоборот)¹¹⁵. В данном случае устойчивость характеризует способность системы не только выдерживать масштабный удар, но и быстро восстанавливаться, в том числе в видоизмененном виде, адаптированном к новым условиям¹¹⁶. Концепция жизнеспособного предприятия также связана с общим подходом к устойчивому развитию, который реализуется в том, что «предприятия будут создавать жизнеспособное общество посредством деловой активности, в полной мере, отражающей экономические, экологические и социальные аспекты»¹¹⁷.

В исследовании муниципального образования жизнеспособность означает способность хозяйствующих субъектов территории обеспечивать устойчивое функционирование и развитие объектов. Основой жизнеспособности муниципального образования является его потенциал

¹¹⁴ Buckle P., Marsh G., Smale S. Assessing resilience and vulnerability: principles, strategies, and actions. Canberra: Emergency Management Australia, 2001. С. 10.

¹¹⁵ Боссель Х. Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001.

¹¹⁶ Степанова Е.А. Терроризм как угроза критической инфраструктуре // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 46.

¹¹⁷ Содействие жизнеспособным предприятиям. Доклад VI Междунар. конф. труда, 96 сессия. Женева: Международное бюро труда, 2007. С. 7.

развития как совокупность социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов¹¹⁸. И что особенно важно, жизнеспособность социальной системы во многом будет определяться результативностью ее системы управления, способностью последней рефлексировать, адаптироваться, создавать условия и модели, адекватные современным тенденциям и закономерностям¹¹⁹.

В экономических и экологических исследованиях доминирует понимание жизнеспособности как устойчивости развития предприятия, города, системы в целом. Особое внимание в исследованиях уделяется способности системы не только противостоять сильному воздействию, выдерживать удар, но и быстро восстанавливаться, адаптироваться к новым условиям, устойчиво функционировать и развивать стабильность жизни людей. В этой научной области жизнеспособность связана с устойчивым функционированием локальных экономических или экологических систем, от которых зависит стабильность всей экономической системы и биосферы в целом.

В исторической науке, ряд исследователей также использует термин «жизнеспособность», вкладывая в него разное содержание. А.П. Назаретян, например, связывает жизнеспособность общества с технологическим потенциалом и качеством культурных регуляторов этого общества¹²⁰, от которой зависят механизмы сдерживания агрессии, необходимые для сохранения общества.

В фундаментальном историческом труде «Постижение истории», А. Тойнби, говоря о вызовах истории и характеризуя общество на разных этапах развития и упадка, считает, что «каждый раз одни общества проигрывают, другие успешно находят решение, но вскоре некоторые из решений оказываются несовершенными в новых условиях, тогда как другие проявляют

¹¹⁸ Савенков Б.В. Оценка жизнеспособности муниципального образования: Автореф. дис. ... канд. эконом. н. Челябинск, 2002. С. 12-13.

¹¹⁹ Куфтяк Е.В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6(14). С. 4.

¹²⁰ Назаретян А.П. 39. Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 118.

жизнеспособность даже в изменившихся обстоятельствах»¹²¹. По мнению В.И. Уколовой, исследователя трудов А. Тойнби, жизнеспособность цивилизации определяется возможностью последовательного освоения жизненной среды и развитием духовного начала во всех видах человеческой деятельности, переносом «Вызовов и Ответов» (по А. Тойнби) из внешней среды внутрь общества¹²². Интересен взгляд А. Тойнби на развитие общества, переживающего разлом или катастрофу, в котором признаком неблагополучия будет являться наличие раскола между наиболее жизнеспособными силами общества.

К признакам неблагополучного общества и, соответственно, потере жизнеспособности общества относят следующие.

1. Распространение девиаций, превышающих допустимую меру, которая приводит к потере жизнеспособности общества.
2. Согласие общества с девиантным типом поведения и распространение «нормальных девиаций».
3. Снижение в обществе роли основополагающего социального института – семьи.
4. Потеря обществом способности к развитию, естественному воспроизводству ресурсов.
5. Потеря ощущения будущего, цели, развитие апатии, пессимизма, актуализация духовных составляющих умирания социума¹²³.

Существует взаимозависимость социального благополучия, существования «работающих» социальных институтов, культуры как социального института, развития разного рода социальных девиаций и жизнеспособности общества. Во всех культурах, которые называют жизнеспособными, прежде всего, обращают внимание на моральные ценности,

¹²¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории / Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991.

¹²² Уколова В.И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А. Дж. Постигание истории / Сост. А.П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991. С. 12.

¹²³ Катаев С.Л. Концепт «гибнущее общество» в социологии // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Харьков, 2008. С. 11–13.

связанные с функционированием семьи в обществе, на существующие в обществе идеи воспитания, отношение к детям, старикам, больным и инвалидам, отношение к тем видам социальной активности, которые могут разрушить или, наоборот, развить это общество. Любой жизнеспособный социум должен уметь согласовывать интересы и деятельность отдельных личностей и групп и приводить их в соответствие с общими интересами данного социума, равно как и осознавать эти общие интересы в более или менее рациональной форме¹²⁴.

Таким образом, историки, прежде всего, обращают внимание на освоение жизненной среды человеком и развитие духовного начала как основания его жизнеспособности и культуры, в целом. Их исследования обращены на моральные и семейные ценности, существующие в обществе, социальную активность каждого члена общества, которые обеспечивают жизнеспособность общества.

В педагогике, продолжается традиция первой волны исследований жизнеспособности детей, которые в силу обстоятельств оказались в неблагоприятных условиях жизни. З. Войтинас, характеризуя детей, живущих в экстремально трудных условиях (например, в полностью деградировавших семьях) и остающихся «неповрежденными», определяет это свойство детей как «жизнеспособные» (resilient)¹²⁵.

В ряде исследований перехода молодых людей из числа сирот во взрослую жизнь, обсуждается жизнеспособность социальных систем, способствующая нормальной включенности молодых людей в социум. По мнению Дж. Пинкертона, социальная вовлеченность соединяет индивидуальные психосоциальные «активы» с коллективными социальными,

¹²⁴ Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция. Психологическая адаптация и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 290–312.

¹²⁵ Войтинас З. Кто они, дети индиго? Калуга: Духовное познание, 2003.

экономическими и культурными ресурсами¹²⁶. Данная концепция вовлечения в общественную жизнь детей-сирот стимулирует размышления над проблемой устойчивости (resilience) социальных систем на фоне изменений, хотя это направление, по мнению ряда исследователей, еще не разработано (Дж. Пинкертон). При изучении причин социального исключения детей, В.В. Хухлина уделяет внимание проблеме жизнеспособности в связи с неэффективной социализацией и формированием девиантности у детей-сирот и бездомных детей. По ее мнению, «жизнеспособность – это умение человека преодолевать серьезные проблемы и восстанавливаться»¹²⁷.

В исследовании влияния употребления алкоголя и наркотиков на здоровье и развитие ребенка¹²⁸ был сделан вывод о том, что долгосрочные и краткосрочные последствия для ребенка, растущего в семье, где один из родителей имеет серьезные проблемы с употреблением алкоголя и/или наркотиков, будут зависеть от защитных механизмов ребенка и его способности предотвратить, минимизировать или преодолеть негативные психологически травмирующие ситуации (resilience). В этом исследовании, жизнеспособность рассматривается как преодоление этих ситуаций¹²⁹. При изучении студенчества как коллективного субъекта учебно-воспитательного процесса обучения жизнеспособность рассматривается как одна из базовых характеристик проявления субъектности, которая обеспечивает устойчивость в социальной среде¹³⁰.

Таким образом, в педагогике жизнеспособность – это умение человека преодолевать серьезные проблемы и восстанавливаться, одна из базовых

¹²⁶ Пинкертон Дж. Акцентируя «социальное» в социальном вовлечении: проблемы молодых людей, выходящих из-под опеки государства // Переходный период: вопросы развития. 2010. Вып. 15. С. 13–16.

¹²⁷ Хухлина В.В. Социальное исключение: проблемы и пути их решения // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2010. № 3. С. 66–81. С. 71.

¹²⁸
¹²⁹ Величковский Б.Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу: Дис. ... канд. психол. н. М., 2007. С. 138.

¹³⁰ Бабочкин П.И. Студент как субъект учебно-воспитательного процесса в вузе // Знание. Понимание. Умение. 2008.

характеристик проявления субъектности, которая обеспечивает устойчивость в социальной среде.

Жизнеспособность в психологической науке. Впервые, в 1942 г., в исследованиях социальных работников во время войны была обнаружена «удивительная жизнеспособность детей в опасных для них условиях жизни, которые не затрагивали их, даже если их «вырывали с корнем» из семьи»¹³¹. В 1970-х гг., в курсе детской психопатологии впервые прозвучал термин «неуязвимый ребенок»¹³². Этот термин являлся ключевым для описания личностных и социальных изменений в жизни детей, подростков, выживающих в неблагоприятных условиях жизни.

В российскую психологию понятие «жизнеспособность» было введено Б.Г. Ананьевым, который рассматривал ее в числе основных потенциалов развития¹³³. Несмотря на широкое использование его работы, Б.Г. Ананьев не дает точного определения, имея в виду общую способность человека к эффективному функционированию, которая соотносится с высоким уровнем жизненных функций, с наиболее активными и продуктивными фазами человеческой жизни¹³⁴. Эти составляющие жизнеспособности являются, по нашему мнению, основными в большинстве зарубежных исследований конца XX в. Можно с уверенностью сказать, что теоретические представления Б.Г. Ананьева о жизнеспособности человека намного опередили операционализирование этого понятия в более поздних экспериментальных исследованиях за рубежом.

По мнению А.В. Махнач, исследования жизнеспособности, с момента появления в социальных науках, проходят в рамках медицинской модели¹³⁵.

¹³¹ Scoville M.C. Wartime tasks of psychiatric social workers in Great Britain // American J. of Psychiatry. 1942. V. 99. № 3. P. 358–363.

¹³² Garnezy N. Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention // Catalog of Selected Documents in Psychology. 1976. V. 6. № 4. P. 1–23.

¹³³ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1968.

¹³⁴ См.: Жизнестойкость и уязвимость: адаптация к неблагоприятной среде в детстве / Ред. С. Лютар. Рецензия О.Б. Чесноковой // Психология. Журнал ВШЭ. 2004. Т. 1. № 4. С. 142–149.

¹³⁵ Махнач А.В. Жизнеспособность // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.

«Медицинская модель» – это термин, предложенный Р. Лэнгом для определения набора процедур и описывающий все процессы в человеке (его болезни) или обществе как симптомы и синдромы с последующим лечением (индивида, общества)¹³⁶. Теоретические модели некоторых научных направлений полностью базируются на постулатах медицинской модели: психодинамические теории, психогенетические теории, биохимические теории, теории стресса, культурно-историческая концепция психического развития и теория когнитивного развития Пиаже, и те исследования жизнеспособности, которые были нацелены на изучение механизмов совладания человека, как правило, в сложных жизненных ситуациях.

В противовес медицинской модели, в социальных и поведенческих науках появились холистическая модель здоровья (1970-е гг.), социальная модель (обозначившаяся в 1960-е гг. как реакция на сегрегацию инвалидов), биопсихосоциальная модель¹³⁷ и модель выздоровления. В них стали повсеместно использовать такие важные для индивида понятия, как надежда, индивидуальный потенциал, ресурсы и др. Выздоровление рассматривается как процесс, путь, который усиливается надеждой, пониманием себя, поддерживающими отношениями, включением в социум, развитием совладающих механизмов и появлением смысла жизни, что во многом определяет жизнеспособность человека. Фундаментальным понятием социальной модели (модели здоровья), появившейся как ответ на сегрегацию людей с особыми нуждами, является равенство всех: людей с особыми нуждами и обычных людей. Равные права усиливают возможность принятия решений и возможность жить полной жизнью, что сопоставимо с определением жизнеспособности: «работать хорошо, играть хорошо, любить хорошо»¹³⁸.

¹³⁶ Laing R.D. The Politics of the Family and Other Essays. L.: Tavistock Publications, 1971.

¹³⁷ Engel G. The need for a new medical model: A challenge for biomedicine // Science. 1977. № 196. P. 129–136.

¹³⁸ Garmezy N. Vulnerable and invulnerable children: theory, research and intervention // Catalog of Selected Documents in Psychology. 1976. V. 6. № 4. P. 1–23.

В последнее время акцент делается на экологическом подходе в изучении жизнеспособности. Разрабатывается ее четырехаспектная экологическая модель¹³⁹ на отдельной возрастной группе (старшие подростки и молодые люди), включающая в себя следующие четыре области, каждая из которых, по мнению исследователей, в большой степени характеризует жизнеспособность: черты личности и индивидуальные характеристики, система отношений, влияние общества и государства, включенность в культуру и культурную традицию¹⁴⁰.

К трактовке термина «resilience» в отечественных и переводных источниках

В большинстве отечественных работ для термина «resilience» встречаются разные определения и вкладываемое содержание, что часто связано с тем, как он переводится на русский язык. Это вызывает дополнительную путаницу и неточность использования термина в научной литературе среди других психологических понятий.

Уже было сказано, что в ряде психологических исследований и других науках термин «resilience» переводится как «жизнестойкость»¹⁴¹. В отечественной научной литературе также можно найти перевод этого термина как «устойчивость». Так Л.А. Александрова трактует данный феномен как психологическую устойчивость (гибкость)¹⁴². Обзор англоязычной литературы по исследованию термина «resilience» (психологическая устойчивость),

¹³⁹ Ungar M., Liebenberg L. The International Resilience Project: A mixed-methods approach to the study of resilience across cultures / Ed. M. Ungar. Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts. Thousand Oaks, CA: Sage. 2005. P. 211–226.

¹⁴⁰ См. отечественные исследования: Лактионова А.И., Махнач А.В. Факторы жизнеспособности девиантных подростков // Психол. журн. 2008. Т. 29. № 6. С. 39–47; Левикова Е.В. Социальная компетентность больных шизофренией подростков. Ч. 1 // Психологические исследования. 2010. № 2 (10);

¹⁴¹ Арчакова Т.О. Жизнестойкость против факторов риска // [URL: http://psyjournals.ru/articles/d20835.html](http://psyjournals.ru/articles/d20835.html); Шеффи Й. Жизнестойкое предприятие: как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

¹⁴² Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: Сб. научн. трудов. Вып. 2 / Ред. М.М. Горбатова, А.В. Серый, М.С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. С. 82–90.

приведен в диссертации Б.Б. Величковского, в которой анализируются различные варианты использования этого термина в психологии развития, возрастной психологии, а также в рамках когнитивно-трансактных теорий стресса¹⁴³.

В переводе одного из документов Всемирной федерации психического здоровья «resilience» обозначается как психическая устойчивость и определяется как сочетание природных способностей и приобретенных навыков поведения. Ее формирование возможно под влиянием таких внешних факторов, как поддержка общественных организаций и доверительные отношения с медицинскими работниками¹⁴⁴. По мнению Е.В. Корень, устойчивость (resilience) детей и подростков определяет все усилия специалистов по первичной профилактике психических расстройств в контексте психосоциальной реабилитации, выделение и работу с факторами и группами риска, выявление и усиление факторов, способствующих этой устойчивости (resilience), трансформацию копинг-стратегий и т.д.¹⁴⁵

Личностная сопротивляемость, устойчивость (resilience) близка к понятию «жизнестойкость» (hardiness) и часто относится к психологии стресса и совладания с ним¹⁴⁶. В.Н. Большаков с коллегами, оценивая возможность резких переходов экологических систем разного ранга из одного состояния в другое, говоря о resilience, переводит этот термин как «упругая устойчивость»¹⁴⁷. Х. Боссель считает, что жизнеспособность (resilience) подразумевает устойчивость (и наоборот), при этом, оба термина, по его

¹⁴³ Величковский Б.Б. Многомерная оценка индивидуальной устойчивости к стрессу: Дис. ... канд. психол. н. М., 2007.

¹⁴⁴ World Federation for Mental Health // URL: http://www.wfmh.org/2010docs/russian%20wmhd_10_10_10.pdf

¹⁴⁵ Корень Е.В. Психосоциальная реабилитация детей и подростков с психическими расстройствами в современных условиях // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. Т. 18. Вып. 4. С. 5–14.

¹⁴⁶ Корень Е.В. Психосоциальная реабилитация детей и подростков с психическими расстройствами в современных условиях // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. Т. 18. Вып. 4. С. 5–14.

¹⁴⁷ Большаков В.Н., Криницин С.В., Кряжковский Ф.В., Мартинес Рика Х.П. Проблемы восприятия современным обществом основных понятий экологической науки // Экология. 1996. № 3. С. 165–170.

мнению, являются взаимозаменяемыми¹⁴⁸. По мнению О.В. Михалева, устойчивость является составляющей, одним из факторов жизнеспособности (resilience) организации¹⁴⁹. С точки зрения П.И. Бабочкина, жизнеспособность рассматривается как одна из базовых характеристик проявления субъектности, которая обеспечивает устойчивость в социальной среде¹⁵⁰. Устойчивость является составляющей жизнеспособности, предполагает устойчивость к различным воздействиям, способность к восстановлению, о которой упоминается во многих определениях термина «resilience»; несомненно, что понятие «устойчивость» включено в понятие «жизнеспособность».

В обзоре западных литературных источников встречаются и другие переводы понятия «resilience». Так, Н.Ю. Федуниной, этот термин определяется как сопротивляемость¹⁵¹, автор подчеркивает синонимичность терминов «resilience» и «hardiness», переводя последнее как «выносливость». Е.В. Левикова, в исследовании социальной компетентности подростков, ссылаясь на англоязычные исследования, переводит «resilience» как уровень сопротивляемости стрессу¹⁵². Часто приводится также калька: резилиантность, уточняя содержание термина, как индивидуальная устойчивость в исследовании профессионального выгорания¹⁵³, или резильентность в исследованиях детей, живущих в трудных жизненных условиях¹⁵⁴. В

¹⁴⁸ Боссель Х. Показатели устойчивого развития: Теория, метод, практическое использование. Отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001.

¹⁴⁹ Михалев О.В. Экономическая устойчивость хозяйственных систем: методология и практика научных исследований и прикладного анализа. СПб.: Изд-во С.-Петербург. академии управления и экономики, 2010. С. 25.

¹⁵⁰ Бабочкин П.И. Студент как субъект учебно-воспитательного процесса в вузе // Знание. Понимание. Умение. 2008.

¹⁵¹ Федунина Н.Е. Понятия устойчивости к травме и посттравматического роста // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 4. С. 69–79.

¹⁵² Левикова Е.В. Социальная компетентность больных шизофренией подростков. Ч. 1 // Психологические исследования. 2010. № 2 (10).

¹⁵³ Валиева Ф.И. Теоретико-методологические подходы к проблеме индивидуальной устойчивости в аспекте профессионального выгорания // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 232–236.

¹⁵⁴ Ваништендаль С. «Резильентность», или оправданные надежды. Раненый, но не побежденный. Женева: Vice, 1998.

исследовании качества жизни пациентов общепсихиатрического отделения И.В. Абрамова приводит цитату из публикации М. Раттер¹⁵⁵, в которой она переводит «resilience» как приспособляемость, как систему целенаправленного преодоления проблем, или как индивидуальную пластичность¹⁵⁶. В докладе экспертов ООН «resilient» факторы называют факторами сопротивляемости¹⁵⁷. В другом отчете ООН, этот же термин переводится уже как устойчивость¹⁵⁸, что свидетельствует о переменной коннотации термина: в документах одной и той же организации, которая даже выпустила свой глоссарий терминов, термин переводится по-разному.

В переводе статьи С. Ионеску, для определения культурной жизнеспособности используется термин «сопротивляемость» на преодоление различных трудностей¹⁵⁹. Существует еще одно похожее определение жизнеспособности: «сопротивляемость личности, способность к успешной адаптации и развитию компетентности в условиях угрозы со стороны обстоятельств, использование психологических ресурсов, необходимых для оценивания, интерпретации и последующего ответа на стрессоры. Она является интегральным или системным качеством личности, которое отражает определенные особенности взаимодействия личности с окружающей средой»¹⁶⁰. Некоторые авторы выделяют сопротивляемость и психологическую устойчивость, как синонимы, ссылаясь на исследования в отечественной психологии. Обсуждая перевод термина «resilience» как «устойчивость», Е.В.

¹⁵⁵ Rutter M. Resilience in the face of adversity // British Journ. of Psychiatry. 1985. V. 147. P. 598–611.

¹⁵⁶ Абрамова И.В. Качество жизни пациентов общепсихиатрического отделения // Журн. психиатрии и медицинской психологии. 2000. № 1 (7). С. 42–46.

¹⁵⁷ Руководство по проведению программ обучения навыкам жизни в семье в целях предотвращения злоупотребления психоактивными веществами. Нью-Йорк: ООН, 2009. С. 7–9.

¹⁵⁸ Международная стратегия уменьшения опасности бедствий ООН (UNISDR). Терминологический глоссарий. Женева, 2009.

¹⁵⁹ Ионеску С. Культурная сопротивляемость // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3 (10). С. 74–76.

¹⁶⁰ Технологии обеспечения психологической безопасности в социальном взаимодействии: Учебно-методический комплекс / Ред. И.А. Баева, Л.А. Гаязова, Е.Б. Лактионова. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 95.

Куфтяк приводит значение слова «устойчивость» в русском языке – не подверженный колебаниям, постоянный, стойкий, твердый¹⁶¹. Представляется, что именно эти значения слова и соответственно термина «устойчивость» подчеркивают в термине «resilience», прежде всего, паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения, происходящие с личностью, в ее возможности, что однозначно относится к термину «жизнестойкость» (hardiness)¹⁶², в переводе Д.А. Леонтьева¹⁶³.

Т.е., термин «resilience» в отечественной научной литературе обычно переводится как психическая устойчивость, сопротивляемость стрессу, сопротивляемость на преодоление различных трудностей, личностная устойчивость, психологическая устойчивость, жизнестойкость или даже просто калька с английского – резильентность. Очевидно, что такое терминологическое разнообразие свидетельствует о нечетком понятийном контексте этого термина. Тем не менее, в ряде исследований этот термин переводится как «жизнеспособность», и таких исследований становится все больше и больше. В частности, в переводимой англоязычной литературе, посвященной психопатологии развития, возрастной психологии все чаще стал встречаться перевод «resilience» как «жизнеспособность» (Э. Мэш, Д. Вольф, 2003; Д. Майерс, 2004; Ч. Венар, П. Кериг, 2004). Перевод на русский язык термина «resilience» как «жизнеспособность» был предложен в работах А.В. Махнача. Этот исследователь отмечает, что в русском языке не существует адекватного научного термина, за которым стоит следующее содержание: способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств, с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способности к жизни, во всех ее

¹⁶¹ Куфтяк Е.В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6 (14).

¹⁶² Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and mental health // J. of Personality Assessment. 1994. V. 63. № 2. P. 265–274.

¹⁶³ Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Уч. зап. каф. общ. психол. МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / Ред. Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.

проявлениях, базирующейся на воли к жизни. Такое содержание может быть закреплено за термином «жизнеспособность»¹⁶⁴. Е.А. Рыльская дала следующую характеристику ситуации с исследованиями жизнеспособности в России: «Вариативность качества, обозначаемого понятием «жизнеспособность», весьма широка и, вместе с тем, весьма аморфна»¹⁶⁵. Следовательно, описательный способ валидизации понятия «жизнеспособность» явно недостаточен для обеспечения достоверной валидности. По ее мнению, жизнеспособность – сложная смысловая конструкция, образованная следующими факторами: самоактуализация, жизнелюбие, психическое здоровье, материальная и социальная поддержка, межличностная гармония, энергетический потенциал, деловая активность, разумный оптимизм.

Можно констатировать, что такое разнообразное содержание понятия «жизнеспособность», которое отражается не только в переводе этого термина, свидетельствует о том, что понятие однозначно не определено, имеет в отечественной науке расширенное толкование, что указывает на необходимость уточнения этого понятия. Существующие содержательные характеристики должны быть выстроены в особой иерархии, в которой должны быть выделен системообразующий фактор, структура системы, т.е. совокупность устойчивых связей между элементами системы, которые обеспечивают ее целостность и тождественность самой себе.

Подтверждением того, что в слове «жизнеспособность» наиболее часто встречается семантика «способность жить, существовать и развиваться», служат определения ряда словарей русского языка: «Жизнеспособность – это способность существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни, живой организм» (Толковый словарь Ожегова, 1992); «Обладание

¹⁶⁴ Makhnach A., Laktionova A. Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family // Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts / Ed. M. Ungar. Thousands Oaks-L.-New Delhi: Sage Publications, Inc, 2005. P. 371–386.

¹⁶⁵ Рыльская Е.А. Жизнеспособность человека в представлениях обыденного сознания // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2008. № 3. С. 100–105. С. 102.

способностью сохранять и поддерживать свою жизнь, способность существовать, развиваться» (Современный толковый словарь русского языка Ефремовой, 2000); «Способность особи сохранять свое существование в меняющихся условиях среды. Жизнеспособность включает анатомо-физиологические нормы функционирования и рефлекторно-психологические нормативы ответных реакций организмов на изменения в окружающей среде» (БСЭ). В отношении адекватности перевода на русский язык термина «resilience», можно привести ссылку на Oxford Russian Dictionary, в котором «resilience» переводится как: эластичность, упругость, выносливость, живучесть, жизнеспособность¹⁶⁶, и Webster new world dictionary: способность восстанавливать силу, дух¹⁶⁷.

К вопросу различий между терминами «жизнеспособность» (resilience) и «жизнестойкость» (hardiness)

Исследователи совладающего поведения предполагают, что в различных возрастных и социальных группах имеются личности, отличающиеся жизнестойкостью, которые лучше справляются со стрессом, обладают особыми стратегиями преодоления трудных ситуаций, и, вероятно, большим их количеством и разнообразием. В связи с этим, было введено понятие «жизнестойкость» (hardiness), отражающее, с точки зрения С. Мадди и Д. Кошаба, психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, и являющееся показателем психического здоровья¹⁶⁸.

Впервые понятие «hardiness» было переведено на русский язык как «жизнестойкость» Д.А. Леонтьевым¹⁶⁹. И начиная с 2002 г., после обоснования в публикациях этого автора и его коллег закрепился перевод на русский язык термина «hardiness» как «жизнестойкость». Понятие «жизнестойкость»

¹⁶⁶ Pocket Oxford Russian Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.

¹⁶⁷ Webster new world dictionary of the American language / Ed. D.B. Guralnik. N.Y.: Warner Communications Co., 1983. С. 509.

¹⁶⁸ Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and mental health // J. of Personality Assessment. 1994. V. 63. № 2. P. 265–274.

¹⁶⁹ Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Уч. зап. каф. общ. психол. МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / Ред. Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.

определяется как особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения, происходящие с личностью, в ее возможности¹⁷⁰. Термин «жизнестойкость» используется в контексте проблематики совладания со стрессом и подчеркивает наличие аттитюдов, мотивирующих человека преобразовывать стрессогенные жизненные события¹⁷¹. С. Кобейса, изучая людей, находящихся под воздействием неблагоприятных жизненных ситуаций, разделила их на две группы и впервые определила жизнестойкость (*hardiness*) тех, кто испытывал сильный стресс и не заболел, как имеющих «сильные обязательства по отношению к себе, аттитюд силы и энергии по отношению к окружению, смысл жизни и внутренний локус контроля»¹⁷². С. Мадди, описывая в общих чертах два отличных типа индивидуальности и базируясь на том, как люди видят себя, указал, что в связи с более «открытым» отношением к жизни личность выносливая и крепкая легче воспринимает смерть и испытывает меньше страха перед ней¹⁷³. Он отмечает, что наиболее жизнеспособные испытывают «небольшую или почти никакую потерю в функционировании после серьезной неудачи, что позволяет им продолжать жить». Отличие жизнеспособности от жизнестойкости С. Мадди видит в следующем: «Жизнестойкость человека представляют собой его храбрость и мотивацию, чтобы он смог выстоять перед стрессорами в соответствии с силой их воздействия, но это качество не позволяет ему оправиться от воздействия этих стрессоров, как это позволяет сделать жизнеспособность. Он далее отмечает, что жизнестойкость – это путь к жизнеспособности; жизнестойкость

¹⁷⁰ Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and mental health // J. of Personality Assessment. 1994. V. 63. № 2. P. 265–274.

¹⁷¹ Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Уч. зап. каф. общ. психол. МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / Ред. Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.

¹⁷² Kobasa S.C. Stressful life events, personality, and health: an inquiry into hardiness // J. Pers. Soc. Psychol. 1979. V. 37. № 1. P. 1–11.

¹⁷³ Maddi S.R. The existential neurosis // J. of Abnormal Psychology. 1967. V. 72. P. 311–325.

«увеличивает жизнеспособность в широком диапазоне сложных обстоятельств жизни»¹⁷⁴.

По мнению Е.А. Байер, различие в феноменах жизнеспособности и жизнестойкости состоит в том, что сначала формируется или определяется жизнестойкость, а затем постепенно, последовательно и систематично по специально созданной образовательной программе развивается у ребенка жизнеспособность как умение существовать, развиваться и приспосабливаться в быстро меняющемся социуме¹⁷⁵.

Несмотря на эти и другие уточнения содержания этих двух разных понятий, во многих психологических исследованиях по-прежнему наблюдается разночтение, а иногда и просто смешение понятий «жизнеспособность» (resilience) и «жизнестойкость» (hardiness), что вносит дополнительную терминологическую путаницу в научном обороте этих терминов в русскоязычной литературе. Приведем несколько примеров смешения этих понятий. В рецензии на книгу известной исследовательницы жизнеспособности С. Лютар, О.Б. Чеснокова термин «resilience» переводит как «жизнестойкость», также внося неточность в определение уже закрепленного за термином «hardiness» – «жизнестойкость»¹⁷⁶. Т.О. Арчакова, цитируя работу Л. Кирби с коллегами, приводит термин «resilience», но переводит его также: «жизнестойкость», определяя его как способность человека возвращаться к нормальному состоянию после потрясений, упругость, способность «гнутья, но не сломаться»¹⁷⁷. Ю.В. Быховец, оценивая группы испытуемых, различающихся по уровню выраженности признаков посттравматического

¹⁷⁴ Maddi S.R. On hardiness and other pathways to resilience // American Psychologist. 2005. V. 60. № 3. P. 261–262.

¹⁷⁵ Байер Е.А. Исследование жизнестойкости у детей-сирот в учреждении государственной поддержки детства как залога успешной интеграции в быстро меняющемся социуме // Ученые записки ун-та им. П.Ф. Лесгафта. 2009. № 4 (5). С. 6–11.

¹⁷⁶ Жизнестойкость и уязвимость: адаптация к неблагоприятной среде в детстве / Ред. С. Лютар. Рецензия О.Б. Чесноковой // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 142–149.

¹⁷⁷ Арчакова Т.О. Жизнестойкость против факторов риска // URL: <http://psyjournals.ru/articles/d20835.html>

стресса, выделяет группу, в которой выражена так называемая «жизнестойкость» (resilience)¹⁷⁸. В книге Й. Шеффи используется термин «жизнестойкость» организации для понятия «resilience», которая определена как способность организации вернуться к нормальному уровню производительности и скорость восстановления после сбоя с низкой вероятностью серьезных потерь и тяжелыми последствиями для организации¹⁷⁹.

В русском языке равноправно существуют оба понятия: жизнеспособность и жизнестойкость, – и они различаются по семантике. В семантике слове «жизнеспособность» отражена важная для нашего понимания содержания термина особенность: способность существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни вообще и к неблагоприятным условиям жизни, в частности.

Определение «жизнеспособный» имеет в языке следующее значение: обладающий способностью быть живым, сохранять свою жизнь, способный существовать и развиваться, быть приспособленным к жизни. Жизнеспособность определяется как свойство по значению от прилагательного «жизнеспособный». «Жизнестойкий» определяется как «обладающий жизненной силой; способный вынести неблагоприятные условия существования».

Соответственно «жизнестойкость» – свойство по значению от прилагательного «жизнестойкий»¹⁸⁰. Можно сказать, что в семантике слова «жизнестойкость», в отличие от слова «жизнеспособность» нет основного: первое не выражает способности человека существовать и развиваться, не содержит идею приспособления человека к жизни, фиксируя в семантике слова «жизнестойкость» жизненную силу человека, его стойкость к преодолению жизненных трудностей. Таким образом, понятие «resilience», которое часто

¹⁷⁸ Быховец Ю.В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: Дисс. ... канд. психол. н. М., 2007.

¹⁷⁹ Шеффи Й. Жизнестойкое предприятие: как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

¹⁸⁰ Словарь русского языка. М., 1999. С. 484.

ошибочно приводится как синонимичное понятию «жизнестойкость», однако, его необходимо переводить как «жизнеспособность» и тем самым разграничить эти два разных понятия современной психологии.

В заключение отметим, что в настоящее время в российской науке наблюдается становление и уточнение понятий, описывающих способность человека (общества, государства) к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств, с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все внутренние и внешние ресурсы. Различное содержание понятия «жизнеспособность», которое в немногочисленных пока отечественных исследованиях часто имеет расширенное толкование, ведет к путанице среди уже существующих понятий, отражается в переводе и свидетельствует об однозначной неопределенности, показывает на необходимость уточнения характеристик этого понятия. Такое состояние исследований жизнеспособности субъекта определяет также и ближайшие перспективы: необходимо направить усилия на операционализацию термина, что, как известно, представляет собой особую процедуру установления связей обсуждаемого в статье концепта с методическим инструментарием, позволяющим исследовать этот термин, уточнять его содержание, преобразовывая абстрактное на сегодня понятие для отечественных ученых в конкретный термин. Операционализация понятия «жизнеспособность» для отечественной науки – это не только перевод содержания понятия в эмпирически доказанные индикаторы, но и последовательное наполнение теоретическим и эмпирическим смыслом, особенно с учетом того, какое значение имеет этот феномен для многих отраслей человекознания: психологии, философии, истории, экономики, социальной экологии и пр.

Выводы и заключения к разделу отчета 1.2

1. Жизнеспособность является междисциплинарным понятием и надтеоретическим конструктом, который используется в социальных науках, физике материалов, биологии, философии, экологии, медицине, экономике, и

др. науках. В психологии происходит теоретическое осмысление жизнеспособности как системной характеристики человека.

2. В настоящее время не существует адекватного научного термина, за которым стоит следующее содержание: способность человека (общества, государства) к преодолению неблагоприятных обстоятельств, с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех ее проявлениях, «способность существовать и развиваться». Такое содержание закреплено в англоязычной литературе за термином «resilience», который на русский язык следует, по нашему мнению, переводить как «жизнеспособность». Перевод этого термина как: психическая устойчивость, сопротивляемость стрессу, сопротивляемость на преодоление различных трудностей, личностная устойчивость, психологическая устойчивость, жизнестойкость, или даже просто калька с английского – резилиантность (резильентность), – вызывает дополнительную путаницу и неточность использования термина в научной литературе среди других уже устоявшихся психологических понятий.

3. Во многих отечественных исследованиях наблюдается разночтение, а иногда и просто смешение двух понятий: «жизнеспособность» (resilience) и «жизнестойкость» (hardiness), что вносит дополнительную терминологическую путаницу в научном обороте этих принципиально отличающихся терминов в русскоязычной литературе.

1.3 «Устойчивость»: междисциплинарные подходы

«Устойчивость» - центральный концепт в современной науке

Последние социальные, политические, экономические и организационные события последнего времени (глобальный финансовый кризис, рост популизма, миграция, изменение климата, пандемия COVID-19 и т.д.) возродили интерес политиков и ученых к устойчивости как желаемой характеристике современных общественных систем. Отсюда, разработка концепции «устойчивости» становится одной из центральных тем в различных

областях социальных наук¹⁸¹, поскольку становится необходимым разрешать проблемы в таких условиях, контекстах или ситуациях, которые становятся все более изменчивыми (волатильными), неопределенными, сложными и неоднозначными (VUCA¹⁸²).

Необходимость обращения к концепции «устойчивость» возникает в результате общего недовольства результатами применения обычных линейных и редукционистских подходов в науке, и способствует реализации целостного подхода к пониманию все более взаимосвязанного, динамичного и сложного мира. Так называемые «злые проблемы»¹⁸³ или «большие вызовы» (ООН) - такие как изменение климата, бедность, расовое и гендерное равенство - считаются невозможными для решения без применения более целостного подхода, который объединяет различные дисциплинарные, теоретические и концептуальные методы. Известные исследования устойчивости показали, что это явление является многогранным¹⁸⁴, что делает необходимым мультидисциплинарное рассмотрение устойчивости, одновременно, как феномена и как теории.

Многие исследования последних лет были посвящены проблеме устойчивости к внешним воздействиям, и эта проблематика набирает силу¹⁸⁵. Поиск в Google (термин resilience) дает 1,27 миллиона результатов за период

¹⁸¹ Fisher D.M., Ragsdale J.M., & Fisher E.C. (2019). The importance of definitional and temporal issues in the study of resilience. *Applied Psychology*, 68, 583–620; Linnenluecke M.K. (2017). Resilience in business and management research: A review of influential publications and a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 19(1), 4–30; Williams T.A., Gruber D.A., Sutcliffe K.M., Shepherd D.A., & Zhao E.Y. (2017). Organizational response to adversity: Fusing crisis management and resilience research streams. *Academy of Management Annals*, 11(2), 733–769.

¹⁸² Здесь, VUCA: volatility, uncertainty, complexity, and ambiguity.

¹⁸³ См.: Head, B. W. (2008). Wicked problems in public policy. *Public Policy*, 3(2), 101–118. Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P. & Rego A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing; Ruth, M., & Goessling-Reisemann S. (2019). *Handbook on resilience of sociotechnical systems*. Cheltenham, UK & Northampton, MA: Edward Elgar Publishing;

¹⁸⁴ Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing; Walker, B., & Salt, D. (2006). *Resilience thinking: Sustaining ecosystems and people in a changing world*. Island Press.

¹⁸⁵ Manyena S.B. (2006). The concept of resilience revisited. *Disasters*, 30(4), 434–450.

2000-2020 гг., 97% из которых дает последнее десятилетие, что свидетельствует о растущей популярности концепции/явления «устойчивость» в различных отраслях науки. Так, в недавнем обзоре литературы за период между 1973 и 2017 гг., 20 статей об устойчивости определены как наиболее влиятельные. Из них, двенадцать источников относится к сфере менеджмента/бизнеса/административных наук, а остальные касаются психологии, экологии и кибернетики¹⁸⁶. Другой анализ 108 наиболее важных статей, опубликованных в 1973-2015 гг. и посвященных исследованиям в сфере устойчивости выявил следующие основные тематические направления; организационная устойчивость, экологическая устойчивость, социальная устойчивость, персональная устойчивость, устойчивость производственно-сбытовых цепочек¹⁸⁷.

Концепт «устойчивость»

В качестве научного термина, «устойчивость (resilience)» возникла в технике и физике, обозначая эластичность (упругость) под давлением¹⁸⁸. Термин происходит от латинского глагола *salire* (карабкаться или прыгать) и, в частности, от его расширения *resilire*, что означает отпрыгивать назад или отскакивать¹⁸⁹. С онтологической точки зрения устойчивость мышления относится к исследованию сложных, взаимосвязанных и возникающих паттернов отношений между сущностями и их соответствующими частями¹⁹⁰. Что касается существующих определений понятия «устойчивость» (таблица 1.1), Бхамра (2016) утверждает, что «независимо от контекста, многогранный

¹⁸⁶ Giustiniano, L., Clegg, S. R., Cunha, M. P., & Rego, A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing.

¹⁸⁷ Bhamra, R. (2016). *Organisational resilience: Concepts, integration, and practice*. CRC Press.

¹⁸⁸ Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing

¹⁸⁹ Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing; Zolli, A. (2012). *Resilience: Why things bounce back*. Simon & Schuster.

¹⁹⁰ Grove K. (2018). *Resilience*. Routledge.

смысл устойчивости имеет отношение к достижению стабильности в рамках функционирования элемента или системы»¹⁹¹.

Таблица 1.1 Определения устойчивости

Автор	Контекст	Определение
Coutu (2002) ¹⁹²	Индивидуальный	Устойчивые (жизнестойкие) люди обладают тремя общими характеристиками: принятие реальности, твердая вера в то, что жизнь имеет смысл, и способность импровизировать
Bruneau et al. (2003) ¹⁹³	Управление стихийными бедствиями (чрезвычайными ситуациями)	Способность социальных единиц смягчать опасности, сдерживать последствия бедствий, когда они происходят, и осуществлять восстановительные мероприятия, которые сводят к минимуму социальные потрясения и смягчают последствия будущих событий
Bodin and Wiman (2004) ¹⁹⁴	Физические системы	Скорость, с которой система возвращается в равновесное состояние после смещения (без учета колебаний) указывает на ее эластичность (устойчивость)
McDonald (2006) ¹⁹⁵	Организационный	Адаптация к требованиям среды и способность управлять изменчивостью среды
Zolli (2012) ¹⁹⁶	Социо-экология	Способность системы, предприятия или лица сохранять свою основную цель и целостность в условиях резко изменившихся обстоятельств
Walker et al. (2004) ¹⁹⁷	Социотехнические системы	Защита целостности системы, путем укрепления связей с другими системами и терпимого отношения к структурным изменениям или даже их поощрения
Европейская	Многоуровневое управление	Способность противостоять потрясениям

¹⁹¹ Bhamra, R. (2016). Organisational resilience: Concepts, integration, and practice. CRC Press.

¹⁹² Coutu, D. L. (2002). How resilience works. Harvard Business Review, 80(5), 46–56.

¹⁹³ Bruneau M., Chang S.E., Eguchi R.T., Lee G.C., O'Rourke T.D., Reinhorn A.M., Shinozuka M., Tierney K., Wallace W.A., & von Winterfeldt D. (2003). A framework to quantitatively assess and enhance the seismic resilience of communities. Earthquake Spectra, 19(4), 733–752.

¹⁹⁴ Bodin P., & Wiman B. (2004). Resilience and other stability concepts in ecology: Notes on their origin, validity, and usefulness. ESS Bulletin, 2(2), 33–43.

¹⁹⁵ McDonald N. (2006). Organisational resilience and industrial risk. In Hollnagel E., DD Woods, N. Leveson (Eds.), Resilience engineering: Concepts and precepts (pp. 155–179). Hampshire: Ashgate.

¹⁹⁶ Zolli A. (2012). Resilience: Why things bounce back. Simon & Schuster.

¹⁹⁷ Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., & Kinzig A. (2004). Resilience, adaptability and transformability in social–ecological systems. Ecology and Society, 9 (2), 1–9.

комиссия (2019) ¹⁹⁸		и постоянным структурным изменениям таким образом, чтобы сохранить благосостояние общества без ущерба для наследия будущих поколений
-----------------------------------	--	--

В целом, устойчивость — это свойство социальных систем, отдельных лиц, организаций и организационных полей, которое позволяет им выживать, несмотря на незначительные или серьезные нарушения¹⁹⁹. Есть два основных взгляда на устойчивость; они касаются:

(а) способности систем любого типа, включая отдельных людей, возвращаться в нормальное состояние после деструктивных и часто неожиданных событий или кризисов (например, лес снова растет после пожара), и

(б) гибкости приспособления к возникающим новым ситуациям не переступая край (например, лес может приспособиться к изменению климата, не превращаясь в квазипустыню).

В какой-то степени феномен устойчивости можно рассматривать как развитие существующих теорий, описывающих взаимодействие между организациями и все более нестабильной и непредсказуемой внешней средой. В соответствии с классической точкой зрения в рамках организационных исследований теории непредвиденных обстоятельств (например, Дональдсон, 2001²⁰⁰) наблюдаемые результаты (например, стремление, выживание и т. д.) являются результатом «соответствия» или соответствия между императивами окружающей среды и внутренними планами или структурами. Окружающая

¹⁹⁸ URL:<https://ec.europa.eu/jrc/en/research/crosscutting-activities/resilience>

¹⁹⁹ de Bruijne M.L.C., Boin A., & van Eeten M.J.G. (2010). Resilience. Exploring the concept and its meaning. In L.K. Comfort, A. Boin, & C.C. Demchak (Eds.), *Designing resilience. Preparing for extreme events* (pp. 13–32). Pittsburg: University of Pittsburg Press; Ramanujam R., & Roberts K.H. (Eds.). (2018). *Organizing for reliability: A guide for research and practice*. Stanford University Press; Walker B., & Salt D. (2006). *Resilience thinking: Sustaining ecosystems and people in a changing world*. Island Press; Weick K.E. Sutcliffe K. M., & Obstfeld D. (1999). *Organizing for high reliability: Processes of collective mindfulness*. In R.I. Sutton & B.M. Staw (Eds.), *Research in organizational behavior* (Vol. 21, pp. 81–123); Westrum R. (2006). A typology of resilience situations. In E. Hollnagel, D.D. Woods, & N. Leveson (Eds.), *Resilience engineering: Concepts and precepts* (pp. 55–66). Ashgate Publishing Company; Zolli A. (2012). *Resilience: Why things bounce back*. Simon & Schuster.

²⁰⁰ Donaldson L. (2001). *The contingency theory of organizations*. Sage Publications.

среда представлена в виде списка потенциальных угроз, которые путем построения вероятностей и сценариев анализа риска можно ранжировать по степени риска и неопределенности. Этот подход позволяет исследователям сосредоточиться на разработке эффективных ответов на эти классифицированные ситуации.

В какой-то степени феномен устойчивости можно рассматривать как развитие существующих теорий, описывающих взаимодействие между организациями и все более нестабильной и непредсказуемой внешней средой. В соответствии с классической точкой зрения, в рамках организационных исследований теории непредвиденных обстоятельств (Дональдсон, 2001) наблюдаемые результаты (например, стремление, выживание и т. д.) являются результатом «соответствия» или согласования между императивами окружающей среды и внутренними планами или структурами. При этом, окружающая среда может быть представлена в виде списка потенциальных угроз, которые путем построения вероятностей и сценариев анализа риска можно ранжировать по степени риска и неопределенности. Этот подход позволяет исследователям сосредоточиться на разработке эффективных ответов на имеющиеся классифицированные ситуации.

Более глубокое осознание сложности и изменчивости окружающей среды, вероятно, из-за беспрецедентной взаимосвязанности мира, в последнее время поставило под сомнение возможность ограничения разработки мер реагирования надлежащими действиями, связанными с вероятными непредвиденными обстоятельствами. Системные мыслители сигнализировали об этой взаимосвязанности с 1970-х годов (например, Meadows et al., 1972)²⁰¹, но мало внимания уделялось неопределенности до недавних лет, когда исследователи начали ставить под сомнение детерминированность мира и способность людей и организаций понять это²⁰². Окружающую среду оказалось

²⁰¹ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., & Behrens W.W. (1972). *The limits to growth*. New York, pp. 27, 102.

²⁰² Bazerman M., & Watkins M. (2004). *Predictable surprises: The disasters you should have seen coming, and how to prevent them*. Harvard Business School Press; Frigotto M.L. (2018).

трудно разложить на точные вероятные события, поскольку мир характеризуется скорее незнанием («невежеством»), чем «риском» и «неопределенностью»²⁰³. На самом деле, «риск» относится к ситуации, в которой заданы вероятности, а «неопределенность» — к случаям, в которых состояния определяются естественным образом, а перевод в вероятности — нет; «невежество» относится к ситуациям, в которых состояния не являются ни естественными, ни легко конструируемыми²⁰⁴. Концепция устойчивости набрала обороты в последнее десятилетие, поскольку она может отразить это изменение точки зрения. Это изменение также подразумевает сдвиг в способностях людей, организаций и обществ справляться с изменениями в окружающей среде: от способности классифицировать их к способности сопротивляться им, при этом мало значения придается определению возмущения, и в идеале, независимо от источника, формы и проявлений данного возмущения.

Хотя устойчивость воплощает в себе целостный ответ, соответствующий VUCA: (изменчивость, неопределенность, сложность и неоднозначность) в современном мире, то, поскольку она была импортирована из инженерии и физики в социальные науки, то выдвинула на первый план некоторые нерешенные вопросы. которые, на наш взгляд, уменьшают потенциал опубликованных источников, выступать в качестве основы структуры устойчивости. В социальных науках, определения «устойчивости» (таблица 1.1) включают в себя способность социальной сущности, т.е. человека, организации или системы — реагировать на нарушения и восстанавливаться после них²⁰⁵. Эта концепция была перенесена из физики и техники в сферу социальных действий с метафорическим значением и, как отметили Карпентер и др., что

Understanding novelty in organizations: A research path across agency and consequences. Chem: Springer International Publis.

²⁰³ Knight, F. H. (1921). Risk, uncertainty, and profit. Houghton Mifflin.

²⁰⁴ Gilboa I., & Schmeidler D. (1995). Case-based decision theory. The Quarterly Journal of Economics, 110, 605–639.

²⁰⁵ Linnenluecke M.K. (2017). Resilience in business and management research: A review of influential publications and a research agenda. International Journal of Management Reviews, 19(1), 4–30.

привело к увеличению неопределенности в теоретическом понимании, к сложности проведения операционализации и измерений²⁰⁶. Дискуссия об устойчивости обычно в нужный момент фокусируется на определенном уровне анализа и развивается в рамках конкретных дисциплин.

В частности, книги по организационной устойчивости, как правило, представляют узкий, а не системный или целостный подход, фокусируясь, например, только на таких темах, как обучение и/или роль лидеров²⁰⁷. Другие основополагающие работы в этой области носят более концептуальный характер²⁰⁸, или уделяют значительное внимание определенным подсистемам, таким как экология и социотехнические системы²⁰⁹.

Пять ключевых вопросов устойчивости

В этом разделе мы представляем краткий обзор пяти ключевых вопросов, которые необходимо обсудить, чтобы перейти к следующим этапам развития теории и эмпирического понимания устойчивости.

В физике устойчивость (упругость) относится к конкретному виду возмущения, а именно к способности системы (обычно материала) поглощать энергию (прежде чем разрушиться) при воздействии перпендикулярной динамической силы (удара)²¹⁰. Этот удар стандартизирован в маятнике Шарпи, который используется для измерения упругости материалов. Упругость высока, когда материал имеет высокий уровень эластичности. Например, струны теннисной ракетки деформируются от удара мяча и накапливают потенциальную энергию, которая выделяется при обратном ударе.

²⁰⁶ Carpenter S., Walker B., Anderies J., & Abel N. (2001). From metaphor to measurement: Resilience of what to what? *Ecosystems*, 4, 765–781.

²⁰⁷ Kayes D.C. (2015). *Organizational resilience: How learning sustains organizations in crisis, disaster, and breakdown*. Oxford University Press; Pirotti G., & Venzin M. (2016). *Resilient organizations: Responsible leadership in times of uncertainty*. Cambridge University Press;

²⁰⁸ Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing.

²⁰⁹ Walker B., & Salt D. (2006). *Resilience thinking: Sustaining ecosystems and people in a changing world*. Island Press; Ruth M., & Goessling-Reisemann S. (2019). *Handbook on resilience of socio-technical systems*. Cheltenham, UK & Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.

²¹⁰ Kalpakjian S., & Schmid S.R. (2016). *Manufacturing processes for engineering materials*. Boston: Pearson.

Противоположностью упругости является хрупкость, характерная для материалов с малой эластичностью, близких к пределу прочности. В отличие от прочных материалов, упругие материалы не сопротивляются ударам (до момента разрушения), а поглощают энергию удара благодаря своим эластичным свойствам.

Точно также «устойчивость» в социальных науках представляет собой способность социальной сущности, такой как отдельный человек, организация, система или общество, сохранять свою функцию, реагируя на неблагоприятные обстоятельства. Однако эта метафора отвечает как за привлекательность, так и за высокую неопределенность данного концепта в социальных науках²¹¹, поскольку «способность» и «неблагоприятные обстоятельства» понимаются по-разному, что побудило многих ученых просить к дальнейшим теоретическим изысканиям²¹². Это привело к необходимости теоретической проработки ряда актуальных вопросов, которые были отражены в обзорах литературы²¹³.

²¹¹ Carpenter S., Walker B., Anderies J., & Abel N. (2001). From metaphor to measurement: Resilience of what to what? *Ecosystems*, 4, 765–781.

²¹² Britt T., Shen W., Sinclair R., Grossman M., & Klieger D. (2016). How much do We really know about employee resilience? *Industrial and Organizational Psychology*, 9(2), 378–404; Ducheck S. (2020). Organizational resilience: A capability-based conceptualization. *Business Research*, 13, 215–246; Fisher D.M., Ragsdale J.M., & Fisher E.C. (2019). The importance of definitional and temporal issues in the study of resilience. *Applied Psychology*, 68, 583–620; Linnenluecke M.K. (2017). Resilience in business and management research: A review of influential publications and a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 19(1), 4–30; Kossek E.E., & Perrigino, M. B. (2016). Resilience: A review using a grounded integrated occupational approach. *The Academy of Management Annals*, 10(1), 729–797; Vanhove A.J., Herian M.N., Perez A.L.U., Harms P.D., & Lester P.B. (2016). Can resilience be developed at work? A meta-analytic review of resilience-building programme effectiveness. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 89(2), 278–307.

²¹³ de Bruijne M.L. C., Boin A., & van Eeten M.J. G. (2010). Resilience. Exploring the concept and its meaning. In L. K. Comfort, A. Boin, & C.C. Demchak (Eds.), *Designing resilience. Preparing for extreme events* (pp. 13–32). Pittsburg: University of Pittsburg Press; Ducheck S. (2020). Organizational resilience: A capability-based conceptualization. *Business Research*, 13, 215–246; Fisher D.M., Ragsdale J.M., & Fisher E.C. (2019). The importance of definitional and temporal issues in the study of resilience. *Applied Psychology*, 68, 583–620; Linnenluecke M.K. (2017). Resilience in business and management research: A review of influential publications and a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 19(1), 4–30; Kossek E.E., & Perrigino, M. B. (2016). Resilience: A review using a grounded integrated occupational approach. *The Academy of Management Annals*, 10(1), 729–797; Ruiz-Martin C., López-Paredes A., & Wainer G. (2018). What we know and do not know about organizational resilience. *International Journal of Production Management and Engineering*, 6(1), 11–28.

В понимании параллелей между устойчивостью материалов в физике, и устойчивостью отдельных людей, организаций и обществ в социальных науках остаются в значительной степени неясными пять вопросов.

Во-первых, в социальных науках устойчивость используется довольно широко. В результате детального обзора существующих взглядов, подходов и методологий по проблеме устойчивости, Бхамра (2016, стр. 24)²¹⁴ заявил, что «важно понять, является ли устойчивость мерой, свойством, философией или способностью», Критики устойчивости заявляют, что эта концепция слишком широко принята в социальных науках, и задают провокационный вопрос: «В таком случае, что не является устойчивостью?»²¹⁵. Чтобы продвинуться в концептуальной разработке «устойчивости», необходимо задаться вопросом: в чем суть устойчивости? Ответ на этот вопрос проясняет, как понятие устойчивости может быть охарактеризовано и лучше определено, чтобы включать различные концептуальные и аналитические проявления, при этом допуская взаимное обогащение концепциями, идеями и передовым опытом социальных наук.

Во-вторых, когда мы говорим, что устойчивые социальные сущности достигают финального состояния после столкновения с неблагоприятными обстоятельствами, как следует понимать это финальное состояние? Ответить на этот вопрос означает прояснить, - когда можно говорить об устойчивости, а когда нет. Вместо того, чтобы переопределять устойчивость, необходимо стремиться определить границы и ядро концепта, указав, какое «устойчивое финальное состояние» в социальных науках может соответствовать устойчивым состояниям инженерных материалов. Тот факт, что такой материал находится в равновесии (то есть в одном и том же состоянии до и после удара), позволяет ученым утверждать, что он устойчив. Однако способы, которыми люди, организации и/или общества реагируют, восстанавливаются и

²¹⁴ Bhamra, R. (2016). Organisational resilience: Concepts, integration, and practice. CRC Press.

²¹⁵ Roe E., & Schulman P.R. (2008). High reliability management: Operating on the edge (Vol. 19). Stanford University Press.

возвращаются к «нормальности», всегда влекут за собой изменения — хотя бы потому, что прошло время и произошёл опыт (обучение). В отличие от физических материалов, социальные системы и встроенные в них агенты проявляют свободу действий, что влияет на то, как они приспосабливаются к внешним событиям. Более того, важно выяснить, можем ли мы говорить об устойчивости, когда в социальной системе достигается «новая норма», или это означает, что исходная система не была устойчивой и что появляется новая система (с другим состоянием и функцией).

Итак, мы спрашиваем: каков результат устойчивости? Зависит ли признание устойчивости от этого результата?

В-третьих, как можно квалифицировать нарушения или факторы неблагоприятных обстоятельств в социальных науках? В недавних исследованиях были рассмотрены следующие примеры факторов неблагоприятных обстоятельств²¹⁶: для человека смерть любимого человека или развод; для организаций — новая технология, которая бросает вызов существующим предложениям для бизнеса; а для систем — новое политическое движение, которое набирает силу. В физике удары имеют точное определение: они несут определенную энергию и наносятся под определенным углом²¹⁷. В социальных науках способность предвидеть неблагоприятные обстоятельства, сопротивляться им и реагировать на них зависит от знания факторов неблагоприятных обстоятельств: когда они хорошо известны и четко

²¹⁶ Britt T., Shen W., Sinclair R., Grossman M., & Klieger D. (2016). How much do We really know about employee resilience? *Industrial and Organizational Psychology*, 9(2), 378–404; Ducheck S. (2020). Organizational resilience: A capability-based conceptualization. *Business Research*, 13, 215–246; Fisher D.M., Ragsdale J.M., & Fisher E.C. (2019). The importance of definitional and temporal issues in the study of resilience. *Applied Psychology*, 68, 583–620; Kossek E.E., & Perrigino, M. B. (2016). Resilience: A review using a grounded integrated occupational approach. *The Academy of Management Annals*, 10(1), 729–797; Linnenluecke M.K. (2017). Resilience in business and management research: A review of influential publications and a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 19(1), 4–30; Vanhove A.J., Herian M.N., Perez A.L.U., Harms P.D., & Lester P.B. (2016). Can resilience be developed at work? A meta-analytic review of resilience-building programme effectiveness. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 89(2), 278–307.

²¹⁷ Frigotto M.L. (2020). Reframing resilience on novelty and change. In E. Powley, B. Caza, & A. Caza (Eds.), *Research handbook on organizational resilience* (pp. 53–69). Emerald Group Publishing Limited.

определены, их можно предвидеть или, по крайней мере, можно подготовить точный ответ, который активируется, когда они происходят; когда они плохо известны и плохо определены, их понимание является частью проблемы²¹⁸. Некоторые авторы рассматривают неблагоприятные обстоятельства в контексте ожидаемого и неожиданного²¹⁹. Хотя это различие является интуитивным, более точная проработка могла бы прояснить влияние различных видов неблагоприятных обстоятельств, и их потенциал в отношении факторов устойчивости и ее эмпирических проявлений.

В-четвертых, в социальной сфере, устойчивость касается реакции объекта на шоковые обстоятельства во временном развертывании, в том числе до их наступления (подготовленность), во время действия неблагоприятных условий (восстановление) и после их завершения (результат). Фактор времени имеет значение для социальных систем, которым может потребоваться время, чтобы проявить устойчивость, т.е. то, что называют «динамической способностью»²²⁰, в других работах устойчивость рассматривается как процесс, как свойство и как результат²²¹. Итак, возникает следующий вопрос: имеет ли устойчивость временное измерение (развертывание), при котором ее следует наблюдать и оценивать, в целом?

В-пятых, что является предметом устойчивости? В общем, мы говорили о системной устойчивости как об общем предмете в социальных науках, а в других случаях, и более точно, существуют три основных уровня анализа, т.е. индивидуальный (микро), организационный (мезо) и социальный (макро).

Это множество уровней, на которых устойчивость может проявляться, добавляет определенную нечеткость в отношении устойчивости, поскольку в одних и тех же условиях социальная сущность более низкого уровня может

²¹⁸ Logan D.C. (2009). Known knowns, known unknowns, unknown unknowns and the propagation of scientific enquiry. *Journal of Experimental Botany*, 60(3), 712–714.

²¹⁹ Weick K.E., & Sutcliffe K.M. (2001). *Managing the unexpected: Assuring high performance in an age of complexity*. Jossey-Bass.

²²⁰ Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing.

²²¹ Bhamra, R. (2016). *Organisational resilience: Concepts, integration, and practice*. CRC Press.

проявлять устойчивость, а на более высоком уровне ее может не быть, и наоборот. Carpenter et al (2001, стр. 765–767) утверждает, что устойчивость всегда необходимо определять по отношению к определенной социальной системе или определенному уровню анализа, отвечая на вопрос: «Устойчивость чего к чему?»²²².

В частности, необходимо выяснить, существует ли соответствие между более низким и более высоким уровнями устойчивости, и гарантируют ли более низкие уровни устойчивости более высокие уровни устойчивости. Такой подход стал решающим для политиков, учреждений и граждан в понимании того, как можно развивать устойчивость, особенно после пандемии COVID-19 (например, Giovannini et al., 2020)²²³.

Сформулированные выше пять вопросов продвигают академические дискуссии, позволяя рассматривать устойчивость в контексте динамического характера, сложности и неоднозначности, присущих социальным системам на нескольких уровнях анализа. Далее представлены три организационных элемента, которые служат отправной точкой для теоретического и эмпирического анализа. Можно утверждать, что устойчивость должна базироваться как на стабильности, так и на динамическом изменении, учитывая, что «становление» является характеристикой социальных объектов. Будем определять устойчивость с точки зрения изменений, при непрерывном сохранении сущности, независимо от того, оценивается ли она эндогенно теми, кто сталкивается с неблагоприятными условиями, или оценивается экзогенно, когда наблюдатель может обнаружить или идентифицировать некоторую форму сохранения идентичности, процессов, мыслей и т.д.

Организационные принципы устойчивости

²²² Carpenter S., Walker B., Anderies J., & Abel N. (2001). From metaphor to measurement: Resilience of what to what? *Ecosystems*, 4, 765–781.

²²³ Giovannini E., Benczur P., Campolongo F., Cariboni J., & Manca A. (2020). Time for transformative resilience: The COVID-19 emergency (EUR 30179EN). Publications Office of the European Union. ISBN 978-92-76-18113-2.

В этом разделе представлены три организационных принципа устойчивости. Первый относится к ядру устойчивости, которое включает в себя как изменения, так и стабильность. Второй принцип касается профилей новизны факторов неблагоприятных обстоятельств. Третий принцип касается развертывания устойчивости в масштабе времени, предвидение, механизмы и результаты, которые имеют место либо до того, как неблагоприятные обстоятельства столкнутся с устойчивостью, либо сразу после того, как они произошли и вызвали реакцию, и/или после того, как они были устранены. Затем следует обсуждение временных, пространственных и социальных масштабов устойчивости, что служит как развитию теоретического и эмпирического понимания устойчивости.

Стабильность и перемены

Обычно, термин «устойчивость» используется для индикации такой способности абсорбировать шоковые воздействия, которая обеспечивает ограниченное влияние на стабильность и функционирование²²⁴, а также способности восстанавливаться и извлекать уроки из случившегося²²⁵.

Другими словами, в различных определениях устойчивость влечет за собой переход от начального состояния к конечному состоянию, посредством реакции на неблагоприятные обстоятельства. Таким образом, изменение является первой фундаментальной составляющей устойчивости.

Изменения можно представить себе как нечто неизбежное, вызванное неблагоприятными обстоятельствами, потому что если система не меняется, то можно утверждать, что она никогда не сталкивалась с неблагоприятными

²²⁴ Linnenluecke M.K. (2017). Resilience in business and management research: A review of influential publications and a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 19(1), 4–30; Roe E., & Schulman P.R. (2008). *High reliability management: Operating on the edge* (Vol. 19). Stanford University Press; Walker B., & Salt D. (2006). *Resilience thinking: Sustaining ecosystems and people in a changing world*. Island Press; Williams T.A., Gruber D.A., Sutcliffe K.M., Shepherd D.A., & Zhao E.Y. (2017). Organizational response to adversity: Fusing crisis management and resilience research streams. *Academy of Management Annals*, 11(2), 733–769.

²²⁵ Ramanujam R., & Roberts K.H. (Eds.). (2018). *Organizing for reliability: A guide for research and practice*. Stanford University Press; Ruiz-Martin C., López-Paredes A., & Wainer G. (2018). What we know and do not know about organizational resilience. *International Journal of Production Management and Engineering*, 6(1), 11–28.

обстоятельствами, для преодоления которых требуется устойчивость. Более того, если система не изменится, то вероятно, потерпит неудачу, потому что неблагоприятные условия не позволяют системам оставаться неизменными в течение длительного времени. Если по какой-то причине система не меняется и не дает сбоев, то можно утверждать, что она демонстрирует не устойчивость, а просто выживание. Таким образом, выживание не является ключом к устойчивости.

Устойчивость выходит за рамки простого выживания, потому что она требует, чтобы постоянство бытия характеризовалось изменениями. Точно так же, радикальные изменения несовместимы с устойчивостью. Действительно, мы бы не назвали устойчивым то, что полностью изменилось, для того чтобы выжить, поскольку оно больше не будет относиться к предыдущему состоянию или функции, а будет относиться к чему-то совершенно другому.

Было предпринято несколько попыток теоретизировать степень изменений, вовлеченных в устойчивость. Как и большинство определений, первая и более общая попытка состояла в том, что устойчивость представляет собой либо процесс «прихода в норму», либо «оставаться в пределах порога» (таблица 1.2); «преодоление порога» следует понимать как слишком большое изменение, чтобы обеспечить устойчивость. С точки зрения сложных систем²²⁶, устойчивость, и приспособляемость (адаптируемость) связаны с динамикой системы или тесно взаимосвязанного множества систем. Для них, трансформируемость означает фундаментальное изменение природы системы, однако граница между «тесно связанными» и «фундаментально измененными» может быть размытой и зависимой от интерпретации. Фольке и др. (2010, с. 3)²²⁷ утверждают, что устойчивость основывается на приспособляемости и трансформируемости, поскольку это «способность меняться [в том числе посредством трансформации] для сохранения одинаковой идентичности». В

²²⁶ Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., & Kinzig A. (2004). Resilience, adaptability and transformability in social–ecological systems. *Ecology and Society*, 9(2), 1–9.

²²⁷ Folke C., Carpenter S.R., Walker B., Scheffer M., Chapin T., & Rockström, J. (2010). Resilience thinking: integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*, 15(4), 20.

региональных исследованиях, несколько авторов²²⁸ проводят различие между двумя видами изменений, в контексте географической устойчивости, - «адаптацией» и «адаптируемостью»; первое относится к сохранению или «эксплуатации» существующих экономических путей/траекторий (март 1991 г.), а второе относится к созданию или «разведке» новых региональных путей роста (март 1991 г.). В других сферах, трансформация и трансформируемость более явно упоминаются как связанные с устойчивостью.

Литература по городским экосистемам (например,²²⁹) прямо относит трансформируемость к типам изменений; совсем недавно Satyal et al. (2017)²³⁰ показали, как трансформационная устойчивость может включать региональные пути эволюции.

Вторая фундаментальная составляющая устойчивости, отражающая первую, — непрерывность сущности. Во всех случаях, устойчивость связана с субъектом, — будь то индивидуум, организация или система, — который претерпевает некоторую степень изменения, но, тем не менее, сохраняет преемственность сущности на протяжении всей этой эволюции. Это означает, что изменившись, либо субъект, либо внешний наблюдатель могут признать, что после ряда внутренних и внешних неблагоприятных обстоятельств, та же самая сущность все еще присутствует. Если рассматривать оба компонента устойчивости вместе, устойчивость включает в себя как стабильность, так и изменения (рис. 1.1).

²²⁸ Boschma R. (2015). Towards an evolutionary perspective on regional resilience. *Regional Studies*, 49(5), 733–751; Hu X., & Hassink R. (2017). Exploring adaptation and adaptability in uneven economic resilience: A tale of two Chinese mining regions. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 10(3), 527–541; Pike A., Dawley S., & Tomaney J. (2010). Resilience, adaptation and adaptability. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3(1), 59–70.

²²⁹ Gotham K F., & Campanella R. (2010). Toward a research agenda on transformative resilience: Challenges and opportunities for post-trauma urban ecosystems. *Critical Planning*, 17 (Summer), 9–23.

²³⁰ Satyal P., Shrestha K., Ojha H., Vira B., & Adhikari J. (2017). A new Himalayan crisis? Exploring transformative resilience pathways. *Environmental Development*, 23, 47–56.

Рис. 1.1 Устойчивость как пересечение или взаимодействие стабильности и изменений

В своей концептуальной основе, направленной как на обоснование, так и на создание более устойчивого европейского общества, Manca et al. (2017)²³¹ предложили различать абсорбирующие, адаптивные и трансформирующие способности, которые поддерживают устойчивость. В области организационной устойчивости Фриготто (2020)²³² определил свою концепцию устойчивости, которые являются результатом следующих уровней изменений (и в зависимости от новизны факторов неблагоприятных обстоятельств): абсорбционная, адаптационная и преобразующая (трансформационная) устойчивость.

Развивая теоретическую разработку сущности устойчивости и различных видов изменений, которые охватывает устойчивость, можно постулировать следующую типологию. Если мы поместим сочетание стабильности и изменений в континуум, где крайними точками являются либо только стабильность, либо только изменения, устойчивость касается только той области, в которой наблюдается сочетание стабильности и изменений. Опираясь на работу Фриготто о новизне (2020)²³³, можно определить различные типы устойчивости, охватывающие не только конкретные результаты, но также

²³¹ Manca B., Benczur P., & Giovannini E. (2017). Building a scientific narrative towards a more resilient EU society, Part1: A conceptual framework. JRC Science for Policy Report. European Commission.

²³² Frigotto M.L. (2020). Reframing resilience on novelty and change. In E. Powley, B. Caza, & A. Caza (Eds.), Research handbook on organizational resilience (pp. 53–69). Emerald Group Publishing Limited.

²³³ Frigotto M.L. (2020). Reframing resilience on novelty and change. In E. Powley, B. Caza, & A. Caza (Eds.), Research handbook on organizational resilience (pp. 53–69). Emerald Group Publishing Limited.

изменяющиеся процессы и предпосылки. В рамках этого континуума, мы можем выделить три основных типа устойчивости (рис. 1.2).

Абсорбционная устойчивость отражает фундаментальную стабильность системы и касается способности сущности быстро и эффективно возвращаться в исходное состояние; изменение ограничено тем, что оно носит временный характер и практически не оказывает воздействия (Linnenluecke, 2017)²³⁴. Стабильность не представляет проблемы; происходит обновление или модернизация, путем совершенствования компетенций, и восстанавливается предыдущее состояние.

Основываясь на работе Folke et al. (2010)²³⁵, устойчивость можно в данном случае определить как «абсорбируемость». В метафоре модели «шар и чашка» (de Bruijne et al., 2010, p. 17)²³⁶ чаша символизирует собой стабильность системы, тогда как шар представляет собой социальную сущность, которая изменяется под действием какой-то силы. Тогда, устойчивость измеряется временем, которое требуется объекту, чтобы абсорбировать изменения.

Адаптационная устойчивость включает в себя как стабильность, так и изменения на некотором последовательном уровне; это относится к способности системы создавать буферный потенциал, выдерживать удары и сохранять функции при переходе в новое состояние.

В этом случае, изменения являются постоянными и последовательными, даже если они не бросают вызов сущности социальной сущности. В модели «шар и чашка», этот тип устойчивости представлен шириной чашки, а это означает, что, хотя постоянное изменение функционирования является необходимым, оно все еще находится в том же контексте. В реальных ситуациях, устойчивость измеряется робастностью, которая представляет собой

²³⁴ Linnenluecke M.K. (2017). Resilience in business and management research: A review of influential publications and a research agenda. *International Journal of Management Reviews*, 19(1), 4–30.

²³⁵ Folke C., Carpenter S.R., Walker B., Scheffer M., Chapin T., & Rockström, J. (2010). Resilience thinking: integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*, 15(4), 20.

²³⁶ de Bruijne M.L.C., Boin A., & van Eeten M.J.G. (2010). Resilience. Exploring the concept and its meaning. In L.K. Comfort, A. Boin, & C.C. Demchak (Eds.), *Designing resilience. Preparing for extreme events* (pp. 13–32). Pittsburg: University of Pittsburg Press.

величину изменений, с которыми объект может столкнуться в данном контексте. В терминологии Folke et al. (2010)²³⁷ этот тип устойчивости характеризуется как адаптируемостью, так и гибкостью.

Рис. 1.2 Уровни изменений и типы устойчивости Условные обозначения:
L = низкий,
M = средний, *H* = высокий)

Трансформационная устойчивость показывает способность социальной сущности взаимодействовать с возмущениями и влиять на изменение системы. В этом случае оспаривается сущность социального субъекта; поскольку контекст резко меняется, существует высокий риск того, что он будет брошен в совершенно иную реальность, где точки отсчета и консолидированное функционирование революционируются. В сфере организаций мы могли бы утверждать, что в этом случае институциональные установки меняются. Социальное образование должно подвергнуться глубокому обновлению, при этом на каком-то уровне четко прослеживается преемственность с прошлым. Это обновление признает, что сущность также взаимодействует с изменяющимся контекстом (происходит коэволюция) и что революционный потенциал контекста сокращается. На языке сложных систем (Walker & Salt, 2006)²³⁸ этот тип устойчивости удерживает объект от драматических и тотальных изменений, связанных с выходом за порог. Это согласуется с определением устойчивости как «адаптации в пределах порога»; однако признается, что порог может меняться со временем и что устойчивость возникает, когда социальная сущность способна ответить на вызов, оставаясь в

²³⁷ Folke C., Carpenter S.R., Walker B., Scheffer M., Chapin T., & Rockström, J. (2010). Resilience thinking: integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*, 15(4), 20.

²³⁸ Walker B., & Salt D. (2006). *Resilience thinking: Sustaining ecosystems and people in a changing world*. Island Press.

пределах обновленного порога. Фольке и др. (2010)²³⁹ называют эту способность «трансформируемостью».

На организационном или системном уровне, трансформационная устойчивость возникает в связи с изменениями в институциональной среде (см. North, 1990²⁴⁰) и измеряется способностью сущности трансформироваться вместе с обстановкой, чтобы поддерживать позицию в пределах порога — то, что системные теоретики называют «коэволюция» (интересное описание таких процессов в контексте организаций и рынков см. в Padgett & Powell, 2012²⁴¹).

Неблагоприятные обстоятельства и новизна

Хотя изменения и стабильность можно использовать для типизации устойчивости, их также можно использовать для характеристики ее факторов или антецедентов, то есть неблагоприятных обстоятельств. Разные неблагоприятные обстоятельства требуют разного уровня изменений и стабильности и, следовательно, устойчивости. Неблагоприятные обстоятельства различаются в зависимости от их детерминированности, будучи хорошо известными или неизвестными, ожидаемыми, или неожиданными и/или непредсказуемыми. Джустиниано и др. (2018, стр. 17)²⁴² утверждают, что устойчивость — это «не только вопрос обучения, но и «научения учиться», включая готовность постоянно экспериментировать и осваивать новизну.

По словам Кейса (2015, стр. 17)²⁴³, новый опыт характеризуется отсутствием очевидных ограничений задачи, а это означает, что успешное решение должно выходить за рамки обычного опыта или установленных процедур. В таких ситуациях ни цель, которая должна быть достигнута («что»),

²³⁹ Folke C., Carpenter S.R., Walker B., Scheffer M., Chapin T., & Rockström, J. (2010). Resilience thinking: integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*, 15(4), 20.

²⁴⁰ North D.C. (1990). *Institutions, institutional change, and economic performance*. Cambridge University Press.

²⁴¹ Padgett J.F., & Powell W.W. (2012). *The emergence of organizations and markets*. Princeton University Press.

²⁴² Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). *Elgar introduction to theories of organizational resilience*. Edward Elgar Publishing.

²⁴³ Kayes, D. C. (2015). *Organizational resilience: How learning sustains organizations in crisis, disaster, and breakdown*. Oxford University Press.

ни путь решения проблемы («как») не ясны, в этом они напоминают плохо структурированные или «злые» проблемы (Rittel & Weber, 1973)²⁴⁴. Наконец, Кейс (2015, стр. 18–20)²⁴⁵ указывает на четыре типа механизмов обучения: непосредственный опыт, встречный опыт, доказательства, пробы и ошибки; или исследование.

Исследования установили, что разные организации перенимают и преуспевают в различных типах обучения, (март 1991 г.) и что со временем появляются контекстно-зависимые и локальные стили обучения (Пауэлл, 1998 г.)²⁴⁶. Эти стили, в свою очередь, позволяют организациям вырабатывать определенные предпочтения или привычки, когда речь идет о сборе, обработке и воздействии на различные типы знаний (Kayes, 2015, стр. 21)²⁴⁷. Интересна позиция Frigotto (2020)²⁴⁸, который предлагает использовать концепцию новизны для характеристики возмущений, и для объяснения различных типов устойчивости по отношению к факторам.

Определение устойчивости с точки зрения новизны дает три основных преимущества (Frigotto, 2020)²⁴⁹. Во-первых, это позволяет нам прояснить, как устойчивость может рассматриваться как источник стабильности, обеспечивающий сохранение функциональности, несмотря на возмущения, и как источник изменений, стимулирующий позитивную адаптацию и процветание после возмущений. Во-вторых, новизна — понятие относительное,

²⁴⁴ Rittel H.W., & Webber M.M. (1973). Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*, 4(2), 155–169.

²⁴⁵ Kayes, D. C. (2015). *Organizational resilience: How learning sustains organizations in crisis, disaster, and breakdown*. Oxford University Press.

²⁴⁶ Powell W.W. (1998). Learning from collaboration: Knowledge and networks in the biotechnology and pharmaceutical industries. *California Management Review*, 40(3), 228–240.

²⁴⁷ Kayes, D. C. (2015). *Organizational resilience: How learning sustains organizations in crisis, disaster, and breakdown*. Oxford University Press.

²⁴⁸ Frigotto M.L. (2020). Reframing resilience on novelty and change. In E. Powley, B. Caza, & A. Caza (Eds.), *Research handbook on organizational resilience* (pp. 53–69). Emerald Group Publishing Limited.

²⁴⁹ Frigotto M.L. (2020). Reframing resilience on novelty and change. In E. Powley, B. Caza, & A. Caza (Eds.), *Research handbook on organizational resilience* (pp. 53–69). Emerald Group Publishing Limited.

отражающее современное состояние знаний (Frigotto, 2018²⁵⁰); устойчивость, относящаяся к новизне, определяется не как фиксированный набор «обязательных вещей», по отношению к конечному набору ситуаций, а как меняющаяся способность, которая постоянно обновляется в соответствии с новыми вызовами. В-третьих, новизна относительна и в другом смысле: поскольку знание распределено неоднородно, новизна не проявляется одинаково для каждого объекта, поскольку что она отображается на собственные знания. В результате различий в своих знаниях, сущности будут по-разному воспринимать разную новизну. Определение устойчивости, основанное на новизне, фиксирует, что устойчивость стимулирует обучение в различных формах (например, от других, у которые уже есть знания) и на разных уровнях (например, новые знания для некоторых или для всех).

Опираясь на работу Levinthal (2008)²⁵¹, новизну можно определить как противоположность знанию; новизна состоит из того, что неизвестно. Ее можно наблюдать во многих формах и на многих уровнях; ее понимали и как ингредиент, и как результат изменений (Frigotto, 2018)²⁵².

Новизна всеобъемлюща, проявляется в деталях или резких изменениях, и поэтому ее можно рассматривать как непрерывную переменную, а не дихотомическую (Frigotto, 2020)²⁵³. Когда мы оцениваем новизну триггеров неприятностей, мы учитываем три различных аспекта, которые отражают аспекты новизны (Frigotto, 2018)²⁵⁴.

²⁵⁰ Frigotto M.L. (2018). Understanding novelty in organizations: A research path across agency and consequences. Chem: Springer International Publishing.

²⁵¹ Levinthal D.A. (2008). Explorations in the role of novelty in organizational adaptation: An introductory essay. In J.G. March (Ed.), Explorations in organizations (pp. 95–103). Stanford Business Books.

²⁵² Frigotto M.L. (2018). Understanding novelty in organizations: A research path across agency and consequences. Chem: Springer International Publishing.

²⁵³ Frigotto M.L. (2020). Reframing resilience on novelty and change. In E. Powley, B. Caza, & A. Caza (Eds.), Research handbook on organizational resilience (pp. 53–69). Emerald Group Publishing Limited.

²⁵⁴ Frigotto M.L. (2018). Understanding novelty in organizations: A research path across agency and consequences. Chem: Springer International Publishing.

Во-первых, триггеры могут быть новыми, то есть неизвестными и различаться в зависимости от того, насколько они далеки от того, что уже известно; это отражает степень новизны. Например, когда новое государственное управление (NPM) было рекомендовано в качестве подходящего подхода к государственному управлению (см. Christensen & Lægreid, 2011)²⁵⁵, оно было воспринято как имеющее высокую степень новизны по отношению к теориям государственного управления: оно принесло новые принципы управления в государственный сектор, что резко изменило представление о том, как должны управляться государственные учреждения. И наоборот, сегодня, введение новых показателей эффективности или действенности представляет собой просто дополнение к этой структуре, что оценивается ниже по степени новизны.

Во-вторых, новизна относительна в пространстве и времени, поэтому один и тот же случай может показаться новым для одних наблюдателей, а не для других, и он может выглядеть по-разному в разное время, например, в Европе, как мы видим блокировки после пандемии COVID-19. До января 2020 года, идея изоляции в значительной степени рассматривалась в современном развитом мире как ненужная мера: она воспринималась как нечто устаревшее, связанное с эпидемиями прошлых веков, в последний раз около 1920 года, или в далеком прошлом (Китай). Когда в марте 2020 года в Италии была введена блокировка, это казалось серьезной новинкой — никто на самом деле не знал, что означала блокировка или что она влекла за собой для их повседневного поведения, или для всей экономики. Затем карантинные меры потихоньку распространились по Европе, и страны стали считать их уместными и незаменимыми. Карантин больше не является большой новинкой. Когда мы рассматриваем будущее, карантин осенью 2020 года кажется малой или средней новизной. Общества накопили обширные знания о том, что такое блокировка и что она означает, и они также могут заранее подготовиться к ней.

²⁵⁵ Christensen T., & Lægreid P. (2011). The Ashgate research companion to new public management. Ashgate.

Урок из этого состоит в том, что новизну всегда следует оценивать по отношению к конкретному наблюдателю, в определенное время; в противном случае, о ней легко ошибиться в ретроспективе. Именно это мы имеем в виду, говоря об относительности новизны.

В-третьих, осознание новизны относится к тому, воспринимается ли недостаток знаний, соответствующий новизне, или нет — «известное неизвестное» или «неизвестное неизвестное» (Logan, 2009)²⁵⁶. Основываясь на предыдущем примере, Всемирная организация здравоохранения, а также другие учреждения предупреждали правительства мира о риске пандемий в предыдущие годы. Это наводит на мысль, что о пандемии COVID-19 многие должны были знать.

Хотя для некоторых пандемия могла стать небольшим сюрпризом, для многих она была отдаленным событием либо потому, что они преуменьшали предупреждения, либо потому, что думали, что прогресс современного мира каким-то образом защитит его от катастрофических последствий. Осведомленность отражает сложность обращения к чему-то, чего мы не знаем, но что может существовать.

Новизна отражает состояние наблюдателя, который обнаруживает свою потребность в новых знаниях, утверждая, что что-то является для него новым. Таким образом, новизна объективируется и переносится на объект. Обычно мы говорим «этот продукт новый» или «это новая ситуация», косвенно утверждая, что мы не сталкивались с этим продуктом или этой ситуацией ранее. Это также относится к характеристике факторов неблагоприятных обстоятельств, в соответствии с их профилями новизны. Когда кто-то говорит, что фактор неблагоприятных обстоятельств — это означает, что он/она не готов справиться с этим с его/ее нынешним уровнем знаний; кроме того, человек либо не знает, что он существует, либо что его появление вероятно.

²⁵⁶ Logan D.C. (2009). Known knowns, known unknowns, unknown unknowns and the propagation of scientific enquiry. *Journal of Experimental Botany*, 60(3), 712–714.

Опираясь на эти соображения, можно выделить три профиля новизны (незначительный, средний и значительный). Профили новизны отражают количество знаний, необходимых для превращения чего-то нового в нечто известное, предсказуемое и ожидаемое, рассматриваемое среди возможных случаев, управляемое и контролируемое. К этим профилям относятся типы устойчивости (табл. 1.2, столбец 3).

Абсорбционная устойчивость направлена на возмущения, которые демонстрируют низкий профиль новизны: они кратковременны и связаны с узким диапазоном хорошо известных внешних условий (Holling, 1973, стр. 1)²⁵⁷. Когда факторы хорошо определены в рамках имеющихся знаний (низкий профиль новизны), их можно легко понять и, как правило, даже указать в виде списка, и можно регулярно готовиться к ним, таким образом, изменения можно планировать и сдерживать. На индивидуальном уровне, примером неприятностей с низким профилем новизны является стресс, связанный с важным проектом; на организационном уровне - задержка сезонных продаж подарков из-за позднего сезона; на системном уровне - влияние экономического роста на региональные и национальные модели занятости.

Адаптационная устойчивость связана со средним профилем новизны факторов неблагоприятных обстоятельств, что означает, что они недостаточно известны, но могут быть либо поняты и сформулированы с использованием имеющихся знаний, либо потребуют уточнения или умеренного развития знаний. На языке компромисса между эксплуатацией и исследованием Джеймса Марча (1991)²⁵⁸, в случае адаптационной устойчивости, обучение происходит посредством использования существующих знаний. На индивидуальном уровне, примером может служить смена работы; на организационном уровне необходимость дифференциации нового продукта; а на системном уровне - поиск новых моделей регионального роста на основе умной специализации.

²⁵⁷ Holling C.S. (1973). Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*, 4(1), 1–23.

²⁵⁸ March J.G. (1991). Exploration and exploitation in organizational learning. *Organization Science*, 2(1), 71–87.

Таблица 1.3 Абсорбционная, адаптационная и трансформационная устойчивость

	Тип устойчивости	Способность и мера	Возмущения по новизне
	1	2	3
Аб.	Абсорбционный (отскок обратно) Способность быстро и эффективно вернуться в исходное состояние	Абсорбируемость = время возвращения	Слабая новизна = временная, низкий профиль
Ад.	Адаптационный (движение в пределах порога) Способность создавать буферную емкость, выдерживать возмущение и поддерживать функциональную работоспособность	Адаптируемость = ширина возможных изменений	Средняя новизна = стойкая, средний профиль
Тр.	Трансформационный Способность взаимодействовать с возмущениями и влиять на изменения системы	Трансформируемость = количество и влияние взаимодействий с движущими силами изменений	Значительная новизна = долговременная, широкий диапазон
	4	5	6
Аб.	Изменения	Стабильность	Ball-and-cup model Модель «шарик в чашке»
Ад.	Изменения во времени = мгновенный выход из стабильного состояния	Общая стабильность	<p>Единственная точка равновесия Устойчивость = возвращение к прежнему состоянию стабильности</p>
Тр.	Постоянные изменения режима функционирования в контексте стабилизации	Стабильность контекстных элементов, например Стабильная институциональная	<p>Множественные</p>

		среда	равновесия в одной области притяжения Устойчивость = держаться подальше от порога (оставаться в зоне притяжения)
	Глубокие изменения, требующие обновления	Значительные изменения в контекстных элементах, например, изменение институциональных настроек	<p>Изменение точки равновесия в меняющейся области притяжения Устойчивость = развитие вместе с системой</p>

Трансформационная устойчивость реагирует на факторы с базисным профилем новизны. Это сложные факторы, такие как «резкие сдвиги», «смена режима» или «критические переходы», и они связаны с различными возмущениями, которые обычно непредсказуемы и неожиданны (Folke et al., 2010)²⁵⁹. Опираясь на компромисс между эксплуатацией и исследованием Марча (1991)²⁶⁰, трансформационная устойчивость влечет за собой исследование новых знаний, потому что обучение охватывает все аспекты социальной сущности и влечет за собой приобретение решений, которые далеки от тех, которые строят стабильную систему реагирования. На индивидуальном уровне, примером может служить развод, который может бросить вызов внутреннему равновесию людей; на организационном уровне - изменение предпочтений клиентов; на системном уровне - Brexit.

Темпоральность

²⁵⁹ Folke C., Carpenter S.R., Walker B., Scheffer M., Chapin T., & Rockström J. (2010). Resilience thinking: integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and Society*, 15(4), 20.

²⁶⁰ March J.G. (1991). Exploration and exploitation in organizational learning. *Organization Science*, 2(1), 71–87.

Устойчивость проявляется только со временем. Таким образом, чтобы определить устойчивость, мы должны принять во внимание ее темпоральность (поведение во времени). Как сложный и динамичный процесс, устойчивость охватывает различные типы нелинейных взаимодействий между подэлементами, как внутренними, так и внешними. Более того, такие взаимодействия наполнены противоречивыми аспектами, связанными с адаптивным и упреждающим взглядами на устойчивость (Giustiniano et al., 2018, стр. 20)²⁶¹, что свидетельствует о важности подхода к феномену через процессуальную призму. Следовательно, устойчивость «воспринимается не как состояние бытия, предрасположенность или структурное свойство, а как процессуальная практика становления»²⁶².

Основываясь на работах Frigotto (2020) и Fisher et al. (2019)²⁶³, можно учитывать факторы возмущений, результаты устойчивости и механизмы устойчивости и размещать их на временной шкале.

Принимая во внимание хронологическое развертывание устойчивости, Фишер и др. (2019)²⁶⁴ разделили устойчивость на механизмы, которые возникают сразу после срабатывания факторов возмущений, и результаты, которые имеют место вслед за восстановлением после возмущений. Авторы также говорят о «факторах, способствующих устойчивости», которые представляют собой «характеристики и черты личности или окружающей среды, которые могут повысить вероятность успешной адаптации», а также

²⁶¹ Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). Elgar introduction to theories of organizational resilience. Edward Elgar Publishing.

²⁶² Feldman M.S., & Orlikowski W.J. (2011). Theorizing practice and practicing theory. *Organization Science*, 22(5), 1240–1253; Tsoukas H., & Chia R. (2002). An organizational becoming: Rethinking organizational change. *Organization Science*, 13(5), 567–582; Giustiniano L., Clegg S.R., Cunha M.P., & Rego A. (2018). Elgar introduction to theories of organizational resilience. Edward Elgar Publishing;

²⁶³ Frigotto M.L. (2020). Reframing resilience on novelty and change. In E. Powley, B. Caza, & A. Caza (Eds.), *Research handbook on organizational resilience* (pp. 53–69). Emerald Group Publishing Limited; Fisher D.M., Ragsdale J.M., & Fisher E.C. (2019). The importance of definitional and temporal issues in the study of resilience. *Applied Psychology*, 68, 583–620.

²⁶⁴ Fisher D.M., Ragsdale J.M., & Fisher E.C. (2019). The importance of definitional and temporal issues in the study of resilience. *Applied Psychology*, 68, 583–620.

уточняют, что они «служат ценными мишенями для мероприятий, направленных на повышение устойчивости» (см. Фишер и др. 2019, стр. 25)²⁶⁵. Они признают, что такие факторы влияют на механизмы устойчивости, в то время как возмущения вызывают ударные воздействия, однако они не учитывают свои собственные временные измерения. Признаем, что такие факторы также разворачиваются во времени, и что они создаются преднамеренно или просто существуют до того, как активируются механизмы устойчивости.

Эта форма устойчивости относится к «возможности корректировки моделей деятельности, чтобы справиться с будущими изменениями в типах событий, возможностей и пережитых потрясений»; поэтому она существует еще до того, как будет востребована в ответ на возмущения (Woods, 2019, стр. 53)²⁶⁶. Мы называем действия, которые происходят до появления факторов и которые поддерживают механизмы устойчивости, предвидение устойчивости. Таким образом, наше определение устойчивости темпорально и определяется следующим образом (рис. 1.3): предвидение устойчивости (до); механизмы устойчивости (во время) и результаты устойчивости (после).

Что касается «конечного состояния» (s2), при котором стабилизируется результат устойчивости, в литературе существуют две основные точки зрения (Дучек, 2020)²⁶⁷. В первом подходе утверждается, что объект является устойчивым, если он возвращается в исходное состояние; здесь акцент делается на восстановление стандартных показателей деятельности (Lengnick-Hall et al, 2011)²⁶⁸. Второй подход понимает под устойчивой сущностью ту, которая справилась, преуспела и достигла иного состояния; некоторые авторы

²⁶⁵ Fisher D.M., Ragsdale J.M., & Fisher E.C. (2019). The importance of definitional and temporal issues in the study of resilience. *Applied Psychology*, 68, 583–620.

²⁶⁶ Woods D.D. (2019). Essentials of resilience, revisited. In M. Ruth & S. Goessling-Reisemann (Eds.), *Handbook on resilience of socio-technical systems* (pp. 52–65). Edward Elgar Publishing.

²⁶⁷ Duchek S. (2020). Organizational resilience: A capability-based conceptualization. *Business Research*, 13, 215–246.

²⁶⁸ Lengnick-Hall C., Beck T., & Lengnick-Hall M. (2011). Developing a capacity for organizational resilience through strategic human resource management. *Human Resource Management Review*, 21(3), 243–255.

интерпретировали это как повышение уровня производительности²⁶⁹. Новое состояние позволяет устойчивому объекту «продвигаться вперед», то есть расти или становиться сильнее для будущих вызовов²⁷⁰. Некоторые авторы связывают устойчивость со стабильной или повышенной производительностью, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Другие связывают устойчивость с более нейтральной идеей эволюции, или более широкой концепцией развития на каком-то уровне. Например, для Вогуса и Сатклиффа (2007, с. 3418)²⁷¹, концепция организационной устойчивости влечет за собой «поддержание положительной адаптации к сложным условиям, так что организация выходит из таких условий более сильной и более изобретательной». Более того, устойчивость усиливает и подчеркивает способность систем сопротивляться, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, и, другими словами, может показаться, что она предполагает выживание. Тем не менее, простое выживание не влечет за собой устойчивости. Можно утверждать, что устойчивость корреспондируется с одной из этих трех основных ситуаций, когда система характеризуется как стабильностью, так и изменениями (рис. 1.2):

- (i) начальное и конечное состояния в условиях действия факторов неблагоприятной ситуации одинаковы;
- (ii) (ii) конечное состояние лучше, чем начальное состояние;
- (iii) (iii) конечное состояние хуже исходного (рис. 1.3).

²⁶⁹ Burnard K., & Bhamra R. (2011). Organisational resilience: Development of a conceptual framework for organisational responses. *International Journal of Production Research*, 49(18), 5581–5599; Hamel G., & Välikangas L. (2003). The quest for resilience. *Harvard Business Review*, 81(9), 52.

²⁷⁰ Giovannini E., Benczur P., Campolongo F., Cariboni J., & Manca A. (2020). Time for transformative resilience: The COVID-19 emergency (EUR 30179EN). Publications Office of the European Union. ISBN 978-92-76-18113-2.; Vogus T.J., & Sutcliffe K.M. (2007). Organizational resilience: Towards a theory and research agenda. 2007 IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics, SMC 2007 (pp. 3418–3422). [4414160] (Conference Proceedings: IEEE International Conference on Systems, Man and Cybernetics).

²⁷¹ Vogus T.J., & Sutcliffe K.M. (2007). Organizational resilience: Towards a theory and research agenda. 2007 IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics, SMC 2007 (pp. 3418–3422). [4414160] (Conference Proceedings: IEEE International Conference on Systems, Man and Cybernetics).

Хотя устойчивость имеет положительный оттенок, ее следует интерпретировать с точки зрения сохранения сущности, в сочетании с изменением, а не с точки зрения оценки состояния на основе других критериев, например, удовлетворенность работой (индивидуальный уровень), лидерство в бизнесе (организационный уровень) или экономическое или социальное благополучие (системный уровень).

Абсорбционная устойчивость реагирует на нарушения с низким профилем новизны, которые можно легко предвидеть, поэтому процессы прогнозирования устойчивости состоят в оценке рисков и составлении планов действий в чрезвычайных ситуациях. Таким образом, механизмы, задействованные в ответ на неблагоприятную ситуацию, можно изучить заранее, чтобы в период возникновения трудностей глубина падения была меньше, восстановление происходило быстрее, а результат устойчивости - включал в себя небольшие изменения, вытекающие из опыта и практики того, что известно в теории.

Адаптационная устойчивость связана со средней новизной профиля возмущений, с которым можно справиться, используя аспект относительности (заимствуя доступные знания у других) или ориентируясь на «известные неизвестные».

Механизмы устойчивости несколько ограничены с точки зрения поиска, реализации или включения новизны, но падение, как правило, невелико. Результат устойчивости отражает важные изменения, которые социальный объект осуществил, реагируя на возмущения, и которые сохраняются также в постфактум-фазе. Эти изменения могут устанавливать s_2 на различных уровнях, даже если разумно предположить, что обычно это не тот случай, когда $s_1 = s_2$.

Рис. 1.3 Временное измерение устойчивости

Трансформационная устойчивость связана с факторами базового профиля новизны возмущений, которые можно предвидеть только путем значительных усилий по устранению «неизвестных неизвестных». Механизмы, которые реагируют на возмущения очень трудно найти и внедрить, поэтому падение может быть очень глубоким. Результат устойчивости может существенно различаться, но включает в себя значительные изменения, которые могут привести к очень разным точкам зрения на рассматриваемую социальную сущность.

Масштаб устойчивости

Хотя в принципе ясно, что при анализе социальных объектов непросто понять, когда присутствуют одновременно изменение и стабильность, или при каких обстоятельствах изменение приводит к отказу от предыдущей сущности; так что либо разницу между прошлым и настоящим нельзя обнаружить, либо изменение вообще не происходило, и постоянство сущности имеет случайный характер.

Возьмем пример из организационной сферы: многие корпорации становятся банкротами в результате технологических и рыночных потрясений, и лишь немногим удастся просуществовать более полувека (Peters et al.,

1982)²⁷². Напротив, ряд предприятий смогли успешно адаптироваться, выйдя на новые рынки и приняв другие способы организации. Nokia стала знаковым примером устойчивости. В 1860-х гг. Nokia была целлюлозно-бумажной компанией. Постепенно кампания перешла на производство каучука и кабелей, затем в электронику (телевидение и ИКТ), а также на сетевые и мобильные технологии в 1990-х годах и в последнее время на потребительский рынок²⁷³.

Курикка и др (2018)²⁷⁴ считают Nokia регионально устойчивой, в то время как Nair et al. (2014)²⁷⁵ рассматривают как случай отсутствия устойчивости. Nokia претерпела огромные изменения на протяжении всего своего существования, и можно спорить о том, сохраняет ли она преемственность своей сущности. Более того, результаты этой оценки могут различаться, в зависимости от того, кто ее оценивает (члены компании — высшее руководство/сотрудники, акционеры, заинтересованные стороны, финское/глобальное общество) и на каком уровне (конкуренция в бизнесе, инновационность, общественная роль). Например, можно утверждать, что, несмотря на изменения с точки зрения бизнеса, Nokia по-прежнему вносит важный вклад в ВВП и рынок труда Финляндии. Случай с Nokia иллюстрирует сложность установления абсолютных, четких параметров для оценки устойчивости реальных организаций, отдельных лиц и социальных систем.

Как заявил Уокер и др. (2014, стр. 3)²⁷⁶: «Из-за возможности нескольких стабильных состояний при рассмотрении степени, в которой система может быть изменена, время возврата не измеряет все способы, которыми система

²⁷² Peters T.J., Waterman R.H., & Jones I. (1982). In search of excellence: Lessons from America's best-run companies. Harper Collins.

²⁷³ Borhanuddin B., & Iqbal A. (2016). Nokia: An historical case study. *Electronic Journal of Computer Science and Information Technology: Ejcist*, 6(1), 1–14.

²⁷⁴ Kurikka H., Kolehmainen J., & Sotarauta M. (2018). Constructing regional resilience in a knowledge economy crisis: The case of the Nokia-led ICT industry in Tampere. In P. Benneworth (Ed.) *Universities and regional economic development* (pp. 163–179). Routledge.

²⁷⁵ Nair H.A., Sri Ramalu S., & Kumar M. (2014). Impact of innovation capacity and anticipatory competence on organizational health: A resource-based study of Nokia, Motorola and Blackberry. *International Journal of Economic Research*, 11(2), 395–415.

²⁷⁶ Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., & Kinzig A. (2004). Resilience, adaptability and transformability in social–ecological systems. *Ecology and Society*, 9(2), 1–9.

может выйти из строя — постоянно или временно. — для сохранения основных функций».

Карпентер и др. (2001)²⁷⁷ утверждают, что устойчивость меняется в зависимости от временного, пространственного и социального масштаба, в котором производится измерение.

Во временном масштабе, в доисторические времена использование железных топоров способствовало возникновению сельскохозяйственной экономики, поскольку леса можно было легче и быстрее вырубать для создания полей. В этом смысле, использование железных топоров, в свое время, поддерживало устойчивость. Тем не менее, это также привело к бесплодию почвы, что свидетельствует о том, что устойчивость в одно время может быть достигнута за счет устойчивости в другие времена (Carpenter et al., 2001, p. 767)²⁷⁸.

В пространственном масштабе, устойчивость может иметь место сразу в одном месте и не иметь места в другом. Во время пандемии COVID-19 этот момент широко обсуждался, при обсуждении эффективности различных национальных стратегий. Рассмотрим две страны с потенциально схожей заболеваемостью: (лето 2020 г.) — Швецию и Норвегию. Швеция показала один из самых высоких уровней смертности в мире (4874 случая смерти), в то время как в соседней Норвегии было зарегистрировано 242 случая смерти (Lindeberg, 2020).

Наконец, утверждается, что в социальном масштабе устойчивость можно анализировать на трех основных социальных уровнях, т.е. человек (микро), организация (мезо) и система (макро) — и что устойчивые сущности (например, организации и общества) могут переводить или включать

²⁷⁷ Carpenter S., Walker B., Anderies J., & Abel N. (2001). From metaphor to measurement: Resilience of what to what? *Ecosystems*, 4, 765–781.

²⁷⁸ Carpenter S., Walker B., Anderies J., & Abel N. (2001). From metaphor to measurement: Resilience of what to what? *Ecosystems*, 4, 765–781.

устойчивость с одного уровня на другой (Kayes, 2015, стр. 16)²⁷⁹. Джованнини и др. (2020, с. 7)²⁸⁰ утверждают, что устойчивое общество — это общество, в котором люди устойчивы, и общественное вмешательство должно укреплять и дополнять людей; хотя социальная устойчивость не является суммой индивидуальной устойчивости людей, социальные связи, возможности и институты на уровне локальных сообществ играют определенную роль. Напротив, Карпентер и его коллеги (2001)²⁸¹ подчеркивают, что эти уровни не влекут за собой согласованности друг с другом, поскольку более мелкие системы вложены в более крупные системы, и в результате - они совместно развиваются и взаимодействуют нелинейным и непредсказуемым образом (Уокер и др., 2004 г.)²⁸², показывая, что микро-макро-отношения уровней устойчивости сложны. Таким образом, при оценке устойчивости всегда необходимо указывать на масштаб анализа – временной, пространственный, или социальный имеется в виду.

1. Жизнеспособность и устойчивость общества и государства

2.1 Парадигма российской государственности

«Принцип *imperium*, проявившийся даже
еще и в республиканском Риме, отражал
волю к осуществлению на земле порядка и
космической гармонии, вечно находящихся
под угрозой»²⁸³
Ален де Бенуа

²⁷⁹ Kayes, D. C. (2015). *Organizational resilience: How learning sustains organizations in crisis, disaster, and breakdown*. Oxford University Press.

²⁸⁰ Giovannini E., Benczur P., Campolongo F., Cariboni J., & Manca A. (2020). *Time for transformative resilience: The COVID-19 emergency* (EUR 30179EN). Publications Office of the European Union. ISBN 978-92-76-18113-2.

²⁸¹ Carpenter S., Walker B., Anderies J., & Abel N. (2001). From metaphor to measurement: Resilience of what to what? *Ecosystems*, 4, 765–781.

²⁸² Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., & Kinzig A. (2004). Resilience, adaptability and transformability in social–ecological systems. *Ecology and Society*, 9(2), 1–9.

²⁸³ Бенуа А. де Идея империи. С. 447 / Против либерализма: (к Четвертой политической теории) / [пер. с фр.; предисл. А. Дугина]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. 476 с.

«Россия никогда не была единосоставным простым народным массивом и никогда не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве, государством пространственной и бытовой дифференциации и в то же время – духовного единения»²⁸⁴

И.А. Ильин

Российское государство является носителем одной из самых больших локальных цивилизаций, имеющих все необходимые для этого атрибуты. Представляя собой большие социальные системы, такого рода государства могут развиваться, деградировать, или вовсе исчезать с политической карты мира. В основе целостности и длительного существования государства и его цивилизации, как продукта культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс) лежит концепт «жизнеспособность», определяющий всю систему процессов и явлений, необходимых для постоянного воспроизводства целостности и цивилизационной идентичности государства, как социальной системы, существующей в «большом историческом времени»²⁸⁵.

Жизнеспособность Российской Федерации, как самой крупной целостности, непосредственно связана с русской культурой, важнейшей цивилизационной системой. Как большая и устойчивая (долговременная) система, Россия как цивилизация собрала «на общей мировоззренческой и социальной матрице большое число культурных и этнических общностей вокруг общего (системообразующего) ядра — русского народа и русской культуры».

Понять современность нельзя без обращения к опыту прошлых поколений. Крушение советского государства повлекло массу негативных последствий: потеря нравственных ориентиров, разрушение прежней хозяйственной системы (при том, что существующая экономика живет, по

²⁸⁴ Ильин И.А. Наши задачи (сб. ст. 1948–1954). Париж, 1956. С. 148–149.

²⁸⁵ Кара-Мурза С.Г. Жизнеспособность России как цивилизации // Критерии успешности страны, цивилизации, человечества: матер. постоянно действующего научного семинара: матер. конф. Вып. № 8. М.: Научный эксперт, 2010. С. 5-39. С. 104 с.

существованию, во многом за счет ресурсов советского наследия), ослабление геополитических позиций, обострение межэтнических конфликтов и др. Одним из важнейших последствий краха советского государства стала неопределенность относительно оптимальной модели государственного устройства России. Советский Союз был государством имперского типа, не вполне понятно по какому пути следует развитие Российской Федерации, т.е. сегодня существует проблема имперской (постимперской) идентичности, и оценки возможностей существования других форм общественного самосознания в России.

Если отречься от имперского прошлого, значит речь идет о строительстве национального государства. Однако, национальное государство, — это вполне определенная модель государственного устройства, функционирующая согласно определенным закономерностям. Она имеет ряд неотчуждаемых признаков, в т.ч. два ключевых - верховенство права и конструирование идентичности, посредством общенациональной культуры. При отсутствии таковых, о нации как о чем-то реально существующем говорить не приходится.

Для того, чтобы нечто строить, нужно понимать, что мы строим. Российская государственность находится в неопределенном состоянии. Россия уже, без всякого сомнения, не империя. Но она не является и национальным государством. Россия стоит перед выбором.

Развитие государства предполагает наличие некой стратегии. Отсутствие стратегического мышления и, как следствие, продуманного сценария действий неизбежно ведет в лучшем случае к стагнации, в худшем к деградации.

Существуют два основных варианта развития России: 1. Построение национального государства; 2. Возвращение к идее построения империи (государства импероподобного типа).

Вместо термина «империя» в научной литературе можно встретить иные словосочетания: «региональная интеграция»²⁸⁶, «интегративное государство» (И.К. Пантин), «государство-цивилизация»²⁸⁷, «союзное государство», «союз».

Воссоединение Крыма с Россией и реакция на это так называемого «международного сообщества» показали, что Запад опасается усиления Российского государства, восстановления единого пространства Русского мира (русской цивилизации). В этой связи, актуален вопрос о необходимости выбора такой парадигмы (модели) развития, которая обеспечила бы должное развитие в социально-экономической сфере, наряду с параллельным сохранением и дальнейшим раскрытием духовно-нравственного потенциала русского, и других народов России, на основе обращения к традиционным ценностям и многонациональной, прежде всего, русской, культуры. Утрата ценностных ориентиров, задающих направление и объясняющих смысл социальной и индивидуальной жизни российского человека, лишает общество и государство осмысленной перспективы.

В этом контексте, актуально обращение исследователей к концепту «империя», способствующее не только самоописанию российского прошлого, или характеристики настоящего, но и представляющее интерес для проектирования будущего России. Например, позиция профессора Ю.М. Осипова состоит в том, что «... не империей такая страна быть просто не может, потому что не страна это, а целый мир: сложный, разнообразный ... Здесь все супер, все сверх – что территория, что народонаселение, что общество, что цивилизация, что государство»²⁸⁸.

Всестороннее обоснование имперIALности России было дано в коллективной монографии «Империя Россия» (2005), в которой показано, что

²⁸⁶ Неклесса А.И. Северная Ромея. Рассуждения о русской идентичности // URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15812-severnaya-romeya-rassuzhdenie-o-russkoy-identichnosti.html

²⁸⁷ Спиридонова В.И. Государство-цивилизация как вариант поиска самоидентификации современного российского общества // Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М., 2016.

²⁸⁸ Осипов Ю.М. Империя Россия // Философия хозяйства. 2005. № 6. С. 247–248.

Россия — совсем не империя римского или британского типа, не колониальная империя европейского ряда, не вечная китайская (азиатская) империя, и не похожа на современную американскую (якобы, «либеральную») глобалистскую империю.

Т.е. «имперскость» трактуется как неотъемлемый атрибут российского бытия, означающий быть большим Миром, который строится на сосуществовании рядом друг с другом иных, отличных, но сопрягающихся внутри государства миров. Речь идет не о возвращении к прежней имперской форме государственного устройства, а о разумном соотношении имперской парадигмы развития и российской государственности, о трансформации имперской модели, с учетом современных вызовов и условий. текущего столетия.

В России - РФ — есть доминационный имперский центр и управляемая им внутривосточная провинция, в значительной части своей разнородная, где нет метрополии с колониями, господствующего имперского этноса, особой имперской части социума. Имперскость России не в господстве кого-чего-либо имперского над кем-чем-либо субимперским (колониальным), а в самой организации разнообразного российского социума. Российская имперскость базируется на принципах как властной централизации, так и гражданского служения общему интересу, определяемому государственно, оправдываемому традицией и подкрепляемому общественно-национальным согласием.

Имперскость России определяется подсознанием (сверхсознанием) российского населения, имеющим инстинктивный, архетипический характер. В особенности это свойственно русскому народу, по большей части, бескорыстно служащему империи, принимая на себя и возлагаемое на него имперские тяготы. Для русского, империя — гаситель хаоса и гарант бытия. Для русского человека, империя — добро и тяжелая ноша, требующая самоотверженного труда, воинского долга, особой имперской жертвенности. Без своей имперской Родины не представляют свою жизнь русские люди. И крах Российской империи, и крах СССР не привели к краху российской

империальности, и несмотря на российскую действительность 1990-х гг., имманентная органическая имперскость России стала возрождаться в 2000-е. Недаром, даже противники идеи имперскости Российского государства признают, что Русь, Московия и Россия на протяжении своей более чем тысячелетней истории демонстрировали исключительную способность реагировать на возникающие вызовы. Продуктом таких реакций, во многом, и стала имперская сущность русского государства и имперские синдромы русского общества»²⁸⁹.

Главным признаком имперскости, как считает российский историк А.И. Фурсов, является наличие «высокоцентрализованной высокоинституционализированной наднациональной структуры»²⁹⁰. Мы будем понимать под «империей» - «высокоцентрализованное государство, организующее, посредством универсальных идей и норм, большие пространства, населенные народами с различной культурой»²⁹¹.

По всей видимости, именно имперскую парадигму следует положить в основу решения проблемы жизнеспособности и устойчивого существования в истории российской государственности и цивилизационных устоев. Вместе с тем следует подчеркнуть, что имперская идеология будет способствовать устойчивости и жизнеспособности Российского государства только в том случае, «если, не меняя своего ядра, базового идеала, она меняется со временем, развивая отдельные идеи и дополняя или отрицая те или иные положения в соответствии с изменениями в политической ситуации и идейно-духовной сфере жизни»²⁹².

²⁸⁹ Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 329. 407 с.

²⁹⁰ Фурсов А.И. Будущее российской цивилизации: Нация? Цивилизация? Иное? // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6.

URL: <http://www.pu.virmk.ru/aktual/MNENIE/authors/fursov.htm>

²⁹¹ Угрин И.М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2017. 106 с. С. 16.

²⁹² Угрин И.М. Там же.

Проблема современной геополитической стратегии Российского государства в контексте мировых геостратегических сценариев²⁹³

Современный мир претерпел значительные изменения по отношению к первой половине XX века, когда было сформировано традиционное представление о геостратегии. Рассмотрение геополитической карты как противостояние суши и моря, во многом, утратило актуальность. В качестве фундамента геостратегии сегодня целесообразно рассматривать не два, а три базовых типа держав — суша, море и сеть, а также три типа борьбы — вооруженная, торгово-экономическая и психоисторическая.

Планета стала слишком тесной, а достижение успеха в долгосрочной перспективе невозможно без умения бороться с конкурентами за место под солнцем. Для чего уже недостаточно проявлять черты державы только одного типа (суша, море, сеть), необходимо овладеть ресурсами и умением для борьбы на трех фронтах, именно это искусство позволит стать геостратегическим игроком и субъектом.

Традиционный взгляд на геостратегию в качестве определяющих факторов рассматривал географию, климат и ресурсы, в XXI веке необходимо учитывать динамичное влияние развития науки и технологий, а также культурный и психоисторический фактор.

Геостратегия работает с тремя масштабами задач, каждый из которых характеризуется своими: субъектом, инструментом/выгодополучателем и объектом. Так, в качестве выгодополучателя могут выступать правящий слой (элита или революционная группа, захватившая власть), этническая система и панрегион.

Акторы: исторические личности (государственные деятели), властная элита, этнические системы

Мы живем в динамичное время, причем в ближайшие годы будут наблюдаться процесс распада ранее единого глобального мира на панрегионы.

²⁹³ См.: Школьников А.Ю. Национальные стратегии: геостратегический взгляд на будущее мира и России. СПб.: Corvus, 2020. С. 526-543. 544 с.

И если во главе большого региона не окажется геополитического игрока, т.е. субъекта, способного и готового, одновременно, вести вооруженную, торгово-экономическую и психоисторическую войну, то долго такой панрегион не может продержаться.

При этом, в общечеловеческом плане, именно борьба на психоисторическом направлении будет наиболее важной, ведь экономический и военный успех можно повторить, а уникальные смыслы обеспечивают многообразие человечества, обуславливая его развитие как целого.

Наряду с представлениями о типах держав, видах войн и психоисторических смыслах, важнейшим камнем в фундаменте геостратегии лежит, так называемая, пассионарность. Классические представления Л.Н. Гумилева о пассионарности сегодня могут рассматриваться в качестве основного элемента изменения этнической системы, в разрезе личностных черт и качеств пассионариев, связи уровня пассионарности с местом личности в истории, влиянии пассионариев на общество и элиту и пр. Особое место занимает наличие пассионариев в элите, что важно в контексте резкого падения уровня пассионарности в современном мире.

При рассмотрении основных принципов геостратегии, необходимо учитывать процессы формирования и легитимации верховной власти в государствах, в зависимости от преобладающих, в той или иной этнической системе, психоисторических смыслов.

Мировые геостратегические сценарии

Окружающий нас мир сегодня находится в сложносоставном кризисе, что связано с проведением безответственной политики и чередой допущенных ошибок, и в итоге, накоплению структурных проблем и невозможности исправить ситуацию консервативными методами. Сохраняются шансы на реализацию катастрофичных сценариев — глобальная катастрофа и нашествие неоварваров. Мир был близок к провалу в 2014 и 2016 годах, однако, с тех пор вероятность такого развития событий снижается. Сохранение существующего порядка глобализма, построенного на праволиберальных принципах,

практически маловероятно, поскольку раскол в мировой элите между бывшими союзниками — промышленными элитами США и Фининтерном (глобалисты правого толка) — перешел в непримиримую стадию войны на уничтожение.

Выход из текущего состояния миропорядка, в новые геополитические и геостратегические аттракторы, скорее всего может проходить по одному из возможных базовых сценариев. Наиболее вероятным является сценарий распада мира на большие регионы/панрегионы, один из которых сможет сформировать Россия. В качестве лидеров потенциальных панрегионов выступают США, Китай, Континентальная Европа, Британия, Исламский мир, Индия, Фининтерн, Иудейский проект и Латинская Америка. Правда, далеко не у всех из них есть значительные шансы на положительный результат. Оформление распада мира на панрегионы может начаться уже к середине 2020-х гг., а в случае начала гражданской войны в США даже раньше. Дальнейший путь трансформации миропорядка имеет свои варианты преобразования, к наиболее вероятным относится сценарий перехода многополярного мира панрегионов в достаточно устойчивый двух(трех)полярный мир.

Последующие десятилетия будут значительно отличаться от привычной нам эпохи, ожидаемый переход в шестой технологический уклад (аддитивные технологии, роботизация, замкнутый ядерный цикл и др.) внесет свои коррективы. Причем, тот, кто первым перейдет на новый технологический уклад, тот получит преимущества и выиграет в соревновании первой половины XXI века.

Вторая половина века связана с угрозами трансгуманизма, межвидовых войн, геоклиматических катастроф, вызовами освоения космоса. Конец XXI в. будет сопровождаться переходом в седьмой технологический уклад (биотехнологии, искусственное мышление и т. д.).

О стратегических решениях Российского государства

Наиболее вероятный распад глобального мира на панрегионы открывает перед Россией новые возможности и дает нам шанс на будущее развитие. В

настоящее время Россия поставлена перед выбором, по какому пути следует идти дальше.

Инерционный сценарий связан с реализацией стратегии борьбы за европейское наследие «Москва - Третий Рим», смысл которой в сохранении европейской ориентации, позиционирование себя, в условиях деградации западной Европы, большими европейцами, чем они сами. По сути, данный путь развития является стратегией прошлого. Вместо перехода в шестой технологический (трансиндустриальный) уклад, Россия будет заниматься развитием и углублением элементов пятого (постиндустриального) уклада на основе информационных технологий. Однако, стратегия «Третий Рим» допустима лишь на ближайшие 20–25 лет, и не гарантирует России место в числе мировых победителей, оставляя лишь надежду на ошибки и слабость конкурентов.

Вторым базовым сценарием выхода России из текущего состояния является «Левый поворот», смысл которого заключается в переходе к государственному капитализму, национализации крупного и среднего бизнеса и ликвидации основных либеральных перегибов. Данный путь потребует сильной воли правящей группы страны и может привести общество к гражданской войне.

При этом, российские исследователи считают наиболее вероятным выбор российской правящей группой (элитой), и принятых обществом трех условных проектов движения России в будущее:

- «СССР-2» — построение посткапиталистического общества, что потребует разработки новой экономической теории, формирования команды, способной к ее практической реализации, и создает реальные угрозы гражданской войны;

- «Новая Орда» — создание в союзе с Китаем континентальной империи, наследующей государству Чингисхана, при значительных рисках оказаться в роли вассала Китая и утратить собственные психоисторические смыслы;

■ «Царица морей» — это проект построения панрегиона в союзе со странами анти-Китая (Япония, Корея, Вьетнам, Филиппины). В рамках этой стратегии может быть осуществлен перенос столицы на юг Сибири, создание на Дальнем Востоке промышленных районов со значительным населением, значительное развитие торгово-морской компоненты державы. Хотя данный проект представляется наиболее перспективным, есть существенный минус — у России нет общих психоисторических смыслов со странами анти-Китая, а общие экономические интересы и вопросы безопасности не способны обеспечить прочный союз на несколько поколений вперед.

В качестве альтернативы проекта «Царицы морей» или параллельно с ним может развиваться стратегическая инициатива с условным названием «Новый ковчег». Суть этой стратегии — объединение усилий государств и народов («Наследников Авраама»), представителей трех авраамических ветвей, в частности, православия, шиитской направления мусульманства и иудейской религии. В основе психоисторического смысла такого союза будут лежать цивилизационные библейские начала, взаимное уважение народов – носителей объединяющей идеи, обособление «Нового ковчега» от стихий иных частей мира.

Необходимо подчеркнуть, что представленные выше сценарии и стратегические направления движения России являются только предварительными эскизами, не претендующими на истинность. Согласно Преамбуле действующей Конституции Российской Федерации, «многонациональный народ» принимает данный Основной закон «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями»²⁹⁴. Отсюда, всегда будет оставаться актуальной разработка и корректировка правящим классом и научным сообществом страны приемлемого для большинства населения стратегического курса,

²⁹⁴ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

обеспечивающее синергию психоисторического смысла и социально-экономической эффективности выбранного пути исторического развития, не просто на ближайшие несколько лет, а на многие поколения вперед, что будет обеспечивать жизнеспособность и устойчивость Российского государства.

2.2 Жизнеспособность и устойчивость современного государства: паттерны публично-правового управления и регулирования

За свою тысячелетнюю историю, российское государство распадалось четыре раза, причем, неизменно, в результате нарастания неразрешимых противоречий и конфликтов в системе управления государством. Как пишет В. Ключевский, первые киевские князья «механически сцепили Русскую землю» в одно политическое целое, однако, в XI в. Киевская Русь разделилась на удельные княжества. Через 600 лет, в ходе Великой Смуты конца XVI – начала XVII в. рухнуло Московское царство. Спустя 300 лет, в начале XX в. потерпела крах Российская империя, а в конце века, всего через 74 года, произошло разрушение Советского Союза²⁹⁵.

В Преамбуле действующего Основного закона закреплены конституционные положения, обязывающие публичную власть и многонациональный народ РФ обеспечивать «суверенную государственность России», «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями». Продолжение долгосрочного исторического существования российской многоэтнической нации и государства, поддержание устойчивости и жизнеспособности социума, преодоление внешних и внутренних угроз, составляют основополагающую конституционную предпосылку организации жизнедеятельности и развития

²⁹⁵ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Политиздат, 1956 Т. 3. Ч. 3. 426 с.; Кокурина О.Ю. Жизнеспособность и устойчивость социально-политических систем: основания политико-правовой модели государства // Докл. IV Съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов»: «Конституционные процессы и устойчивость политических систем: от теорий к национальным моделям». М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 22-23 декабря 2020 г.

современной России, во всем ее доставшемся от предков цивилизационном многообразии.

Отсюда следует, что политика государственного и социального управления должна быть направлена на повышение жизнеспособности государства, призванной обеспечить устойчивое суверенное существование России в современном мире, создавая для будущих поколений реальные возможности жить и развиваться в своей стране. Основу жизнеспособности государства образует его потенциал, как совокупность духовно-нравственных, правовых, социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов, и степень вовлечения этих ресурсов в процессы устойчивого функционирования и развития.

В свое время, выдающийся русско-американский мыслитель Питирим Сорокин обращал внимание мира на огромную жизнеспособность русской (российской) нации, присущие ей особые черты - тысячелетнее существование, замечательное упорство, «дух самопожертвования во имя благополучия народа и сохранения культурных ценностей, дух, засвидетельствованный бесстрашием и мужеством, бескорыстной преданностью, стойкостью и выносливостью»²⁹⁶.

Особенностью современного постиндустриального цивилизационного уклада является существенное изменение правил социальной организации, связанное с радикальным повышением сложности, разнообразия и динамизма социальных процессов и институтов в сфере труда, управления и досуга²⁹⁷. В условиях роста социального многообразия и сложности социального мира, возникают проблемы обеспечения жизнеспособности²⁹⁸ современного государства («публичного общения людей» по формуле Аристотеля) и устойчивости общественных систем, решение которых выдвигает на первый план необходимость повышения состоятельности системы политико-правового

²⁹⁶ Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. С. 331.

²⁹⁷ См.: Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

²⁹⁸ Жизнеспособность — способность государства, общества, человека, существовать во времени и устойчиво развиваться при реализации своих основных функций. См.: Национальная идея России. В 6 т. Т. VI. М.: Научный эксперт, 2012. С. 4284.

и социального управления. На первичность социальной устойчивости Российской Федерации, как условия всестороннего развития страны и сохранения Россией статуса великой державы, указано в президентском Послании Федеральному Собранию 2020 года²⁹⁹.

Жизнеспособность и устойчивость государства непосредственно связана с устойчивостью процессов публично-правового управления и регулирования, которые осуществляются на основе анализа поступающей от объектов управления информации, при использовании положений самых разных отраслей знания, таких как юриспруденция, философия, история, политология, социология, экономика, психология и другие общественные науки. Созданная за более чем 300 лет трудами великих философов, Гоббса, Локка, Монтескье, Руссо, наука государственного управления и права, уточненная впоследствии первыми конституционалистами Джефферсоном, Мэдисоном и др., привела к утверждению на долгие годы механистического, нецелостного представления о государстве, как социальном объекте. Современное понимание государства как сложной социальной системы позволяет утверждать, что его устойчивость базируется на обеспечении системного гомеостазиса, как стабилизирующего динамичного механизма разрешения возникающих в социуме противоречий, связанных с угрозой потери контроля за процессами публичного управления и правового регулирования.

Рассматривая гомеостазис больших систем с юридических позиций, Н.В. Витрук и др. определяли это понятие как социально-правовой механизм, который обеспечивает стабилизацию и сохранение уровня системной устойчивости, в условиях действия на них многих возмущающих и дестабилизирующих факторов³⁰⁰. Понятие «устойчивость» (резильентность) означает при этом не столько способность государства и общества не допускать

²⁹⁹ Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // «Российская газета». № 7. 2020, 16 января.

³⁰⁰ Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 158.; Правовая кибернетика социалистических стран / под ред. Н.С. Полевого. М.: Юрид. лит., 1987. С. 57—59.

вовсе кризисных ситуаций и бедствий, сколько способность переживать возникающие трудности с наименьшим ущербом для управленческой способности государства, его жизнеспособности³⁰¹. Известные истории «несостоявшихся государств» (failed state) наглядно показывают, что современное государство будет жизнеспособным только при наличии в нем эффективно функционирующей системы публичного управления и административно-правового регулирования.

Публичное управление является разновидностью социального управления, обеспечивающего организацию социальных отношений и процессов, придающего общественной системе должную согласованность действий, необходимую упорядоченность, устойчивость и стабильность. Социальное управление, наряду с правовым регулированием общественной деятельности людей, неразрывно связаны с публичной властью, представляющую собой регламентированную форму социальных отношений, отличающуюся способностью воздействовать на проявления деятельности и поведения людей, социальных групп и общества, в целом.

Г.В. Атаманчук выделяет три необходимых свойства публичного управления: - воздействие опирается на силу публичной власти; - всеобщность (публичное управление распространяется на управления на все общество); - системность³⁰². Важным аспектом обеспечения устойчивости правового государства как важнейшей интегральной цели публичного управления становятся взаимоотношения между государством и правом, заложенные в природе организационных процессов регулирования и управления. Как следует из работ Г.В. Мальцева, управленческие и регулятивные воздействия являются близкими, часто перекрывающимися друг друга явлениями, однако, их природа различна. Управление (в том числе, публичное/государственное управление)

³⁰¹ Понкин И.В. Теория публичного управления: Учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Предисловие д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Буки Веди, 2017. С. 674.

³⁰² Атаманчук Г.В. Обеспечение рациональности государственного управления. М.: Юрид. литература, 1990. С. 35-39.

предполагает наличие заданной цели, т.е. имеет телеологическую природу, в то время как регулирующие воздействия публичного/административного права осуществляются в соответствии с предустановленными нормами, т.е. публичное регулирование имеет нормативную природу. Другими словами, административно-правовое регулирование – это феномен юридического характера, а публичное управление - есть феномен политический³⁰³.

Осуществление публичной власти опирается на инструменты публичного управления, как телеологического процесса, и предписаний публично-правового регулирования, имеющего нормативный характер воздействия на участников общественных отношений: управленческие и регулятивные воздействия развивают общественную систему в выбранном направлении, поддерживают и оптимизируют системные характеристики, производят согласованные упорядочивающие эффекты³⁰⁴.

В этом контексте, следуя авторитетному мнению Ю.Е. Аврутина, под публичным управлением будем понимать организационно-правовую форму осуществления государственной и местной – публичной власти³⁰⁵, представляющую собой нормотворческую, распорядительную, контрольную, организационную и иную целенаправленную деятельность³⁰⁶. В свою очередь, кооперированное с публичным управлением, публично-правовое регулирование можно определить как осуществляемое публичной властью и обществом упорядочение общественных процессов посредством сознательного

³⁰³ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 28-30.; Аврутин Ю.Е. О парадоксах парадигмы публичного управления в теории государственного управления и в административном праве // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по матер. ежегодной Всеросс. научно-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 года: в 3-х т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. Т. I. С. 10-30.

³⁰⁴ Мальцев Г.В. Социальные основания права. С. 29-31.

³⁰⁵ Аврутин А.Е. О парадигме государственного управления в контексте модернизации российского административного права / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по матер. ежегодной Всеросс. научно-практ. конф. (Сорокинские чтения), посвящённой 70-летию д.ю.н., проф. Аврутина Ю.Е., 24 марта 2017 г.: в 3-х ч. / под ред. д.ю.н. Ю.Е. Аврутина, д.ю.н. А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. Ч. I. С. 32-47.

³⁰⁶ Чиркин В.Е. Публичное управление: учебник. М.: «Юристъ», 2004. С. 41.

их подчинения установленным нормам и правилам³⁰⁷. Можно согласиться с Р.З. Усмановой в том, что «публичное управление является формой проявления публичной власти, а публичное регулирование в свою очередь функцией публичного управления и средством публичной власти»³⁰⁸.

Заметим здесь, что доктринальное обоснование существования в юридической науке и практике категорий «публичное управление» и «публичная власть» (отнесенных некоторыми видными юристами к проявлениям логократии³⁰⁹) нашло, наконец, официальное подкрепление в (выделенной курсивом) правовой конструкции обновленной Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 132): «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в *единую систему публичной власти*»³¹⁰. При этом, как подчеркнул А.Н. Чертков, в систему публичной власти входит и «общественная власть или власть гражданского общества, включая постоянно функционирующие, структурированные общественные объединения начиная с политических партий, иных объединений и движений»³¹¹. Общественная власть, прежде всего, реализуется многонациональным народом России посредством форм прямого волеизъявления; осуществляется в процессах самоорганизации граждан, оказывая воздействие на органы публичной власти, на общественно-политическую ситуацию; организационное влияние на

³⁰⁷ Мальцев Г.В. Социальные основания права. С. 17.

³⁰⁸ Усманова Р.З. О соотношении понятий «публичное регулирование», «публичное управление» и «публичная власть» // «Общество: политика, экономика, право». 2011. № 3. С. 140.

³⁰⁹ См., например: Атаманчук Г.В. Внутренние источники и факторы государственно-управленческих кризисов в России // Право и управление. XXI ВЕК. 2014. № 4 (33). С. 25-32.; Аврутин Ю.Е. О парадоксах парадигмы публичного управления в теории государственного управления и в административном праве.

³¹⁰ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020» // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>

³¹¹ Чертков А.Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19-23. Известна и иная точка зрения: «народ не входит в систему публичной власти, а находится над этой системой». См.: Упоров И.В., Шеуджен Н.А., Татлок А.К. Публичная власть: толкование и понятие (государственно-правовой аспект) // «Право и практика». 2021. № 2. С. 5-10.

решения, принимаемые компетентными государственными и муниципальными органами³¹².

В науке об управлении в сложных динамических системах, жизнеспособная система – это система, способная достаточно долго сохранять и поддерживать самостоятельное существование³¹³. Принцип жизнеспособности можно рассматривать в качестве обобщенного критерия потенциальных возможностей государства в осуществлении надлежащего публичного управления и регулирования общественных процессов, обеспечивая длительное суверенное устойчивое существование государственного образования, адаптируясь к динамическим изменениям среды, адекватно разрешая проблемные и кризисные ситуации, возникающие вследствие внутренних и внешних угроз общественному развитию.

В рамках системной парадигмы, рассматривая, общество как сложную социальную систему, включающую государственную (под)систему публичного управления и регулирования, необходимо учитывать существование ряда объективных закономерностей и принципиальных ограничений на используемые стратегические и тактические инструменты, на формы и силу управленческих и регулятивных воздействий, призванных обеспечить жизнеспособность и долгосрочную устойчивость государства к динамическим социальным изменениям и деструктивным кризисным явлениям. Будет уместно привести здесь определение Л.Г. Гринина: государство есть особая достаточно устойчивая политическая единица, представляющая «организацию власти и администрирования, и претендующая на верховное право управлять (требовать

³¹² Современные проблемы организации публичной власти: Монография / Рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014.; *Филиппова А.В.* Конституционные поправки о местном самоуправлении: анализ проекта и проблемы правоприменения // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 27-31.

³¹³ *Espejo R.* The VSM revisited / *Espejo R., Harnden R.J.* (eds.) *The Viable System Model: Interpretations and Applications of Stafford Beer's VSM.* Chichester: Wiley, 1989. P. 77-100.

выполнения действий) определенными территорией и населением ... имеющая силы и средства для осуществления своих претензий»³¹⁴.

Согласно Г.В. Атаманчуку, проблема устойчивости государства непосредственно связана с устойчивостью государственного (публичного) управления, что требует «прорыва традиционных подходов» и признания «системы государственного управления в качестве *органической системы*, составные части и элементы которой многообразны и способны к непрерывному саморазвитию»³¹⁵.

Подобный взгляд на концепцию публичного управления в целях обеспечения устойчивости государства корреспондирует с теоретическим вкладом немецкой философской классики, связанным с концептуализацией, взятой во всей ее сложности, общественной жизни на основе организмических представлений³¹⁶. При этом, в историческом процессе, государства складываются как многоуровневые образования, которые возникают и управляются изнутри по законам организма. Понятие *органической целостности* (Die Totalitat) является синонимом общественного организма, являющегося причиной себя самого, его отличительная особенность состоит в том, что организм, в отличие от многих других сложных систем, обладает способностью к самоорганизации, воспроизводству самого себя и подобных себе систем. Т.е. устойчивость, являющегося органичным целым, общественного организма определяется, прежде всего, процессами управления, самоорганизации, самообновления и самовоспроизводства. Согласно урокам организмической теории, в устойчивой социально-политической системе возникают и наличествуют только такие социальные институты и структуры, которые способны к самовоспроизводству и саморазвитию. К важнейшим

³¹⁴ Гринин Л.Е. Формации и цивилизации: социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории // Философия и общество. 1997. № 5. С. 16-17.

³¹⁵ Атаманчук Г.В. Проблемы управления и управляемости в обществе: Избранное. М.: Изд-во РАГС, 2011. С. 213.

³¹⁶ См.: Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. Р. н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. С. 3-4.

структурам, определяющим жизнеспособность и устойчивость государства относятся институты публичной власти и система публичного управления.

Следует подчеркнуть, что современная наука государственного управления не дает четкого определения понятию «устойчивость» (sustainability), смысл которого применительно к государству отражают разнообразные термины русского (английского) языка, такие как «резистентность» (resistance), «резильентность» (resilience), «стабильность» (stability), «уравновешенность» (steadiness) и др. Схожие по смыслу понятия включают «жизнеспособность» (viability), «живучесть» (survivability), «антихрупкость» (anti-fragility).

В толковом словаре В.И. Даля, «устойчивость» интерпретируется косвенным образом, используя прилагательное «устойчивый» - стойкий, крепкий, твердый, не шаткий. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкует «устойчивость» как способность сохранять устойчивое положение, несмотря на действие различных сил. В философии, категория «устойчивость» трактуется как отсутствие «изменений», пребывание в одном состоянии, некоторое постоянство. В социологических науках, по большей части, под устойчивостью системы понимается гомеостазис - свойство системы возвращаться в исходное состояние (после прекращения возмущающего воздействия) или способность адаптироваться к меняющимся условиям существования системы³¹⁷.

Неопределенность русскоязычного термина «устойчивость» усиливает тот факт, что к данному понятию трудно подобрать соответствующую по семантике терминологию английского языка. В литературе используются такие его аналоги как stability (устойчивость, стабильность, равновесие, прочность),

³¹⁷ См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: ТЕРРА, 1994.; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1997.; *Философский энциклопедический словарь.* М.: ИНФРА-М, 1998.; *Социологический энциклопедический словарь.* На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. М.: Изд. группа «ИНФРА-М-НОРМА», 1998.

resilience (упругость, эластичность, способность к восстановлению), sustainability (устойчивость, стабильность) и др.³¹⁸.

Следует отметить и амбивалентность в толковании «устойчивости», проявляющуюся в двояком понимании и применении данного термина. Так, устойчивость как свойство, зависящее от внутренних качеств и внешних условий, рассматривается в теории систем, авиации, мореплавании, в таких науках как биология, социология и др. С другой стороны, в философии, экономике, теории автоматического управления, устойчивость отражает состояние изучаемого объекта. Таким образом, устойчивость характеризуется определенным дуализмом, проявляясь и как состояние, и как свойство системы.

Т.е. система может находиться в устойчивом, или неустойчивом, состоянии, при этом, обладая, или не обладая, некоторым внутренним потенциалом, характеристикой устойчивости, которая зависит от отношений системы с внешней средой. Согласно известному принципу Ле-Шателье, действие которого носит общесистемный характер, любое изменение равновесного состояния системы, вызванное как внешними, так и внутренними причинами, порождает в самоорганизованной системе процессы, направленные на компенсацию этого изменения. Отсюда, устойчивость системы, как совокупности устойчивых, одновременно сохраняющихся элементов, связей и отношений, проявляется в философском законе сохранения и изменения системной организации: в процессе развития, гомеостатическая система стремится сохранить свою равновесную организацию и перестраивает её до нового оптимального значения, противодействуя всем влияниям или силам, изменяющим организацию³¹⁹.

При этом, в теории систем принято различать статическую и динамическую устойчивость. Свойство статической устойчивости

³¹⁸ Русско-английский словарь / под ред. О.С. Ахмановой. М.: «Советская энциклопедия», 1971.

³¹⁹ Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. / Л.И. Абалкин (отв. ред.). М.: Экономика, 1989. С. 248-259.; Федосин С.Г. Физика и философия подобия от преонов до метagalactic. Пермь: Стиль-МГ, 1999. С. 520.

гомеостатической системы связано со способностью, выведенной из состояния равновесия организации, вернуться в исходное положение. При динамической устойчивости, возмущающие воздействия компенсируются за счет внутренней перестройки организационной структуры системы. Что касается устойчивости, как способности системы приспосабливаться к изменениям параметров ее внутренней и внешней среды, то в соответствии с кибернетическими постулатами, устойчивая система будет способна к успешной адаптации лишь при наличии достаточного запаса в скорости реакции (поведения) системы на динамику случайных и неслучайных возмущений, и отклонений от установившегося положения. Другая важная характеристика устойчивости системы базируется на кибернетическом императиве необходимого разнообразия У. Эшби – соответствия между внутренним разнообразием системы и разнообразием возмущающих воздействий. При несоблюдении необходимого баланса разнообразия, система будет приходить в неустойчивое состояние, вступать в структурный или системный кризис, что, в пределе, может привести к утрате целостности и разрушению системы³²⁰.

Следуя здесь подходу М.В. Вилисова, В.И. Якунина и др. будем понимать под устойчивостью государства и его системы публичного управления «государственную состоятельность» (state consistency) - функциональную способность государства к обеспечению социального порядка и надлежащему осуществлению функций, присущих государству и ее системе публичного управления, в условиях динамического изменения обстоятельств, внутренних и внешних возмущений, кризисных явлений³²¹.

³²⁰ Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Справочник: Учеб. пособие / Под ред. В.Н. Волковой и А.А. Емельянова. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 562.; *Лившиц В.Н.* Основы системного мышления и системного анализа. М.: Институт экономики РАН, 2013.; *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. М.: МИР, 1966.; *Кокурина О.Ю.* Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // «Конституционное и муниципальное право». 2021. № 3. С. 7-11.

³²¹ *Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г.* От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // «Полития». 2020. № 1 (96). С. 7–27.; *Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В.* Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // «Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право». 2020. Т. 13. № 4. С. 6-33.; *Якунин В.И.* Проблемы устойчивости

С 50-х гг. прошлого века получили широкое распространение системные идеи классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в работах которых социально-политическая система представляется определенной совокупностью отношений и связей, и, находясь в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой, обеспечивает внутреннее единство и целостность системы, ее гомеостаз, т.е. динамическое равновесие и внутреннюю устойчивость в определенном диапазоне критических параметров³²².

В контексте проблемы обеспечения жизнеспособности и устойчивости государства как социально-политической системы, интерес представляет системный анализ Д. Истона, который «опирается на представления о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим воздействиям, угрожающим вывести существенные переменные системы за пределы их критических значений. ... чтобы выжить, система должна быть способной отвечать с помощью действий, устраняющих напряжение»³²³. В соответствии с выводами структурно-функциональной теории Т. Парсонса, необходимыми системными условиями устойчивого существования и сохранения государства в окружающей среде является реализация структурами его системы публичного управления и регулирования четырех «функциональных императивов», включая: обеспечение адаптации к внешней и внутренней ситуации, установление целей и инструментальных возможностей их достижения; внутрисистемную координацию и социальную интеграцию компонентов и структур системы; наличие и сохранение социокультурных образцов-ориентиров, позволяющих государству придерживаться избранного

и стабильности государственных систем в условиях глобальных кризисов // «Актуальные проблемы современной политологии: Сб. ст. преподавателей и сотрудников фак-та политологии МГУ им. М.В. Ломоносова (К 75-летию Великой Победы)». М.: Изд. МГУ, 2020.

³²² Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-пресс, 1997.; Истон Д. Категории системного анализа политики / Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 630-642.

³²³ Истон Д. Категории системного анализа политики. С. 630-642.

направления своего развития³²⁴. Адекватное функциональное взаимодействие структур системы публичного управления и публично-правового регулирования обеспечивает содержательные интегральные условия, позволяющие государству сохранять в определенных границах свою устойчивость и равновесность, приспосабливаясь к динамически меняющимся историческим, политическим и иным обстоятельствам.

К инструментам адаптации системы публичного управления и регулирования следует отнести ее способность к самообновлению и самовоспроизводству, реорганизации внешнего окружения и самой себя. В контексте разработки проблемы устойчивости государства, особую значимость приобретают современные системные теории, такие как концепция самовоспроизводства (организационной замкнутости) функциональных подсистем общества (Н. Луман)³²⁵ и теория автопоэзиса (самовоспроизводства) сложных саморегулирующихся систем (У. Матурана и Ф. Варела)³²⁶.

Достижение политической жизнеспособности и стабильности общества требует создания необходимых условий, обеспечивающих устойчивое воспроизводство легитимной публичной власти. Исследованию проблемы воспроизводства публичной власти в рамках политико-правового дискурса посвящены работы Н. Лумана³²⁷. На основе базового концепта «автопоэзис» (от греч. *auto*: сам, *poiesis*: производство), видным немецким социальным философом и социологом разработана теория социальных систем.

Заимствовав понятия ряда научных дисциплин, — биологии, общей теории систем, кибернетики, - Н. Луман различает и придает большое значение отношению «система — окружающий мир», полагая основным элементом (операцией) любой социальной системы структурообразующие коммуникации,

³²⁴ *Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. P. 5–29.*

³²⁵ См.: Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФРАН, 2007.

³²⁶ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. Изд. 2-е, доп. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019.

³²⁷ Луман Н. Введение в системную теорию / Под ред. Д. Беккера. Пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: «Логос», 2007.; Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. М.: Наука, 2007.

из которых и складывается организация общества. Социально-политическую, политико-правовую, и всякая другую общественную систему, с точки зрения ученого, образуют именно коммуникации (различение и синтез: сообщение/информация/понимание), а не социальные действия или социальные роли, причем сложившаяся социальная система оказывается полностью операционально замкнутой, т.е. закрытой от среды, поскольку все ее образующие компоненты воспроизводятся во внутренней сети системных коммуникаций. Т.е. социально-коммуникативная система представляет собой инвариантно автопозийную, тождественно самовоспроизводящуюся целостность, реализующую смысл своего функционирования³²⁸.

Доказательная теория Лумана, на высоком абстрактном уровне, показывает, что та или иная общественная система (подсистема) является субъектом и объектом своих коммуникативных операций, проявляя при этом свою автопозийную сущность, обладающую свойствами операциональной закрытости, целостности, эмерджентности и гомеостаза. В то же время, функционально автономная социальная система открыта по отношению к обмену ресурсами с внешней средой (вещество, энергия, информация), и сохраняет устойчивость, гомеостатическое равновесие, благодаря балансу взаимообмена системы с ее внешней средой.

Подобно тому, как в основе автопозиса биологических организмов лежит смысловое понятие «жизнь», социальные системы общества, конституированы «смыслом» своего возникновения, существования и функционирования. Процесс социальных коммуникаций не всегда может приводить в системе к нормативно ожидаемым событиям. Однако, коммуникативный процесс всегда должен быть нацелен на сохранение самовоспроизводящегося смысла деятельности системы, иначе, возникают кризисные явления дестабилизации, грозящие разрушением организации социальных структур.

³²⁸ Луман Н. Что такое коммуникация? // «Социологический журнал». 1995. № 3. С. 116.

С позиции теории управления, «государство является сложной открытой системой, обладающей свойствами целенаправленной адаптации к меняющимся условиям внешней и внутренней среды и способностью к самоуправлению, саморегуляции своего развития»³²⁹. Как показано в работах Б.В. Россинского, государство является большой и сложной системой общественного порядка (с публичным и социальным управлением), которой присущи все системные принципы и закономерности. При этом, соответствие системы публичного управления и административно-правового регулирования необходимым системным принципам и законам не гарантирует, а лишь определяет возможность обеспечения устойчивости государственных образований³³⁰.

Государству, как социально-политической системе с системой публично-правового управления и регулирования свойственен ряд объективных общесистемных закономерностей³³¹ сложных систем, знание которых позволяет анализировать и познавать происходящие в них общественные явления и процессы, происходящие во взаимодействии с окружающей средой. Согласно Б.В. Россинскому и Ю.Н. Старилову, государственное (публичное) управление базируется «на принципе организационности, т.е. для него характерно многообразие организационных форм, совокупность которых обеспечивает целенаправленное, устойчивое функционирование всего управленческого механизма»³³².

В условиях негативных и кризисных явлений, неизбежно происходящих во внутренней и внешней среде, любое государство стремится сохранить свою устойчивость, предпринимает усилия чтобы не разрушиться и не погибнуть. В

³²⁹ Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. Учебник для вузов по специальности «Менеджмент». 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА (ИНФРА • М), 2001.

³³⁰ Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.; Россинский Б.В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.

³³¹ Закономерность – устойчиво действующая связь явлений и процессов.

³³² Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. 4-е изд., пересмотр., и доп. М.: Норма, 2009. С. 37.

рамках «организационной точки зрения» на методологию управления, существуют важные закономерности и особенности, которые определяют жизнеспособность и устойчивость процессов публичного управления и регулирования в государстве и обществе.

1. *Кибернетический закон необходимого разнообразия* (числа качественно различаемых состояний системы с управлением), сформулированный У. Эшби, говорит о том, что, для эффективного управления, *степень разнообразия управляющего органа должна быть не меньше степени разнообразия управляемого объекта*³³³.

Вместе с тем, при совершенствовании систем публично-правового управления и регулирования в государстве также следует иметь в виду, что повышение ее эффективности, устойчивости и жизнеспособности посредством увеличения сложности и степени разнообразия управленческих и регулятивных воздействий, имеет определенные пределы, обусловленные действием, так называемого, «*принципа хрупкости хорошего*»: все хорошее менее устойчиво, чем плохое; чем сложнее и эффективнее организация системы, тем с большей вероятностью возможна потеря относительной устойчивости³³⁴. Ведь всякая эффективная система с управлением должна отвечать, одновременно, как правило, набору требований, и если, в какой-то момент, произойдет незначительное нарушение хотя бы одного из обязательных условий, то система, скорее всего, перейдет в неустойчивое состояние. В этом смысле, простые социальные регуляторы, работающие по принципу «кнута и пряника» показывают большую устойчивость, хотя их социальные результаты, порой, оказываются сомнительными.

2. Один из базовых принципов в науке и практике организации социальных систем с эффективным управлением связан с именем советского ученого Е.А. Седова, предложившего определенное дополнение к закону Эшби,

³³³ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: МИР, 1966.

³³⁴ Лесков Л.В. Регулируемое развитие России: принцип хрупкости хорошего // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 148.; Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997.

которое впоследствии получило название «закон иерархических компенсаций» (закон Седова)³³⁵. Открытие этой закономерности сложных систем позволило понять, почему примат разнообразия в управлении не всегда приводит к наилучшим результатам, и почему в социальной жизни необходимы такие регуляторы-ограничители разнообразия как этика и право.

Качественно, суть закона Седова сводится к следующей формулировке: *в сложных, иерархически организованных и сетевых системах, рост разнообразия на верхнем уровне в структуре системы, обеспечивается посредством определенного ограничения разнообразия на ее нижних уровнях.* Обратное тоже верно: излишний, неограниченный рост разнообразия на нижних уровнях структуры приводит к разрушению верхнего уровня организации и гибели всей системы.

По существу, закон Седова дает обоснование и тому факту, что надлежащее публичное управление не может быть обеспечено без достаточного нормативного ограничения спектра воздействий управленческих инструментов средствами административно-правового регулирования и нормами этических кодексов.

3. Системное мышление как научная дисциплина и практическая методология, во многих случаях, помогает усмотреть глубинные структуры, стоящие за событиями и конкретными деталями поведения сложных систем. В работах Ст. Бира и его последователей разработана организменная методология организации устойчивых социальных систем с «разумным» управлением на основе пятиуровневой фрактальной структурно-функциональной «модели жизнеспособных систем» (Viable Systems Model) (МЖС)³³⁶. Базовый постулат

³³⁵ Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 92-100.

³³⁶ Бир С. Мозг фирмы: Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1993.; Espejo R., Harnden R.J. The Viable System Model: Interpretations and Applications of Stafford Beer's VSM. Chichester: Wiley, 1989.; Espejo R., Schwaninger M. Organizational Fitness: Corporate Effectiveness through Management Cybernetics. New York: Campus Verlag, 1993.

английского кибернетика и исследователя-практика³³⁷ состоит в утверждении, что *структуры всех жизнеспособных социальных систем самоподобны, т.е. являются инвариантом* (используя структурно-функциональную метафору организма человека, управляемого нервной системой и мозгом)³³⁸. При разработке МЖС в рамках организационной кибернетики использован широкий диапазон ранее упомянутых системных понятий, таких как: «жизнестойкость», «автопоэзис», «самоорганизация», «авторегулирование», «самообучение» «управление», «связь (коммуникация)», «разнообразие по Эшби», «отрицательная обратная связь», «чёрный ящик», «иерархия», «рекурсия», «окружающая среда» и др.

МЖС носит рекурсивный характер и позволяет адекватно отражать как структуру всей рассматриваемой социальной системы, так и отдельных входящих в нее подсистем или направлений (по виду и предмету) на всех уровнях государственного устройства. В функциональную структуру МЖС включены Системы 1-5, которые, применительно к моделированию государства как жизнеспособной системы, совместно обеспечивают решение сложных задач управления и регулирования, преодолевая проблему сложности и разнообразие возникающих проблемных ситуаций во внутренней и окружающей среде.

Система 5 (*Целеполагание и Управление*) формирует фундаментальные цели и отвечает за соответствие внутреннего состояния государства прогнозируемым рискам и угрозам, возникающим в окружающей среде (outside and then), за сохранение баланса между стабильностью и развитием (гомеостаза). Система 4 (*Развитие и Адаптация*) отвечает за формирование планов развития государства и его адаптацию к окружающей среде (inside and now). Система 3 (*Контроль и аудит*) обеспечивает оперативный мониторинг, регулирование и контроль реализации планов развития и политики управления на уровне отдельных направлений социально-экономической жизни

³³⁷ Ст. Бир применил МЖС при создании системы управления целой страны – Чили (в поддержку правительства Альенде)

³³⁸ Бир С. Мозг фирмы.

(экономика, культура, медицина, образование и пр.), и отдельных подразделений государственной системы (регионы, армия, полиция, здравоохранение и пр.), обеспечение внутренней стабильности. Система 2 (*Интеграция и Координация*) занимается оптимизацией ресурсов государства для обеспечения его целостности, координации различных направлений деятельности и взаимодействия структурных единиц государства. Системы 2-5 верхнего уровня МЖС обеспечивают функционирование относительно многочисленных автономных, имеющих собственные центры локального регулирования, Систем 1 (*Реализация*) – каждая из которых реализует одно из направлений (по виду и предмету) социально-экономической деятельности государства, запрашивая и привлекая необходимые ресурсы, с учетом управленческих и регулирующих воздействий со стороны Систем 2-5, решающих стратегические вопросы. Благодаря рекурсивности иерархии МЖС руководство и контроль оказываются распределенными по всем структурно-функциональным уровням управления и регулирования в системе государственной власти³³⁹.

Следует подчеркнуть, что методология организационной кибернетики предусматривает встраивание в контуры управления и регулирования «ситуационных комнат» и «панелей управления», отображающих систему обобщенных расчетных индексов (производительность, скрытая производительность, текущая производительность), на базе которых принимаются обоснованные управленческие решения. При этом, значения обобщенных индексов рассчитываются исходя из трех уровней достижений контролируемого параметра управления: *фактический* уровень, *наличный* уровень – которого можно было бы теоретически достичь при существующих ресурсах и ограничениях, и *потенциальный* уровень – достижимый лишь при увеличении ресурсов и снятии существующих ограничений³⁴⁰.

³³⁹ Джексон М.С. Системное мышление: Творческий холизм для менеджеров / науч. ред. и пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. С. 160.

³⁴⁰ Бир С. Мозг фирмы.

В дополнение к формальным индексам результативности процессов управления, методология организационной кибернетики предусматривает использование в контурах обеспечения гомеостазиса «альгедонических»³⁴¹ сигналов, которые сокращают дистанцию между субъектом (субъектами) управления и системой управления и регулирования, включая «в структуру сложного гомеостата механизм вознаграждения и наказания». В сложных многоцелевых системах, таких как системы публичного управления, в условиях гомеостата с многими равновесными состояниями, подобный «альгедонический» контроль представляется необходимым в контексте обеспечения устойчивости и жизнеспособности³⁴². Заметим при этом, что применительно к системам публичного управления, «альгедоническую» роль выполняет институт негативной и позитивной ответственности, действуя через механизм административно-правового регулирования наказаний и поощрений, что соответствует утверждению, сформулированному еще в начале XIX века классиком науки управления А. Файолем: «Власть немислима без ответственности, то есть без санкции — награды или кары, — сопровождающей ее действие. ... Всюду, где действует власть, возникает и ответственность»³⁴³.

В этой связи, на первый план выходит проблема разработки стратегии качественного преобразования государства, создания в стране такой политико-правовой среды, в которой, стимулирующие и ограничивающие разнообразие, управленческие и регулятивные воздействия на участников отношений в социуме (власть, общество, личность) будут находиться в должном динамическом балансе, который позволит обеспечивать в долгосрочном масштабе жизнеспособность государства, устойчивое воспроизводство власти,

³⁴¹ Термин «альгедонический» - от греческих слов: algos - «боль», edone - «наслаждение».

³⁴² Лем Ст. Сумма технологии / Предисл. В.В. Ларина. Ред. и послесл. Б.В. Бирюкова и Ф.В. Широкова. М.: «МИР», 1968. С. 287.

³⁴³ Файоль А. Общее и промышленное управление / перев. на рус. язык Б.В. Бабина-Кореня. М.: ЦИТ, 1923. С. 14.

стабильность процессов публичного управления и существующей социально-политической системы.

4. Фундаментальной основой для метода публичного управления и механизма административно-правового регулирования может служить императив взаимной публичной ответственности личности, общества и государства³⁴⁴. Развернутая концепция взаимной ответственности личности, общества, государства, на основе социальной солидарности развита Б.С. Эбзеевым. В его трудах, ответственность рассматривается как двухаспектное явление, позитивная составляющая которого представляет собой «вытекающее из социальной солидарности атрибутивное свойство общественных отношений, получающее социальное, этическое, политическое, юридическое выражение и закрепление», присутствующее в общественных отношениях «всех субъектов государственного права, урегулированных Конституцией»³⁴⁵.

В основе позитивной ответственности лежит сочетание и взаимодействие интересов личности, государства, и общества, и составляющих его социальных структур. Общая конституционная ответственность личности выражается в соблюдении и исполнении конституционных обязанностей, пользуясь правами и свободами, в полном соответствии с их целевым назначением и юридическим содержанием. Причем, конституционные обязанности представляют собой юридическую форму выражения ответственности личности в общественных отношениях.

Ответственность, в т.ч. конституционная, носит двусторонний характер: из коллективных прав и обязанностей общества и государства по отношению к личности вытекает их ответственность перед своим членом и за него, причем, социальная ответственность общества «юридизируется» в лице государства, в качестве ее носителя, путем государственно-правового закрепления. Как

³⁴⁴ Кокурина О.Ю. Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 7-11.; Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2008.

³⁴⁵ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. С. 169-174.

результат, создается механизм ответственности государства, государственных и общественных органов и должностных лиц³⁴⁶.

Таким образом, регулирование взаимных отношений между государством, обществом и личностью, осуществляется не только путем предоставления сочленам общества и государства прав, но и возложением на них обязанностей. Общество, и государство, в его лице, также имеют права и несут конституционные обязанности по отношению к личности. Причем, для достижения устойчивого функционирования общественного организма необходимо обеспечивать эффективное публичное управление и административно-правовое регулирование, направленное на согласование интересов личности, общества, государства, что определяется надлежащей государственно-правовой политикой и конкретизацией нормативного содержания конституционных обязанностей в текущем законодательстве.

2.3 Проблема устойчивости современного государства: системные закономерности публично-правового управления и регулирования

В соответствии с положениями Преамбулы действующей Конституции РФ, продолжение долгосрочного исторического существования российской многоэтнической нации и государства, поддержание устойчивости и жизнеспособности социума, в условиях внешних и внутренних угроз, составляют основополагающую предпосылку для организации жизнедеятельности и развития современной России, во всем ее доставшемся от предков цивилизационном многообразии. В свое время, выдающийся русско-американский мыслитель Питирим Сорокин обращал внимание мира на огромную жизнеспособность русской (российской) нации, присущие ей особые черты - тысячелетнее существование, замечательное упорство, «дух самопожертвования во имя благополучия народа и сохранения культурных

³⁴⁶ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 281.

ценностей, дух, засвидетельствованный бесстрашием и мужеством, бескорыстной преданностью, стойкостью и выносливостью»³⁴⁷.

Особенностью современного постиндустриального цивилизационного уклада является существенное изменение правил социальной организации, связанное с радикальным повышением сложности, разнообразия и динамизма социальных процессов и институтов в сфере труда, управления и досуга³⁴⁸. В условиях роста социального многообразия и сложности социального мира, возникают проблемы обеспечения жизнеспособности³⁴⁹ современного государства («публичного общения людей» по формуле Аристотеля) и устойчивости общественных систем, решение которых выдвигает на первый план необходимость повышения состоятельности системы политико-правового и социального управления. На первичность социальной устойчивости Российской Федерации, как условия всестороннего развития страны и сохранения Россией статуса великой державы, указал в президентском Послании Федеральному Собранию В.В. Путин (15.01.2020)³⁵⁰.

Жизнеспособность и устойчивость государства непосредственно связана с устойчивостью системы публичного управления, представляющего собой многогранную деятельность, которая осуществляется на основе анализа поступающей от объектов управления информации, при использовании положений самых разных отраслей знания, таких как юриспруденция, философия, история, политология, социология, экономика, психология и другие общественные науки. Устойчивость государства и процессов публичного управления базируется на обеспечении системного гомеостазиса, как стабилизирующего динамичного механизма разрешения возникающих в социуме противоречий, связанных с угрозой потери устойчивости. Так,

³⁴⁷ Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. С. 331.

³⁴⁸ См.: Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

³⁴⁹ Жизнеспособность — способность государства, общества, человека, выживать, существовать во времени и устойчиво развиваться при реализации своих основных функций. См.: Национальная идея России. В 6 т. Т. VI. М.: Научный эксперт, 2012. С. 4284.

³⁵⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // «Российская газета». № 7. 2020, 16 января.

рассматривая гомеостазис больших систем с юридических позиций, Н.В. Витрук и др. определяли это понятие как социально-правовой механизм, который обеспечивает стабилизацию и сохранение уровня системной устойчивости, в условиях действия на них многих возмущающих и дестабилизирующих факторов³⁵¹. Понятие «устойчивость» (резильентность) означает, при этом, не столько способность государства и общества не допускать кризисных ситуаций и бедствий вовсе, сколько способность переживать возникающие трудности с наименьшим ущербом для управленческой способности государства, его жизнеспособности³⁵². Истории «несостоявшихся государств» (failed state) наглядно показывают, что государство будет жизнеспособным только при наличии в нем эффективной структуры системы публичного управления и регулирования.

Публичное управление является разновидностью социального управления, обеспечивающего организацию социальных отношений и процессов, придающего общественной системе должную согласованность действий, необходимую упорядоченность, устойчивость и стабильность. Социальное управление, наряду с правовым регулированием общественной деятельности людей, неразрывно связаны с публичной властью, представляющую собой регламентированную форму социальных отношений, отличающуюся способностью воздействовать на проявления деятельности и поведения людей, социальных групп и общества, в целом.

Г.В. Атаманчук выделяет три необходимых свойства публичного управления: - воздействие опирается на силу публичной власти; - всеобщность (публичное управление распространяется на управления на все общество); -

³⁵¹ Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 158.; Правовая кибернетика социалистических стран / под ред. Н.С. Полевого. М.: Юрид. лит., 1987. С. 57—59.

³⁵² Понкин И.В. Теория публичного управления: Учебник для магистратуры и программ Master of Public Administration / Предисловие д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова / Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Буки Веди, 2017. С. 674.

системность³⁵³. Важным аспектом обеспечения устойчивости правового государства как важнейшей интегральной цели публичного управления становятся взаимоотношения между государством и правом, заложенные в природе организационных процессов регулирования и управления. Как следует из работ Г.В. Мальцева, управленческие и регулятивные воздействия являются близкими, часто перекрывающимися друг друга явлениями, однако, их природа различна. Управление (в том числе, публичное/государственное управление) предполагает наличие заданной цели, т.е. имеет телеологическую природу, в то время как регулирующие воздействия публичного/административного права осуществляются в соответствии с предустановленными нормами, т.е. публичное регулирование имеет нормативную природу. Другими словами, публично-правовое регулирование – это феномен юридического характера, а публичное управление есть феномен политический³⁵⁴.

Осуществлять публичную власть невозможно без инструментов публичного управления, как телеологического процесса, и предписаний публично-правового регулирования, имеющего нормативный характер воздействия на участников общественных отношений: управленческие и регулятивные воздействия развивают общественную систему в выбранном направлении, поддерживают и оптимизируют системные характеристики, производят согласованные упорядочивающие эффекты³⁵⁵.

В этом контексте, следуя авторитетному мнению Ю.Е. Аврутина, под публичным управлением будем понимать организационно-правовую форму осуществления государственной и местной – публичной власти³⁵⁶,

³⁵³ Атаманчук Г.В. Обеспечение рациональности государственного управления. М.: Юрид. литература, 1990. С. 35-39.

³⁵⁴ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 28-30.; Аврутин Ю.Е. О парадоксах парадигмы публичного управления в теории государственного управления и в административном праве // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по матер. ежегодной Всеросс. научно-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 года: в 3-х т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. Т. I. С. 10-30.

³⁵⁵ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма. 2007. С. 29-31.

³⁵⁶ Аврутин А.Е. О парадигме государственного управления в контексте модернизации российского административного права / Актуальные проблемы административного и

представляющую собой нормотворческую, распорядительную, контрольную, организационную и иную целенаправленную деятельность³⁵⁷. В свою очередь, кооперированное с публичным управлением, публично-правовое регулирование можно определить как осуществляемое публичной властью и обществом упорядочение общественных процессов посредством сознательного их подчинения установленным нормам и правилам³⁵⁸. Можно согласиться с Р.З. Усмановой в том, что «публичное управление является формой проявления публичной власти, а публичное регулирование в свою очередь функцией публичного управления и средством публичной власти»³⁵⁹.

Заметим здесь, что доктринальное обоснование существования в юридической науке и практике категорий «публичное управление» и «публичная власть» (отнесенных некоторыми видными юристами к проявлениям логократии³⁶⁰) нашло, наконец, официальное подкрепление в (выделенной курсивом) правовой конструкции обновленной Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 132): «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в *единую систему публичной власти*»³⁶¹. При этом, как подчеркнул А.Н. Чертков, в систему публичной власти входит и «общественная власть или власть гражданского общества, включая постоянно

административно-процессуального права: сб. статей по матер. ежегодной Всеросс. научно-практ. конф. (Сорокинские чтения), посвящённой 70-летию д.ю.н., проф. Аврутина Ю.Е., 24 марта 2017 г.: в 3-х ч. / под ред. д.ю.н. Ю.Е. Аврутина, д.ю.н. А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. Ч. I. С. 32-47.

³⁵⁷ Чиркин В.Е. Публичное управление: учебник. М.: «Юрист», 2004. С. 41.

³⁵⁸ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма. 2007. С. 17.

³⁵⁹ Усманова Р.З. О соотношении понятий «публичное регулирование», «публичное управление» и «публичная власть» // «Общество: политика, экономика, право». 2011. № 3. С. 140.

³⁶⁰ См., например: Атаманчук Г.В. Внутренние источники и факторы государственно-управленческих кризисов в России // Право и управление. XXI ВЕК. 2014. № 4 (33). С. 25-32.; Аврутин Ю.Е. О парадоксах парадигмы публичного управления в теории государственного управления и в административном праве / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по матер. ежегодной Всеросс. научно-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 г.: в 3-х т. / под ред. д.ю.н. Ю.Е. Аврутина, д.ю.н. А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. Т. I. С. 10-30.

³⁶¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>

функционирующие, структурированные общественные объединения начиная с политических партий, иных объединений и движений»³⁶². Общественная власть, прежде всего, реализуется многонациональным народом России посредством форм прямого волеизъявления; осуществляется в процессах самоорганизации граждан, оказывая воздействие на органы публичной власти, на общественно-политическую ситуацию; организационное влияние на решения, принимаемые компетентными государственными и муниципальными органами³⁶³.

В науке об управлении в сложных динамических системах, жизнеспособная система – это система, способная достаточно долго сохранять и поддерживать самостоятельное существование³⁶⁴. Принцип жизнеспособности можно рассматривать в качестве обобщенного критерия потенциальных возможностей государства в осуществлении надлежащего публичного управления и регулирования общественных процессов, обеспечивая длительное суверенное устойчивое существование государственного образования, адаптируясь к динамическим изменениям среды, адекватно разрешая проблемные и кризисные ситуации, возникающие вследствие внутренних и внешних угроз общественному развитию.

В рамках системной парадигмы, рассматривая, общество как сложную социальную систему, включающую государственную (под)систему публичного управления и регулирования, необходимо учитывать существование ряда объективных закономерностей и принципиальных ограничений на используемые стратегические и тактические инструменты, на формы и силу

³⁶² Чертков А.Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19-23. Известна и иная точка зрения: «народ не входит в систему публичной власти, а находится над этой системой». См.: Упоров И.В., Шеуджен Н.А., Татлок А.К. Публичная власть: толкование и понятие (государственно-правовой аспект) // «Право и практика». 2021. № 2. С. 5-10.

³⁶³ Современные проблемы организации публичной власти: Монография / Рук. авт. кол. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014.; Филиппова А.В. Конституционные поправки о местном самоуправлении: анализ проекта и проблемы правоприменения // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 27-31.

³⁶⁴ Espejo R. The VSM revisited / Espejo R., Harnden R.J. (eds.) (1989). The Viable System Model: Interpretations and Applications of Stafford Beer's VSM. Chichester: Wiley. P. 77-100.

управленческих и регулятивных воздействий, призванных обеспечить жизнеспособность и долгосрочную устойчивость государства к динамическим социальным изменениям и деструктивным кризисным явлениям. Будет уместно привести здесь определение Л.Г. Гринина: государство есть особая достаточно устойчивая политическая единица, представляющая «организацию власти и администрирования, и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территориями и населением ... имеющая силы и средства для осуществления своих претензий»³⁶⁵.

Согласно Г.В. Атаманчуку, проблема устойчивости государства непосредственно связана с устойчивостью государственного (публичного) управления, что требует «прорыва традиционных подходов» и признания «системы государственного управления в качестве *органической системы*, составные части и элементы которой многообразны и способны к непрерывному саморазвитию»³⁶⁶. Подобный взгляд на концепцию публичного управления в целях обеспечения устойчивости государства корреспондирует с теоретическим вкладом немецкой философской классики, связанным с концептуализацией, взятой во всей ее сложности, общественной жизни на основе организмических представлений³⁶⁷. При этом, в историческом процессе, государства складываются как многоуровневые образования, которые возникают и управляются изнутри по законам организма. Понятие *органической целостности* (Die Totalitat) является синонимом общественного организма, являющегося причиной себя самого, его отличительная особенность состоит в том, что организм, в отличие от многих других сложных систем, обладает способностью к самоорганизации, воспроизводству самого себя и подобных себе систем. Т.е. устойчивость, являющегося органичным целым, общественного организма определяется, прежде всего, процессами управления,

³⁶⁵ Гринин Л.Е. Формации и цивилизации: социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории // Философия и общество. 1997. № 5. С. 16-17.

³⁶⁶ Атаманчук Г.В. Проблемы управления и управляемости в обществе: Избранное. М.: Изд-во РАГС, 2011. С. 213.

³⁶⁷ См.: Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. Р. н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. С. 3-4.

саморганизации, самообновления и самовоспроизводства. Согласно урокам организмической теории, в устойчивой социально-политической системе возникают и наличествуют только такие социальные институты и структуры, которые способны к самовоспроизводству и саморазвитию. К важнейшим структурам, определяющим жизнеспособность и устойчивость государства относятся институт публичной власти и система публичного управления.

Следует подчеркнуть, что наука государственного управления не дает четкого определения понятию «устойчивость» (sustainability), смысл которого применительно к государству отражают разнообразные термины русского (английского) языка, такие как «резистентность» (resistance), «резильентность» (resilience), «стабильность» (stability), «уравновешенность» (steadiness) и др. Схожие по смыслу понятия включают «жизнеспособность» (viability), «живучесть» (survivability), «антихрупкость» (anti-fragility).

В соответствии с подходом М.В. Вилисова, В.И. Якунина и др. будем понимать под устойчивостью государства и его системы публичного управления «государственную состоятельность» (state consistency) - функциональную способность государства к обеспечению социального порядка и надлежащему осуществлению функций, присущих государству и ее системе публичного управления, в условиях динамического изменения обстоятельств, внутренних и внешних возмущений, кризисных явлений³⁶⁸.

В контексте проблемы обеспечения жизнеспособности и устойчивости государства как социально-политической системы, интерес представляет системный анализ Д. Истона, который «опирается на представления о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим

³⁶⁸ Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г. От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // «Полития». 2020. № 1 (96). С. 7–27.; Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В. Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // «Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право». 2020. Т. 13. № 4. С. 6-33.; Якунин В.И. Проблемы устойчивости и стабильности государственных систем в условиях глобальных кризисов // «Актуальные проблемы современной политологии: Сб. статей преподавателей и сотрудников факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (К 75-летию Великой Победы)». М.: Изд. МГУ, 2020.

воздействиям, угрожающим вывести существенные переменные системы за пределы их критических значений. ... для того, чтобы выжить, система должна быть способной отвечать с помощью действий, устраняющих напряжение»³⁶⁹.

В соответствии с выводами структурно-функциональной теории Т. Парсонса, необходимыми системными условиями устойчивого существования и сохранения государства в окружающей среде является реализация структурами его системы публичного управления и регулирования четырех «функциональных императивов», включая: обеспечение адаптации к внешней и внутренней ситуации, установление целей и инструментальных возможностей их достижения; внутрисистемную координацию и социальную интеграцию компонентов и структур системы; наличие и сохранение социокультурных образцов-ориентиров, позволяющих государству придерживаться избранного направления своего развития³⁷⁰. Адекватное функциональное взаимодействие структур системы публичного управления и публично-правового регулирования обеспечивает содержательные интегральные условия, позволяющие государству сохранять в определенных границах свою устойчивость и равновесность, приспосабливаясь к динамически меняющимся историческим, политическим и иным обстоятельствам.

К инструментам адаптации системы публичного управления и регулирования следует отнести ее способность к самообновлению и самовоспроизводству, реорганизации внешнего окружения и самой себя. В контексте разработки проблемы устойчивости государства, особую значимость приобретают современные системные теории, такие как концепция самовоспроизводства (организационной замкнутости) функциональных

³⁶⁹ Истон Д. Категории системного анализа политики / Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 630—642.

³⁷⁰ Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. P. 5—29.

подсистем общества (Н. Луман)³⁷¹ и теория автопоэзиса (самовопроизводства) сложных саморегулирующихся систем (У. Матурана и Ф. Варела)³⁷².

С позиции теории управления, «государство является сложной открытой системой, обладающей свойствами целенаправленной адаптации к меняющимся условиям внешней и внутренней среды и способностью к самоуправлению, саморегуляции своего развития»³⁷³. Как показано в работах Б.В. Россинского, государство является большой и сложной системой общественного порядка (с публичным и социальным управлением), которой присущи все системные принципы и закономерности. При этом, соответствие системы публичного управления и административно-правового регулирования необходимым системным принципам и законам не гарантирует, а лишь определяет возможность обеспечения устойчивости государственных образований³⁷⁴.

Государству, как социально-политической системе с системой публично-правового управления и регулирования свойственен ряд объективных общесистемных закономерностей³⁷⁵ сложных систем, знание которых позволяет анализировать и познавать происходящие в них общественные явления и процессы, происходящие во взаимодействии с окружающей средой. Согласно Б.В. Россинскому и Ю.Н. Старилову, государственное (публичное) управление базируется «на принципе организационности, т.е. для него характерно многообразие организационных форм, совокупность которых обеспечивает

³⁷¹ См.: Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФРАН, 2007.

³⁷² Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. Изд. 2-е, доп. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019.

³⁷³ Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. Учебник для вузов по специальности «Менеджмент». 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА (ИНФРА • М), 2001.

³⁷⁴ Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.; Россинский Б.В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.

³⁷⁵ Закономерность – устойчиво действующая связь явлений и процессов.

целенаправленное, устойчивое функционирование всего управленческого механизма»³⁷⁶.

В условиях негативных и кризисных явлений, неизбежно происходящих во внутренней и внешней среде, любое государство стремится сохранить свою устойчивость, предпринимает усилия чтобы не разрушиться и не погибнуть. В рамках «организационной точки зрения» на методологию управления, существуют важные закономерности, которые определяют жизнеспособность и устойчивость процессов публичного управления и регулирования в государстве и обществе.

1. *Кибернетический закон необходимого разнообразия* (числа качественно различаемых состояний системы с управлением), сформулированный У. Эшби, говорит о том, что, для эффективного управления, *степень разнообразия управляющего органа должна быть не меньше степени разнообразия управляемого объекта*³⁷⁷.

Вместе с тем, при совершенствовании систем публично-правового управления и регулирования в государстве также следует иметь в виду, что повышение ее эффективности, устойчивости и жизнеспособности посредством увеличения сложности и степени разнообразия управленческих и регулятивных воздействий, имеет определенные пределы, обусловленные действием, так называемого, «*принципа хрупкости хорошего*»: все хорошее менее устойчиво, чем плохое; чем сложнее и эффективнее организация системы, тем с большей вероятностью возможна потеря относительной устойчивости³⁷⁸. Ведь всякая эффективная система с управлением должна отвечать, одновременно, как правило, набору требований, и если, в какой-то момент, произойдет незначительное нарушение хотя бы одного из обязательных условий, то система, скорее всего, перейдет в неустойчивое состояние. В этом

³⁷⁶ Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. 4-е изд., пересмотр., и доп. М.: Норма, 2009. С. 37.

³⁷⁷ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Мир, 1966.

³⁷⁸ Лесков Л.В. Регулируемое развитие России: принцип хрупкости хорошего // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 148.; Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997.

смысле, простые социальные регуляторы, работающие по принципу «кнута и пряника» показывают большую устойчивость, хотя их социальные результаты, порой, оказываются сомнительными.

2. Один из базовых принципов в науке и практике организации социальных систем с эффективным управлением связан с именем советского ученого Е.А. Седова, предложившего определенное дополнение к закону Эшби, которое впоследствии получило название «закон иерархических компенсаций» (закон Седова)³⁷⁹. Открытие этой закономерности сложных систем позволило понять, почему примат разнообразия в управлении не всегда приводит к наилучшим результатам, и почему в социальной жизни необходимы такие регуляторы-ограничители разнообразия как этика и право.

Качественно, суть закона Седова сводится к следующей формулировке: *в сложных, иерархически организованных и сетевых системах, рост разнообразия на верхнем уровне в структуре системы, обеспечивается посредством определенного ограничения разнообразия на ее нижних уровнях.* Обратное тоже верно: излишний, неограниченный рост разнообразия на нижних уровнях структуры приводит к разрушению верхнего уровня организации и гибели всей системы.

По существу, закон Седова дает обоснование и тому факту, что надлежащее публичное управление не может быть обеспечено без достаточного нормативного ограничения спектра воздействий управленческих инструментов средствами административно-правового регулирования и нормами этических кодексов.

3. Системное мышление как научная дисциплина и практическая методология, во многих случаях, помогает усмотреть глубинные структуры, стоящие за событиями и конкретными деталями поведения сложных систем. В работах Ст. Бира и его последователей разработана организменная методология организации устойчивых социальных систем с «разумным»

³⁷⁹ Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 92-100.

управлением на основе пятиуровневой фрактальной структурно-функциональной «модели жизнеспособных систем» (Viable Systems Model) (МЖС)³⁸⁰. Базовый постулат английского кибернетика и исследователя-практика³⁸¹ состоит в утверждении, что *структуры всех жизнеспособных социальных систем самоподобны, т.е. являются инвариантом* (используя структурно-функциональную метафору организма человека, управляемого нервной системой и мозгом)³⁸². При разработке МЖС в рамках организационной кибернетики использован широкий диапазон ранее упомянутых системных понятий, таких как: «жизнестойкость», «автопоэзис», «самоорганизация», «авторегулирование», «самообучение», «управление», «связь (коммуникация)», «разнообразие по Эшби», «отрицательная обратная связь», «чёрный ящик», «иерархия», «рекурсия», «окружающая среда» и др.

МЖС носит рекурсивный характер и позволяет адекватно отражать как структуру всей рассматриваемой социальной системы, так и отдельных входящих в нее подсистем или направлений (по виду и предмету) на всех уровнях государственного устройства. В функциональную структуру МЖС включены Системы 1-5, которые, применительно к моделированию государства как жизнеспособной системы, совместно обеспечивают решение сложных задач управления и регулирования, преодолевая проблему сложности и разнообразие возникающих проблемных ситуаций во внутренней и окружающей среде.

Система 5 (*Целеполагание и Управление*) формирует фундаментальные цели и отвечает за соответствие внутреннего состояния государства прогнозируемым рискам и угрозам, возникающим в окружающей среде (outside and then), за сохранение баланса между стабильностью и развитием (гомеостаза).

³⁸⁰ Бир С. Мозг фирмы: Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1993.; Espejo R., Harnden R.J. (eds.) (1989). The Viable System Model: Interpretations and Applications of Stafford Beer's VSM. Chichester: Wiley.; Espejo R., Schwaninger M. (eds.) (1993). Organizational Fitness: Corporate Effectiveness through Management Cybernetics. New York: Campus Verlag.

³⁸¹ Ст. Бир применил МЖС при создании системы управления целой страны – Чили (в поддержку правительства Альенде)

³⁸² Бир С. Мозг фирмы: Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1993.

Система 4 (*Развитие и Адаптация*) отвечает за формирование планов развития государства и его адаптацию к окружающей среде (inside and now).

Система 3 (*Контроль и аудит*) обеспечивает оперативный мониторинг, регулирование и контроль реализации планов развития и политики управления на уровне отдельных направлений социально-экономической жизни (экономика, культура, медицина, образование и пр.), и отдельных подразделений государственной системы (регионы, армия, полиция, здравоохранение и пр.), обеспечение внутренней стабильности.

Система 2 (*Интеграция и Координация*) занимается оптимизацией ресурсов государства для обеспечения его целостности, координации различных направлений деятельности и взаимодействия структурных единиц государства.

Системы 2-5 верхнего уровня МЖС обеспечивают функционирование относительно многочисленных автономных, имеющих собственные центры локального регулирования, Систем 1 (*Реализация*) – каждая из которых реализует одно из направлений (по виду и предмету) социально-экономической деятельности государства, запрашивая и привлекая необходимые ресурсы, с учетом управленческих и регулирующих воздействий со стороны Систем 2-5, решающих стратегические вопросы. Благодаря рекурсивности иерархии МЖС руководство и контроль оказываются распределенными по всем структурно-функциональным уровням управления и регулирования в системе государственной власти³⁸³.

Следует подчеркнуть, что методология организационной кибернетики предусматривает встраивание в контуры управления и регулирования «ситуационных комнат» и «панелей управления», отображающих систему обобщенных расчетных индексов (производительность, скрытая производительность, текущая производительность), на базе которых принимаются обоснованные управленческие решения. При этом, значения

³⁸³ Джексон М.С. Системное мышление: Творческий холизм для менеджеров / науч. ред. и пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Томск: Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2016. С. 160.

обобщенных индексов рассчитываются исходя из трех уровней достижений контролируемого параметра управления: *фактический* уровень, *наличный* уровень – которого можно было бы теоретически достичь при существующих ресурсах и ограничениях, и *потенциальный* уровень – достижимый лишь при увеличении ресурсов и снятии существующих ограничений³⁸⁴.

В дополнение к формальным индексам результативности процессов управления, методология организационной кибернетики предусматривает использование в контурах обеспечения гомеостазиса «альгедонических»³⁸⁵ сигналов, которые сокращают дистанцию между субъектом (субъектами) управления и системой управления и регулирования, включая «в структуру сложного гомеостата механизм вознаграждения и наказания». В очень сложных многоцелевых системах, таких как системы публичного управления, в условиях гомеостата с многими равновесными состояниями, подобный «альгедонический» контроль представляется необходимым в контексте обеспечения устойчивости и жизнеспособности³⁸⁶. Заметим при этом, что применительно к системам публичного управления, «альгедоническую» роль выполняет институт негативной и позитивной ответственности, действуя через механизм административно-правового регулирования наказаний и поощрений, что соответствует утверждению, сформулированному еще в начале XIX века классиком науки управления А. Файолем: «Власть немислима без ответственности, то есть без санкции — награды или кары, — сопровождающей ее действие. ... Всюду, где действует власть, возникает и ответственность»³⁸⁷.

В этой связи, на первый план выходит проблема разработки стратегии качественного преобразования государства, создания в стране такой политико-

³⁸⁴ Бир С. Мозг фирмы: Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1993.

³⁸⁵ Термин «альгедонический» - от греческих слов: *algos* - «боль», *edone* - «наслаждение».

³⁸⁶ Лем Ст. Сумма технологии / Предисл. В.В. Ларина. Ред. и послесл. Б. В. Бирюкова и Ф.В. Широкова. М.: «МИР», 1968. С. 287.; Бир С. Мозг фирмы: Пер. с англ. М.: Радио и связь, 1993.

³⁸⁷ Файоль А. Общее и промышленное управление / перев. на рус. язык Б.В. Бабина-Кореня. М.: ЦИТ, 1923. С. 14.

правовой среды, в которой, стимулирующие и ограничивающие разнообразие, управленческие и регулятивные воздействия на участников отношений в социуме (власть, общество, личность) будут находиться в должном динамическом балансе, который позволит обеспечивать в долгосрочном масштабе жизнеспособность государства, устойчивость системы публичного управления и стабильность существующей социально-политической системы. При этом, основой для метода публичного управления и механизма административно-правового регулирования может служить императив взаимной публичной ответственности личности, общества и государства³⁸⁸.

2.4 Публично-правовая ответственность власти в контексте правостимулирующей политики в сфере государственной и муниципальной службы

Проблема ответственности с античных времен является краеугольным камнем гуманитарной науки. Предложенные с тех пор в той или иной отрасли знания ее частные решения носили прикладной характер, однако, имеется достаточно оснований утверждать, что в настоящее время эта проблема вышла на фундаментально новый методологический уровень, и на общенаучном уровне имеет мировоззренческий характер.

Ответственность любого уровня публичной власти за принимаемые решения - важный фактор последовательного развития Российского государства. Надлежащая профессиональная и социальная ответственность государственного и муниципального служащего в ее позитивном аспекте является сегодня не только практической проблемой публичной власти современной России, но и междисциплинарной научной проблемой, требующей своих подходов и своего решения. Остается актуальной задачей теоретическое обоснование концепции позитивной ответственности публичной власти как фундаментального регулятивного механизма организации деятельности

³⁸⁸ Кокурина О.Ю. Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 7-11.; Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2008.

должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, в интересах и на благо личности, общества и государства.

Термин «ответственность» в современном сложном мире употребляется в самых разных смыслах, содержании и контексте. Например, ответственность может рассматриваться как философско-социологическое понятие, исследователи различают ответственность по видам: политическую, юридическую, социальную, моральную, эстетическую, личную, коллективную, групповую, личности, т.е. ответственность гражданина, общества, государства и др. Как сложное междисциплинарное понятие, ответственность охватывает оценочное отношение человека к собственным поступкам и действиям, к объектам воздействия, к требованиям, диктуемым обществом и государством, а также и оценочное отношение общества к поступкам человека, при котором ожидаемые или реализованные последствия действий и решений осмысливаются через регулятивную систему поощрений и наказаний. Ответственность является принципиальной характеристикой, атрибутом любого общественного института и, прежде всего, системы власти. Понимание ответственности власти, объем властных полномочий, соотносятся с характером политической системы страны.

В социальном государстве, публичная власть, в конечном счете, несет субсидиарную ответственность за безопасность страны, степень материальной и духовной удовлетворенности жизнью населением (так называемая, экономика счастья), социальное самочувствие граждан, уверенность в завтрашнем дне - т.е. социальную ответственность, в позитивном смысле понятия.

Однако, существующая сегодня в России политическая, управленческая и юридическая практика базируется на традиционном понимании ответственности, как правило, только в негативном аспекте, - как основания для внешних негативных санкций за нарушение установленных правил, норм и традиций. По существу, проявление негативного аспекта фиксирует здесь не наличие ответственности, а, напротив, безответственность политика, чиновника, или власти, в целом. Односторонняя трактовка ответственности

должностного лица или института власти, преимущественно, негативного характера, не содействует адекватной реализации внутренней и внешней политики государства, сковывает и ограничивает творческий потенциал государственных и муниципальных служащих, сдерживает инициативу административно-управленческого аппарата в принятии необходимых решений, и в социально-активных действиях, направленных на развитие своего города, региона, страны, в целом.

Такому положению способствует и то обстоятельство, что несмотря на усилия ряда авторитетных ученых, категория «позитивная ответственность» все еще не признана в качестве общеупотребимого термина в «нормальной» (следуя Т. Куну) политической и юридической науке, хотя дискуссии по этому вопросу ведутся еще с советских времен. Между тем, проблема ответственности, по большей части, как раз в ее позитивном аспекте, исследуется философией, социологией, историей, психологией и др. научными дисциплинами социально-гуманитарной сферы. Каждая из этих наук имеет собственный подход к проблеме ответственности, концентрируясь на тех или иных ее особенностях, характеристиках, элементах, проявлениях.

Нам представляется перспективным в основу концепции позитивной ответственности, как регулятивного механизма совершенствования административно-управленческой деятельности, положить политико-аксиологический подход. В рамках данного подхода, позитивная ответственность государственного и муниципального служащего рассматривается как фундаментальный ценностный ориентир - вершина иерархии духовно-нравственных и правовых ценностей субъекта политической власти и управления. При этом, соответствующее дополнение категориального аппарата юридической и политической сферы позволит обеспечить научное подкрепление процессов становления и развития регулирующей и стимулирующей публичной политики власти в Российской Федерации.

Заметим, что стимулирующая политика власти понимается здесь не в ее узкой трактовке, как только правостимулирующей политики, но как

концептуальная государственная деятельность, осуществляемая повсеместно, и в отношении всех сфер общественной жизни, посредством разноплановых стимулирующих средств.

Концепция позитивной ответственности предполагает использование правостимулирующих средств в правотворческом процессе государства, в правоприменительной практике, при проведении кадровой и наградной политики на различных уровнях публичной власти. Гармонизация применения мер позитивной и негативной ответственности, стимулов и ограничений, поощрений и наказаний как инструментов регулирования - путь к повышению эффективности деятельности государственных и муниципальных служащих. В практическом плане, закрепление принципа позитивной ответственности в качестве фундаментальной нормативно-руководящей идеи, лежащей в основе служебной деятельности и служебных отношений, позволит реализовать истинное предназначение полученной от людей публичной власти - служить гражданам, российскому обществу и государству. Именно к этому призывает действующий глава государства публичную власть: «миссия государственной службы именно в служении, и человек, который выбирает этот путь, должен прежде всего для себя решить, что он связывает свою жизнь с Россией, с нашим народом»³⁸⁹.

Значение ответственности известный российский психолог достаточно точно описывает известным следующим высказыванием: «Ответственность (или безответственность) незримо присутствует во всём, причём, если её присутствие часто незаметно, то отсутствие сразу даёт о себе знать»³⁹⁰. Под термином «ответственность» понимается не просто сложная философская или этическая категория, но и имеющий системный характер феномен с богатым социальным и психологическим содержанием. Его исследование проводится различными науками социально-гуманитарной сферы. Как сложное явление и

³⁸⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 15 января 2020 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>)

³⁹⁰ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 19.

понятие, ответственность рассматривается исследователями в онтологическом, аксиологическом и гносеологическом аспектах.

Представляя собой синтетическую категорию, ответственность исследовалась разными науками: философией, психологией, правом, социологией, историей, политологией. Каждая из этих наук имеет собственный подход к феномену ответственности, концентрируется на его определенных характеристиках, элементах, проявлениях. Причем, как правило, в отечественной научной литературе «ответственность» рассматривалась и продолжает рассматриваться в двух аспектах: ответственность за прошлое поведение, противоречащее установленным нормам и правилам — ретроспективная ответственность; и ответственность за будущее поведение — перспективная (проспективная) - позитивная ответственность.

Следует отметить, что зарубежные ученые, как правило, рассматривали и рассматривают ответственность во всех аспектах, формах ее проявления (включая позитивную и негативную). Так, П. Рикер, помимо этико-юридической стороны ответственности, именуется позитивную ее форму — интерсубъективной³⁹¹. Две модели ответственности (позитивную и негативную) выделяет З. Шаварский³⁹². Причем, в зарубежных публикациях концепция позитивной ответственности получила свое дальнейшее развитие, а не исчезла, как это хотят представить некоторые отечественные ученые. Наоборот, эта концепция выступает одним из основных факторов в исследованиях фундаментальных феноменов необходимости, свободы, права, определении соотношения и взаимной зависимости этих явлений.

О философии ответственности

Традиционно, наибольшее внимание изучению различных аспектов личностной и коллективной ответственности уделялось в философских работах. Среди философов эту проблему затрагивали и анализировали Платон, Аристотель, Конфуций, И. Кант, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.П. Сартр, П. Бурдьё и

³⁹¹ Рикер П. Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 46.

³⁹² Шаварский З. Ответственность человека за свое здоровье // «Человек». 1994. № 2. С. 57.

другие. В их работах, категория ответственности обычно соотносится с понятиями долга, нравственного закона, совести, обязанности. В анализе проявлений ответственности философы часто исходят из соотношения свободы и необходимости, из характера взаимодействия личности и общества. С позиции философского осмысления, изучение ответственности, как особого отношения, возникающего в социуме в связи с действиями и обязанностями его членов, можно наблюдать уже в «Никомаховой этике» Аристотеля, как науке жить среди людей³⁹³. Задаваясь вопросом - свободен ли человек, живущий в обществе, в своих поступках, или же его поступки регламентированы обществом извне? – Иммануил Кант писал еще в XVIII в., что «человек ответственен за человечество в своем лице»³⁹⁴. По мнению Дж. Локка, ответственное поведение человека формирует триада «сознание-свобода-выбор», поскольку «свобода порождает ответственность, а ответственность направляет свободу»³⁹⁵.

Своеобразный прорыв в этой области наступил после появления в 1979 г. книги Г. Йонаса, который сформулировал принцип ответственности как объединение ценностей справедливости и свободы³⁹⁶. Как утверждал немецко-американский философ, человек уже в силу самого факта своего существования вынужден вопрошать и не только находить ответы на вопросы, но и отвечать, то есть быть ответственным перед миром.

В последние годы актуализировались междисциплинарные исследования ответственности: в контексте общей диалектики категорий свободы и необходимости, свободы и ответственности и сопряженных с ними понятий³⁹⁷;

³⁹³ Аристотель. Никомахова этика / Сочинения в 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 53-294.

³⁹⁴ Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. С. 478.

³⁹⁵ См.: Канке В.А. Философия. Исторический и систематический курс. М.: Наука, 1997. С. 229

³⁹⁶ Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Перевод с нем., предисл., примеч. И.И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.

³⁹⁷ Сержантов В.Ф. Человек, его природа, и смысл бытия. Л., 1990. 360 с; Тульчинский Г.Л. Свобода как человеческое измерение бытия // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 17–31.

как явление современного общества, социальный феномен³⁹⁸; в аспектах взаимосвязей ответственности и сознания, ответственности и морали, ответственности и права³⁹⁹.

Естественно, философы, занимались общеметодологическими аспектами социальной ответственности, при этом не выходили на анализ специфики и конкретных проявлений. Специалисты частных дисциплин, в том числе юриспруденции и политологии, концентрировались, напротив, на изучении проявлений ответственности или ухода от нее в конкретных социальных отношениях, отодвигая как второстепенный, общеметодологический, теоретический анализ ответственности⁴⁰⁰. В обоих подходах, исследования носили односторонний, отсюда неполный, и, нередко, необъективный характер.

Немало научных исследований посвящено проблематике моральной и этической ответственности субъектов политических отношений. В них также преобладают философские подходы к определению критериев морально-ответственного и этического поведения, к анализу правовых и неправовых способов регулирования этического аспекта деятельности представителей органов власти.

Феномен «ответственности» в юридической науке

Для понимания феномена ответственности публичной власти во всей ее полноте, нельзя обойти его правовую сторону. Ответственность является одной из важнейших категорий отечественной юридической науки, рассматриваемой правоведами, как правило, только в ее узком смысле, без взаимосвязи с ее

³⁹⁸ Ореховский А.И. Философия ответственности: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты. М.: Алгоритм, 2015. 288 с; Воробьева Т.В. Социальная ответственность личности в свете социально-гуманитарных и психолого-педагогических наук // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. С. 328–333.

³⁹⁹ Байниязов Р.С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение. 2001. № 5. С. 12–23; Величко А.М. Нравственный идеал и право // Правоведение. 2002. № 2. С. 187–203.

⁴⁰⁰ Кожевников О.А. Юридическая ответственность в системе права: автореф... канд. юрид. наук. Тольятти, 2003. 194 с; Лахина А.П. Социальная ответственность в системе управления социально-экономической деятельностью корпораций: автореф... канд. экон. наук. М., 2009. 141 с; Комина А.В. Авторитет, ответственность, доверие как реалии и императивы власти: Ддс. ...канд. филос. наук: Тверь. 2003. 168 с., и др.

социальными, психологическими и иными аспектами. В свою очередь, философы, социологи, давая определение ответственности характеризовали только те черты, которые характеризуют моральную, политическую, социальную и другие виды ответственности, не полностью отражающие признаки юридической ответственности.

Во-многом, такое положение связано с тем обстоятельством, что долгое время юридическая ответственность рассматривалась отечественными правоведами, преимущественно, в негативном плане, как следствие правонарушения. В советской литературе по правовой тематике, понятие юридической ответственности, как правило, определялось через применение мер государственного принуждения, как особая государственно-принудительная мера, обрушивающая на ответственного субъекта существенно новые, дополнительные обременения⁴⁰¹.

Полемизируя в то время с учеными-правоведами, Р. Косолапов и В. Марков справедливо указывали, что «юристы увлеклись «самой ретроспективнейшей из ответственностей» — уголовной ответственностью за преступление. И именно этот аспект ответственности рассматривается чуть ли как не единственный — просто потому, что недостаточно разработана проблема ответственности в целом, в ее позитивном аспекте»⁴⁰². Позднее, в 80-е гг. XX в., возник спор о том, можно ли включить в единое понятие ответственности ретроспективную (негативную) и позитивную юридическую ответственность, однако, этого так и не удалось сделать⁴⁰³. Сегодня, Д.А. Липинский и др. констатируют, что в научных работах все еще отсутствует терминологическая ясность при раскрытии категории юридической ответственности: её называют позитивной, негативной, ретроспективной, добровольной, государственно-принудительной, активной, интроспективной,

⁴⁰¹ См.: Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 34 – 43.

⁴⁰² Косолапов Р.И., Марков В.С. Свобода и ответственность. М.: Политиздат, 1969. С. 68.

⁴⁰³ См.: Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 7-8.

перспективной, ответственностью за соблюдение правовых норм, ответственностью за правонарушение, правовой ответственностью и пр.⁴⁰⁴

К настоящему времени, в юридической науке сложилось два основных направления в определении сущности и понятия юридической ответственности.

Некоторые ученые определяют юридическую ответственность исключительно в связи с совершением правонарушения, хотя по-разному определяют юридическую ответственность за правонарушение. Представители данного подхода (С.Н. Братусь, О.С. Иоффе, О.Э. Лейст, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшина, М.Д. Шаргородский Л.С. Явич и др.) связывают юридическую ответственность только с противоправным поведением, которое, в свою очередь, влечет за собой государственное принуждение и наказание. В данном случае, правомерные действия субъектов в понятие юридической ответственности не входят.

Другие правоведы, связывают понятие и сущность юридической ответственности не только с правонарушением, но с правомерными будущими и настоящими действиями, признавая позитивный и негативный аспекты юридической ответственности в их диалектическом единстве. Идею двухаспектной юридической ответственности, в целом, поддержали такие юристы как З.А. Астемиров, Б.Т. Базылев, Н.А. Боброва, Н.В. Витрук, В.А. Елеонский, Ю.И. Еременко, Т.Д. Зражевская, М.А. Краснов, В.Н. Кудрявцев, В.А. Кучинский, Д.А. Липинский, Е.А. Лукашева, В.С. Марков, Н.И. Матузов, А.С. Мордовец, Б.Л. Назаров, П.Е. Недбайло, Т.Н. Радько, В.В. Романова, В.М. Рудинский, В.А. Рыбаков, Н.А. Слободчиков, В.Н. Смирнов, М.С. Строгович, В.А. Тархов, Е.В. Черных, А.Л. Чирков, Б.С. Эбзеев, Р.Г. Ягутян и др.

Определенная сложность заключается в том, что представители второго направления неодинаково трактуют как негативный, так и позитивный аспекты юридической ответственности, и расходятся в общем определении

⁴⁰⁴ Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М.: РИОР, 2018. 139 с.

юридической ответственности, единства понимания сущности позитивной юридической ответственности также не сложилось.

Одно из направлений в теории права связано с пониманием позитивной ответственности как осознания долга, его эмоциональным осмыслением: В.Н. Кудрявцев утверждает, что позитивная ответственность возникает, когда на субъекта возлагается обязанность, которая осознается им в виде долга перед государством и обществом⁴⁰⁵. Ф.Н. Фаткуллин, Л.Б. Смирнов, В.А. Тархов и Н.В. Витрук полагают, что общим для двух видов юридической ответственности — негативной и позитивной, — есть обязанность дать отчет в своих действиях⁴⁰⁶. Как обязанность соблюдать предписания, требования правовых норм, представляют позитивную юридическую ответственность Б.Т. Базылев, В.А. Елеонский⁴⁰⁷. Как статутную, установленную нормативно до факта правомерного или противоправного поведения, в качестве модели действительно ответственного и должного поведения, рассматривает юридическую ответственность Е.В. Черных⁴⁰⁸. К этому мнению, близки позиции В.А. Кучинского и Н.И. Матузова, считающего позитивную ответственность - статусной ответственностью за надлежащее выполнение своих обязанностей, морально-правовым долгом⁴⁰⁹.

Некоторые ученые подразумевают под позитивной юридической ответственностью - реальное правомерное поведение субъекта: А.Н. Тарбагаев,

⁴⁰⁵ Кудрявцев В.Н. Субъективные элементы ответственности // Вопросы борьбы с преступностью. 1981. Вып. 34. С. 3–8.

⁴⁰⁶ Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1987. С. 265; Смирнов Л.Б. Юридическая ответственность осужденных в пенитенциарных учреждениях (теоретико-правовой аспект): автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 7; Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 4, 11; Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 362.

⁴⁰⁷ Базылев Б.Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4. С. 43; Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 29.

⁴⁰⁸ Черных Е.В. О нормативном характере юридической ответственности // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1998. Вып. 1 (10). С. 80—81.

⁴⁰⁹ Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 160; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 214.

И.С. Ретюнских⁴¹⁰. По мнению Б.Т. Разгильдиева, в уголовном праве РФ, правильное будет именовать позитивную ответственность - поощрительной уголовной ответственностью⁴¹¹.

Большинство ученых, признающих существование позитивной юридической ответственности, подчеркивают единство позитивного и негативного в явлении ответственности: юридическая ответственность едина, но имеет различные аспекты (позитивный и негативный)⁴¹². Как добровольную форму реализации юридической ответственности, позитивную ответственность видят В.Н. Кудрявцев, В.А. Номоконов, В.В. Похмелкин — это юридическая обязанность соблюдения требований правовых норм, реализующаяся в правомерном поведении⁴¹³.

По мнению В.Ф. Кузнецова, материальное (объективное) содержание позитивной ответственности образует деятельность, заключающаяся в соблюдении правовых требований, добровольном возложении на себя дополнительных обязанностей, исполнении и использовании юридических норм, в то время как субъективное содержание позитивной ответственности этот автор трактует как социально-психологическое отношение лица к общественным ценностям, которое выражается в осознании долга перед обществом, государством и другими людьми, необходимость подчинения своего поведения нормам права, в определенном чувстве ответственности⁴¹⁴.

В вызвавшей большой резонанс монографии «Общая теория юридической ответственности», Н.В. Витрук констатирует, что признание

⁴¹⁰ Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве. Красноярск, 1994. С. 11—12; Ретюнских И.С. Уголовно-правовые отношения и их реализация. Воронеж, 1997. С. 19.

⁴¹¹ Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 152.

⁴¹² Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. № 6. 2014. С. 42.

⁴¹³ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 287; Номоконов В.А. Преступное поведение: механизм, детерминизм, причины, ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 29; Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск, 1990. С. 34, 57.

⁴¹⁴ Кузнецов В.Ф. Проблема юридической ответственности в Российском праве // Проблемы права. 2005. № 1. С. 82-88.

ответственности субъектов права в правомерном поведении и введение в научный оборот категории позитивной ответственности обогатило теорию ответственности. По мнению видного правоведа, судьи Конституционного Суда РФ, правовая ответственность есть не только явление общественного сознания, идеальное представление о справедливой ответственности за правонарушение, но и ответственность в правомерном поведении - активно-позитивная ответственность участников общественных отношений⁴¹⁵.

Идея позитивной ответственности имеет многих сторонников, даже среди специалистов в области уголовного и уголовно-процессуального права⁴¹⁶. Немаловажно, что позитивная ответственность нашла свое отражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ⁴¹⁷.

Об ответственности в политической сфере

Дифференцируя ответственность в государственно-организованном обществе, Н.В. Витрук выделяет политическую ответственность, означающую необходимость выполнения требований, вытекающих из политических норм и отношений, а также осуждение за их невыполнение, ненадлежащее исполнение⁴¹⁸. Так, деятельность политических партий, органов государственной власти (законодательной, местного самоуправления), их

⁴¹⁵ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: РАП, 2008. С. 22, 32.

⁴¹⁶ См.: Бутнев В.В. Юридическая ответственность и правовое государство // Юридическая ответственность: общие проблемы и отраслевые особенности. Владивосток, 1990. С. 5; Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 83; Москвитина Т.А. Некоторые проблемы уголовно-процессуальной ответственности // Юридическая ответственность: общие проблемы и отраслевые особенности. С. 104; Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. С. 13—14.

⁴¹⁷ См.: Морозова Л.А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 3. С. 21; Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 84; Баглай М. Конституционное правосудие в России состоялось // Рос. юстиция. 2001. № 10. С. 2; Топорнин Б. Конституционный Суд РФ — эффективный фактор развития права // Рос. юстиция. 2001. № 10. С. 35; Тиунов О. Решение Конституционного Суда РФ и международное право // Рос. юстиция. 2001. № 10. С. 14; Митюков М. Исполнение актов Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации // Рос. юстиция. 2001. № 6. С. 12.

⁴¹⁸ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: РАП, 2008. С. 11.

должностных лиц, предполагает политическую ответственность перед социальными общностями, интересы которых они выражают.

Как отмечают Б.Н. Габричидзе и А.Г. Чернявский, политическая ответственность относится к одной из самых актуальных, сложных и недостаточно разработанных проблем. В отечественной литературе наиболее часто встречается словосочетание «социальная ответственность», при этом политологический аспект такого понятия слабо выражен. Эти авторы пишут, что политическая ответственность наступает при нарушении норм, соблюдение которых возлагается обществом на публичного политика⁴¹⁹.

В свою очередь, А.С. Разин и А.В. Белов, наряду с индивидуальной и коллективной, выделяют, моральную, гражданскую и юридическую виды ответственности; политическая составляющая в их классификации отсутствует⁴²⁰. Иная точка зрения у А.К. Агапонова, который разграничивает юридическую и политическую ответственность, определяя последнее понятие как «осознание ответственной зависимости политического лидера, субъекта властных отношений от государства, гражданского общества, политической организации, населения и в деятельности по осуществлению коллективно выработанного курса, выполнению предвыборной программы, обещаний перед электоратом, неуклонное следование в своей деятельности конституционным положениям и политико-правовым нормам»⁴²¹.

В диссертации Д.Ю. Знаменского, ответственность органов и должностных лиц публичной власти рассматривается как сложное понятие, включающее не только юридическую, но также политическую, социальную и моральную ответственность. При этом, политическая ответственность трактуется автором функционально, как осознание ответственной зависимости политического лидера, субъекта властных отношений от государства,

⁴¹⁹ Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. С. 12-13, 100-101.

⁴²⁰ Разин А.С., Белов А. В. Формы, виды и правовое поле социальной ответственности // Политика и общество. 2012. № 3 (87). С. 4-12.

⁴²¹ Агапонов А.К. Ответственность региональной политической власти: анализ и технологии (на примере ЮФО) // «Власть». 2004. № 6. С. 29-30.

политической организации, населения в деятельности за осуществление коллективно выработанного курса, выполнение обещаний, данных электорату, следование конституционным положениям государства⁴²². В этом же ключе, рассуждает и Н.М. Колосова: политическая ответственность — это ответственность власти перед обществом за выполнение принятых на себя обязательств, обещаний, программ, при этом, мерой ответственности автор считает отстранение от должности тех, кто не должным образом осуществлял свои публичные функции⁴²³.

Большой объем исследований по проблеме ответственности политической власти как подхода более многогранного и синтетического, внесли зарубежные, в основном американские и английские ученые. Причем, они сосредоточились на этой проблематике значительно раньше отечественных исследователей — примерно начиная с 50-х годов XX века — и содержательно разделили понятия «ответственности» и «подотчетности». В политической науке, большинство опубликованных работ связано с анализом возможных вариантов отношений между властью и населением, в частности, на методологической основе теории «агент-принципал»⁴²⁴.

По мнению А.А. Кондрашева, особенностью политической ответственности является отрицательная оценка деятельности государственного органа или должностного лица, недостатки при осуществлении публично-правовых, политических функций, или отсутствии должной управляемости процессов реализации государственной власти⁴²⁵. В.Е.

⁴²² Знаменский Д.Ю. Ответственность и эффективность деятельности органов и должностных лиц публичной власти в Российской Федерации: автореф. дис... канд. полит. наук. 2007. С. 8-10; Знаменский Д.Ю. Ответственность и эффективность деятельности органов и должностных лиц публичной власти в Российской Федерации: дисс... канд. полит. наук. 2007. С. 122, 178.

⁴²³ Колосова Н.М. Конституционная ответственность: природа, особенности, структура. Монография. М.: МАЭП, 2005. 194 с.

⁴²⁴ Lindberg Staffan I. Accountability: the core concept and its subtypes. Institute of Development Studies at the University of Sussex. Brighton. 2009. № 4. Pp. 1-25.

⁴²⁵ Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность субъектов РФ: вопросы теории и проблемы реализации // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 28-29.

Чиркин замечает, что политическая ответственность правительства и министров имеет важную особенность – она возможна не только за правонарушения, но и без таковых, что чаще всего и бывает⁴²⁶.

Продолжаются споры о соотношении политической и юридической (конституционно-правовой ответственности): конституционно-правовая ответственность есть политическая ответственность, которая приобрела конституционные формы⁴²⁷; политическая ответственность – самостоятельный вид конституционной ответственности⁴²⁸; политическая ответственность – позитивная конституционная ответственность⁴²⁹. В свою очередь, Л.Э. Котковский считает, что политическая ответственность более широкое явление, но юридическая и политическая ответственность максимально приближены друг к другу (политическая ответственность – позитивная конституционная ответственность)⁴³⁰.

Ответственность как психологический феномен

Являясь одним из самых сложных явлений в психологии, феномен личностной ответственности активно изучается многими отечественными и зарубежными учеными-психологами. Авторы исследовали общие проблемы ответственности, ее типологические особенности, психологические детерминанты, факторы становления и возможности диагностики ответственности, условия регуляции и реализации ответственности, качество

47. Сапаргалиев Г.С., Салимбаева Ж.Ч. Проблемы конституционной ответственности. Алматы, 2001. С. 56.

48. Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2011. С. 14.

49. Котковский Л.Э. Юридическая ответственность субъектов публичного права: автореф... дис. канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 25 с.

⁴²⁶ Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. 7-е изд. М.: Юристь, 2013. С. 312

⁴²⁷ Виноградов В.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Законодательство. 2002. № 10.

⁴²⁸ Сапаргалиев Г.С., Салимбаева Ж.Ч. Проблемы конституционной ответственности. Алматы, 2001. С. 56.

⁴²⁹ Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: дис... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14.

⁴³⁰ Котковский Л.Э. Юридическая ответственность субъектов публичного права: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 25 с.

ответственности у представителей разных профессий⁴³¹. Научная трактовка ответственности в психологии многогранна, это: «отношение и мера» исполнения требований всего спектра моральных и правовых норм, способность ассимилировать и реализовывать общественные нормы и правила морали, оценивать и исполнять моральные требования с точки зрения соответствия их переживаемым убеждениям, быть готовым дать отчет за свои действия; личностный механизм реализации необходимости, особенность организации деятельности, поведения личности, регуляция поведения.

Основные исследования ведутся в направлении регуляции поведения человека на основе нравственного выбора (морально-нравственный аспект), и регуляции поведения человека на основе предвидения его последствий (когнитивный аспект). Проблема ответственности рассматривалась в контексте характеристики личности, в соотношении с категориями свободы и личного выбора, в рамках различных теорий и направлений психологической науки.

Д.А. Леонтьев отмечает, что ответственность зрелой личности представляет собой внутреннюю регуляцию, опосредованную ценностными ориентирами⁴³². По мнению представителей экзистенциальной психологии, ответственность личности за собственные действия рассматривается как важный стимул разрешения возникающих в процессе жизни проблем⁴³³. В контексте жизнедеятельности личности, ответственность исследовали такие ученые, как Б.Ф. Ломов и С.Л. Рубинштейн; морально-нравственный аспект этой проблемы нашел отражение в трудах А.И. Ореховского; социально-психологическое направление, – ответственность как результат интеграции всех психических функций личности, – нашло отражение в трудах К.

⁴³¹ См.: Электронная библиотека диссертационных работ по психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/disser/ru.html>

⁴³² Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.

⁴³³ Мэй Р. Любовь и воля; пер. О.О. Чистякова, А.П. Хомик. М.: Рефл-бук. Киев: Ваклер, 1997. 198 с; Сартр Ж. Экзистенциализм – это гуманизм / Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

Муздыбаева⁴³⁴. По мнению Л.И. Дементий, ответственность есть жизненное новообразование и способность личности⁴³⁵.

Общий анализ вышеприведенных работ ученых-психологов позволяет определить психологический аспект ответственности, как позитивное качество личности, проявляющее способность к саморегуляции на основе осознания себя и своих ценностных ориентиров, как субъекта выполнения деятельности.

Этические основания ответственности

Этические основания ответственности содержательно представил философ-гуманист А. Швейцер, определяя этику как «безграничную ответственность за все что живет»⁴³⁶. Как верно замечает А.И. Ореховский, философия права в должной мере еще не закладывает ценностные основания в текущее законодательство, этическое понимание ответственности глубоко связано с самой природой этики и морального сознания⁴³⁷.

Под моралью в этике понимают особую форму общественного сознания, предназначенную для регуляции общественных отношений — саморегуляции. Эта саморегуляция опирается на следующие этические категории: добро и зло, справедливость, совесть, долг, честь, достоинство, гражданственность, смысл жизни и др. Моральные принципы и нормы обращены к человеку как таковому. Вот почему моральные требования, возникающие перед индивидом, предполагают его свободу воли и поступание по совести. В морали человек отвечает прежде всего перед самим собой, а затем перед значимыми для него другими. А отвечает он за сохранение своей внутренней свободы, совести,

⁴³⁴ Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с; Сергей Леонидович Рубинштейн / Под ред. К. А. Абульхановой. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с; Ореховский А.И. Ценностные основания государственной власти // Сб. статей «Проблемы формирования и утверждения в российском обществе ценностей права, свободы и справедливости. Новосибирск, 2006. С. 207-214; Муздыбаев К. Психология ответственности. М.: Наука, 1983. С. 21.

⁴³⁵ Дементий Л.И. Ответственность: типология и личностные основания: монография. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 192 с.

⁴³⁶ Швейцер А. Культура и этика. Перев. с нем. М.: Прогресс, 1973. 337 с.

⁴³⁷ Ореховский А.И. Философия ответственности: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 288 с.

своей чести, человеческого достоинства в себе. Иначе говоря, моральность возможна, когда свободный человек отвечает за свои личные качества и сам дает им оценку.

Ответственность по определению этики — это соответствие поведения, результатов поступка содержанию моральных норм. Ответственность, сочетающаяся с инициативой, позволяет личности самой строить целостный контур деятельности, дифференцировать и связывать необходимое и желательное, устанавливать последовательность задач, добиваться успеха, несмотря на неожиданные трудности⁴³⁸.

Понимание ответственности содержит момент оценивания содержания деятельности и ее последствий с точки зрения моральных требований и обязанностей, таких как долг, честь, достоинство, патриотизм и др. В работах Г. Йонаса, выполненный немецким философом тщательный анализ важнейших факторов действительности, политических и философских позиций, позволил обосновать необходимость формирования новой этики. В этой концепции, перед этикой встают две обязанности будущего: первая - формировать представления об отдаленных последствиях деятельности человека; вторая — мобилизовать соразмерные этим представлениям чувства готовности принять близко к сердцу еще только воображаемые счастье и несчастье будущих поколений. Главным же принципом новой этики, по Йонасу, должен стать принцип ответственности за будущие поколения, из которого вытекал императив ответственности субъекта действия: «Поступай так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с непрерывностью подлинной человеческой жизни на земле»⁴³⁹. Подчеркнем, что ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями закреплена в преамбуле действующей Конституции РФ.

Проблема ответственности публичной власти

⁴³⁸ Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., Изд. «Институт психологии РАН», 1997 г. 336 с.

⁴³⁹

Необходимость повышения эффективности государственного аппарата, обеспечения высокой результативности в его работе актуализировала в последние годы проблему ответственности публичной власти за свои действия и решения. Характеризуя российское чиновничество, Президент РФ неоднократно подчеркивал, что оно «еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса», необходимы меры, направленные на то, чтобы «государственный аппарат был эффективным», необходима «ответственность всех без исключения уровней власти». В Послании Федеральному Собранию 2020 г., глава государства говорит о служении, как миссии государственной службы⁴⁴⁰.

Однако, несмотря на предпринятые преобразования государственной службы, существенные недостатки в функционировании государственного аппарата не устранены, прежде всего, вследствие недостаточной ответственности государственных служащих, как профилактического, регулятивного и стимулирующего средства. Проблемы совершенствования государственной службы стали предметом специальных и монографических исследований, многочисленных публикаций в периодических изданиях, что свидетельствует о высоком научном интересе к рассматриваемой проблеме, ее актуальности и исключительно высокой общественной значимости⁴⁴¹.

⁴⁴⁰ Выступление Президента РФ на расшир. заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. // Рос. газета. 2008. 9 февр.; России надо быть сильной и конкурентоспособной. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2002 г. // Рос. газета. 2002. 19 апреля; Послание Президента РФ 2005 г. // Рос. газета. 2005. 26 апреля; Послание Президента Федеральному Собранию, 15 января 2020 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

⁴⁴¹ По этой проблематике защитили докторские диссертации: Казанцев Н.М. Публично-правовое регулирование государственной службы (институционально-функциональный анализ). М., 2000; Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты). М., 2003; Гришковец А.А. Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в Российской Федерации. М., 2004. Свыше 20 соискателей защитили кандидатские диссертации., среди них: Сандальникова Е.В. Юридическая ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование, 2007; Чуева А.В. Ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации по административному праву». 2005; Шушпанова С.А. Должностной проступок как основание дисциплинарной ответственности государственного служащего».

Правовым, организационным и иным аспектам института государственной службы посвящены труды многих известных ученых-юристов и государствоведов: Д.Н. Бахраха, К.С. Бельского, А.А. Гришковца, А.А. Демина, Н.М. Казанцева, В.А. Козбаненко, М.А. Краснова, Б.М. Лазарева, В.М. Манохина, А.Ф. Ноздрачева, А.В. Оболонского, Д.М. Овсянко, Ю.Н. Старилова, М.С. Студеникиной, и других авторов.

Разработкой проблем эффективности государственного управления, его реформирования, совершенствования организации и правового регулирования деятельности исполнительной власти, ответственности в административном праве, смежными проблемами административного, государственного и некоторых других отраслей публичного права занимаются также: С.А. Авакьян, А.П. Алехин, Г.В. Атаманчук, И.Л. Бачило, И.Н. Барциц, В.Д. Граждан, А.С. Дугенец, В.Г. Игнатов, С.П. Ломтев, Б.В. Россинский, Н.Г. Салищева, Ю.А. Тихомиров, С.Д. Хазанов, Н.Ю. Хаманева, В.В. Черепанов, А.П. Шергин, и многие другие ученые.

Вместе с тем, несмотря на повышенный интерес к институту государственной службы в целом, вопросы ответственности государственных служащих не получили в современной науке всестороннего теоретического осмысления и должной разработки. Усилия по реформированию института государственной службы, практически, не затронули вопросов совершенствования ответственности должностных лиц публичной власти, которая трактуется традиционно, в контексте негативной ответственности.

2002. и др. См.: Овсянко Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение: Общетеоретическое и конституционно-правовое исследование. Ростов н/Д: Эверест, 2005. 276 с.; Виноградов В.А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя. М.: Институт права и публичной политики, 2005. 420 с.; Бахрах Д.Н. Государственная служба России: Учеб. пособие. М.: ТК «Велби»; изд-во «Проспект», 2007. 152 с.; Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007. 301 с.; Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: Курс лекций под ред. нач. каф. административной деятельности Мос. универ. МВД России И.Б. Кардашовой. М.: Изд-во «Щит-М», 2004. 192 с.

Планирование и осуществление мероприятий, направленных на совершенствование и повышение эффективности государственной службы, не сопровождались должными мерами стимулирования адекватной позитивной ответственности чиновников, реализующейся в инициативных, компетентных и опережающих действиях, уступая место бюрократическому саботажу.

Можно констатировать, что второстепенное отношение к вопросам усовершенствования ответственности в сфере государственной и иной публичной службы нарушает пропорцию между стимулами («пряником») и ограничениями («кнутом»), которые наряду с другими средствами должны обеспечивать высокую результативность государственно-служебной деятельности, выполнять профилактическую и регулятивную функцию. Ведь, ответственность — это не только осознать и претерпеть все последствия уже содеянного, но и ответственность за все возможно упущенное⁴⁴². Ответственность особенно важна для служащих, относящихся, по классификации Е.А. Климова, к типу взаимодействия «человек — человек»⁴⁴³.

Разрешая проблему позитивной ответственности государственных и муниципальных служащих, сообразно подойти к ней не как к какому-то обособленному безличному социальному институту, принуждающему людей соблюдать законы страны, а как к социальному и психологическому явлению, связанному с реальным сознанием и поведением субъектов власти — должностных лиц, которые должны эффективно реализовать полномочия и исполнять свои субъективные служебные обязанности, выраженные обычно в нормах права и служебных установлениях. С этих позиций, позитивная ответственность, является сугубо личностным ценным этическим, социальным и психологическим свойством субъектов государственной и муниципальной службы. Она есть необходимая способность (знание, умение, осознанная воля) должностного лица, служащего своевременно определять вид и меру своих

⁴⁴² Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012. С. 121

⁴⁴³ Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2004. С. 183-188.

субъективных служебных обязанностей перед правомочными лицами при своем вступлении в ту или иную статусную роль в государственном или муниципальном аппарате, инициативно, своевременно и добросовестно их исполнять (соблюдать). А тем самым — реализовывать свою позитивную ответственность не только перед вышестоящим правомочным субъектом власти, но и перед обществом и государством, которые обоснованно рассматривая административно-управленческую деятельность государственного и муниципального аппарата как служение, ценностно-нормативно определили вид и меру данной ответственности. Соответственно, антиподом позитивной ответственности является безответственность субъектов власти — неисполнение (несоблюдение), в целом или частично, должностным лицом установленных статусно-ролевых субъективных служебных обязанностей перед правомочными лицами, обществом и государством.

Следует подчеркнуть, что в историческом контексте, архетипической особенностью российского общественного сознания и правосознания является глубокое взаимопроникновение идеи государственного служения и ответственности, как личного качества «служивого человека», в широком смысле этого понятия. Служение — идея, глубоко связанная с константами бытия и сознания, где ответственность находится на грани сознательного и бессознательного (как необходимого). Это ответственность — долг перед определенными устоями бытия: перед родом и народом (общинность), перед Богом (религиозность — развивающая, поднимающая человека к личностным вершинам, а не рабская), перед Родиной (гражданственность, патриотизм). Элиту служения «общему благу», а не элиту собственников, необходимо формировать и продвигать в качестве главной социально-нравственной силы, которая объединяла бы все социальные слои и сословия, все стороны жизни общества, в единый слаженный организм.

Основные выводы и предложения

Выполненный анализ публикаций по проблеме ответственности и результаты изучения нормативных актов действующего законодательства в

сфере государственной и муниципальной службы, позволяют сформулировать следующие основные выводы.

1. В настоящее время, в юридической науке нет единой концепции института ответственности государства и его представителей – служащих и должностных лиц. Остаются спорными трактовка понятия, соотношения различных видов и аспектов ответственности.

2. Действующее законодательство, регламентирующее государственную и муниципальную службу, базируется на понимании ответственности только как юридической, в ее негативном ретроспективном аспекте.

3. Позитивная ответственность как фундаментальный принцип деятельности субъектов публичной власти, и как руководящая идея служебных отношений, не нашли отражение в Федеральном законе «О государственной гражданской службе», в других важных регламентирующих документах государства, что сдерживает должное развитие правостимулирующей кадровой и наградной политики в государственном управлении.

4. Признание только ретроспективной юридической ответственности в ее негативном аспекте не способствует своевременному принятию субъектами публичной власти надлежащих решений, поскольку предвидение результатов своей деятельности и осмысление ее общественной значимости реализуются только в позитивной ответственности должностных лиц.

Ответственность является принципиальной характеристикой любого общественного института и, прежде всего, системы государственной власти и муниципального самоуправления. Государство испытывает огромную потребность в ответственном отношении к своей деятельности руководящего слоя общества, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. Причем, уровень ответственности определяется масштабом властных полномочий и ресурсными возможностями субъекта власти, а степень ответственности – личными качествами, ответственностью служащего.

Пришло время, на междисциплинарной основе дать научное обоснование двухаспектной концепции «публично-правовая ответственность», в которой

сочетаются этические, политические, юридические и иные виды ответственности, а публичная власть несет субсидиарную и солидарную ответственность перед своим источником – гражданином, обществом, народом, в целом. Публично-правовую ответственность власти необходимо закрепить в качестве фундаментального принципа в деятельности государственных и муниципальных служащих, реального механизма «выдвижения народом во власть на всех уровнях ответственных людей, профессионалов, мыслящих в категориях национального и государственного развития и способных добиваться результата»⁴⁴⁴. Исходя из примата позитивной публично-правовой ответственности субъекта властных полномочий, государство призвано сегодня широко использовать в сфере государственной и муниципальной службы адекватные формы и методы стимулирующей кадровой и наградной публичной политики.

2.5 Модель жизнеспособных систем в контексте проблем сложности и устойчивости публичного управления и регулирования

Как пишет современный немецкий философ Клаус Майнцер, «страны и нации представляют собой сложные системы, развитие которых подчиняется законам нелинейной динамики», при этом «развитие политического, социального или культурного порядка является не только суммой отдельных намерений, а коллективным результатом нелинейных взаимодействий»⁴⁴⁵. Нелинейная динамика означает, что всеми процессами во всех их деталях невозможно управлять только централизованно, используя систему государственного (публичного) управления и административно-правового регулирования, необходимо принимать во внимание нелинейные взаимодействия сочленов социума, децентрализованные процессы самоорганизации общества и его социальных групп. Причем, социокультурная эволюция государств и социально-политических систем не ограничивается

⁴⁴⁴ Путин В.В. Демократия и качество государства // Рос. газета. 2012. 6 февраля.

⁴⁴⁵ Майнцер К. Сложность бросает нам вызов в XXI веке: динамика и самоорганизация в век глобализации / Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика» // URL: <https://spkurdyumov.ru/>

каким-либо фиксированным пределом сложности, при достижении определенных пороговых структурных параметров порядка, общественные системы в своей трансформации либо достигают в историческом времени и социокультурном пространстве очередного, достаточно устойчивого, метаравновесного состояния (аттрактора), либо с неизбежностью попадают в область неустойчивости, хаоса и саморазрушения.

Традиционное понимание общественной динамики, восходящее к понятиям термостата и гомеостаза, поясняющее достижение некоторого стабильного состояния общества. Так, рассматривая гомеостазис больших социальных систем с системно-юридических позиций, Б.В. Россинский и другие определяли это понятие как социально-правовой механизм, который обеспечивает стабилизацию и сохранение уровня системной устойчивости в условиях действия на них многих возмущающих и дестабилизирующих факторов⁴⁴⁶. Современная теория сложных систем дополняет традиционное понимание нелинейной динамики картиной фазовых переходов в диссипативной системе⁴⁴⁷, образованной из институциональных структур общества, которые могут возникать и оставаться достаточно неизменными только в определенном диапазоне действующих внутренних и внешних условий⁴⁴⁸.

Тысячелетняя историческая траектория общественной эволюции Российского государства характерна не только периодами относительно

⁴⁴⁶ В.И. Кнорринг определяет гомеостаз как «постоянство свойств внутренней среды, устойчивость основных функций системы»; по Б.В. Россинскому, «гомеостаз — это равновесие между динамичностью и стабильностью систем, в частности систем государственного управления. Механизм сохранения гомеостаза называется гомеостазисом». См.: Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления. 2-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2001. С. 500; Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 109-110.

⁴⁴⁷ Диссипативная система — стационарная открытая система или неравновесная упорядоченная структура, возникающая в результате самоорганизации. См., например: Бекман И.Н. Нелинейная динамика сложных систем: теория и практика. М.: 2018. С. 19 // URL: <http://lit.i-docx.ru/>

⁴⁴⁸ Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009; Майнцер К. Сложность бросает нам вызов в XXI веке: динамика и самоорганизация в век глобализации / Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика» // URL: <https://spkurdyumov.ru/>

устойчивого развития, но и резкими фазовыми переходами, обусловленными грузом внутренних проблем и внешних угроз, что неоднократно приводило к слому государственной машины и общественных устоев (распад Киевской Руси, Смута в Московском царстве, крах Российской империи, развал СССР). Такого рода катастрофы свидетельствуют о социально-политической неустойчивости исторически складывавшихся форм Российского государства. Хотя после каждого исторического катаклизма Россия убедительно восстанавливала и наращивала свой геополитический, организационный, экономический и военно-оборонительный потенциал, известный «эффект колеи» (Path Dependence)⁴⁴⁹ говорит о значительных рисках для грядущего исторического пути Российской Федерации.

Отсюда, необходим поиск концептуальных подходов к решению проблемы жизнеспособности Российского государства и общества, выбора таких инструментов публичного управления, правового регулирования, общественной самоорганизации, которые способствовали бы на современном этапе не только выживанию и сохранению страны как субъекта истории, но и сбалансированному развитию общества на длительный исторический период. В этом контексте, следует обратиться к Преамбуле действующей Конституции РФ, в которой презюмируется, что, соблюдая «суверенную государственность России», многонациональный народ страны обязуется «обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями»⁴⁵⁰. Отсюда следует, что политика публичного и социального управления должна быть направлена на повышение жизнеспособности государства, призванной обеспечить устойчивое суверенное существование России в современном мире, и создавать для будущих реальные возможности жить в суверенном российском государстве. Продолжение

⁴⁴⁹ «Эффект колеи» (Path Dependency) - зависимость от предшествующего развития. См., например: Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. Is. 4. P. 507–548.

⁴⁵⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

долгосрочного исторического существования российской многоэтнической нации и государства, в условиях внешних и внутренних угроз, поддержание устойчивости и жизнеспособности социума как основополагающего начала для организации жизнедеятельности и развития современной России во всем ее доставшемся от предков цивилизационном многообразии становится сложнейшей научной проблемой и вызовом практической политики публичной власти.

Дальнейшее движение по «накатанной» колее российской истории во многом будет предопределено духовно-нравственными ценностями российского социума, религией, политическими предпочтениями, традициями правовой системы, культурным многообразием и характером многоэтнического народа, разнообразными природно-климатическими условиями, географическими просторами России, окруженной множеством соседних стран, действием всех факторов, оказывающих свое влияние на формирование российской идентичности и развитие страны.

В современных условиях, одним из определяющим факторов в обеспечении качества, результативности и эффективности⁴⁵¹ практики публичного управления и администрирования, как организующего и регулирующего воздействия государства на жизнедеятельность людей и жизнеспособность страны, выступает выбор адекватной концепции, метода, модели системы и процессов государственного и социального управления, с учетом междисциплинарного подхода к теоретическому обоснованию принципов построения. Действительно, заложенные в работах пионеров кибернетики фон Неймана, Н. Винера, У. Эшби, В.М. Глушкова и др., принципы управления, столкнулись с серьезными противоречиями,

⁴⁵¹ Под эффективным публичным управлением мы здесь понимаем управляющие и регулирующие воздействия, способствующие укреплению и повышению жизнеспособности социума. Заметим, что применительно к публичному управлению, понятие «эффективное» пока не получило должного доктринального политико-правового и аксиологического закрепления.

обусловленными сложностью и масштабом задач управления и регулирования в социальных системах.

В последние десятилетия, поиски адекватной методологии привели к появлению новых подходов к управлению большими социальными системами, направленных на достижение ими качества жизнеспособности: здесь можно назвать теории Д. Миллера (1978)⁴⁵², Ст. Бира (1981-1985)⁴⁵³, других авторов⁴⁵⁴. По всей видимости, из рассмотренных вариантов методологии, именно модель жизнеспособных систем (МЖС) Ст. Бира наиболее проработана теоретически, обладает диагностической эффективностью, и, практически, лучше приспособлена к организационному проектированию социальных систем с управлением. Как утверждает Ст. Бир, МЖС определяет необходимые предварительные условия жизнеспособности любой социальной системы⁴⁵⁵.

В науке об управлении в сложных нелинейных динамических системах, «жизнеспособная система» — это система, способная достаточно долго сохранять и поддерживать самостоятельное существование, или выживать в неблагоприятной внешней среде⁴⁵⁶. Принцип жизнеспособности можно рассматривать в качестве обобщенного критерия способности государства к эффективному политико-правовому управлению ресурсами, обеспечивая его длительное суверенное существование, адаптируясь к динамическим изменениям среды, эффективно разрешая проблемные и кризисные ситуации, возникающие вследствие внутренних и внешних угроз и воздействий.

Строгие методы традиционной науки способствующие обеспечению существования долговечных организационных и социальных систем сегодня

⁴⁵² Miller J.G. (1978) Living Systems; New York: McGraw-Hill 1978.

⁴⁵³ Бир С. Мозг фирмы. М.: УРСС, 2009; Бир С. Наука управления. М.: УРСС, 2007; Бир С. Кибернетика и менеджмент. М.: УРСС, 2006.

⁴⁵⁴ Adam M. Lebensfähigkeit sozialer Systeme: Stafford Beer's Viable System Model im Vergleich. Bamberg, 2000.; Bamberg 2000; Aubin J.P. (1997) Viability Theory, Berlin and New York: Springer 1997; Golinelli G.M. Viable Systems Approach. Governing Business Dynamics; Cedam: Padua, Italy, 2010.

⁴⁵⁵ Beer S. (1984) The Viable System Model: Its Provenance, Development, Methodology and Pathology; in: Journal of the Operational Research Society Vol. 35, 1984, 7-25.

⁴⁵⁶ Докторович А. Б. Разнообразие и сложность жизнеспособной системы // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 86-91.

отсутствуют, альтернативным идеям и практике создания жизнеспособных систем и объектов посвящены исследования и разработки британских ученых кибернетической школы У. Эшби и Ст. Бира⁴⁵⁷. В их разработках, жизнеспособность организации определяется как ее способность, в заданных условиях и конкретном окружении, поддерживать автономное существование и свои важнейшие функциональные характеристики.

Известная теорема Конанта-Эшби утверждает, что «каждый хороший регулятор системы должен быть моделью этой системы»⁴⁵⁸. Т.е. для создания структуры управления, обеспечивающей жизнеспособность социальной системы, необходима надлежащая модель управляемого объекта. Теоретико–множественный подход, в котором Ст. Бир определил условия и предпосылки жизнеспособности организаций и социальных структур, получил известность под названием «модель жизнеспособных систем» (МЖС)⁴⁵⁹.

Впервые, на основе МЖС была предпринята попытка создать кибернетическую систему управления экономикой государства (Чили) еще в 1972 г.⁴⁶⁰ В последующие годы, практические приложения кибернетической концепции жизнеспособности получили широкое распространение в качестве методологии управления разнообразными сложными организационными и социальными объектами, такими как промышленные предприятия, проектные организации, отрасли экономики и социальной сферы, городские хозяйства и др.⁴⁶¹

Согласно методологии жизнеспособности, способность сложного объекта (организации, социальной системе) сохранять свою внутреннюю структуру в состоянии динамического равновесия при различных возмущениях (гомеостаз) осуществляется за счет «самоорганизации» и «управления», представляющего

⁴⁵⁷ Бир С. Наука управления. М.: УРСС, 2007; Бир С. Мозг фирмы. М.: УРСС, 2009; Эшби У. Введение в кибернетику / Пер. с англ. 4-е изд. М.: УРСС. 2009.

⁴⁵⁸ Conant R.C., Ashby W.R. Every good regulator of a system must be a model of that system. Int. J. Systems Sci., 1970, vol. 1, No. 2, 89-97.

⁴⁵⁹ Бир С. Наука управления. М.: УРСС, 2007; Бир С. Мозг фирмы. М.: УРСС, 2009.

⁴⁶⁰ Бир С. Мозг фирмы. М.: УРСС, 2009.

⁴⁶¹ Schwaninger M. & Scheef C. “A Test of the Viable System Model: Theoretical Claim vs. Empirical Evidence”, Cybernetics and Systems, pp. 1-26, Aug. 2016.

собой процесс поддержания гомеостазиса, адекватной реакции регулятора на возмущения и изменения во внутренней и внешней среде. Воспринимая внешние и внутренние возмущения с помощью соответствующих рецепторов, регулятор (система управления) воспринимает и интерпретирует полученные данные, предпринимая ответные действия, с учетом установленных критериев и целевых установок. Задача регулятора – поддерживать гомеостазис, обеспечивающий в динамическом режиме нахождение набора ключевых показателей объекта в зоне жизнеспособности объекта.

В МЖС реализован метаязык для отображения организационной сложности и анализа жизнеспособности больших социальных систем (в частности, государства). Рекурсивная⁴⁶² структура модели включает три базовых метаэлемента: (О) Операции и процессы духовного и материального производства идей, товаров или услуг; (М) Метасистемное политико-правовое публичное и социальное управление - отвечает за обеспечение операций (О) всей, необходимой для их устойчивого производства и воспроизводства, административно-правовой поддержкой; и (В) Внешняя среда - с которой государство обменивается энергией, информацией, идеями, продуктами или услугами, и в которой государство живет и воспроизводит свои функции.

Для поддержания жизнеспособности государства, в системе публичного и социального управления необходимо находить балансы сложности между операциями и метасистемой, между метасистемой и внешней средой, а также между операциями и внешней средой. Каждый из этих трех элементов динамически меняется с течением времени, что требует непрерывного самоотнесения и самоадаптации в системе публичного управления. При этом, предложенная Ст. Биром пятиуровневая, полиархическая, фрактальная структура МЖС, с разделением уровней по предмету и виду деятельности, позволяет осуществлять организационное проектирование и эксплуатационное

⁴⁶² Свойство рекурсивности означает, что на всех уровнях системы имплементация модели управления осуществляется на инвариантной основе МЖС, от системы публичного управления государством, в целом, до уровня оператора, регулирующего некоторый процессом.

совершенствование систем управления большими социальными системами. Такая декомпозиция упрощает проблему принятия управленческих решений на всех уровнях иерархии (сокращает неопределенность и убирает ограничения), в то время как разнесение по виду и предмету деятельности в разных измерениях способствует «нормировке» конечного результата – жизнеспособности и устойчивости функционирования системы управления, в целом. При этом, социальный организм оказывается жизнеспособен тогда и только тогда, когда имеет такую сложную структуру регуляторных единиц, функции и взаимоотношения которых точно определены в теории. В совокупности, предложенный Ст. Биром набор функций (механизмов управления), системные взаимосвязи и функциональная структура МЖС, позволяют создавать необходимые и достаточные условия жизнеспособности для любой социальной системы с управлением⁴⁶³.

Набор регулирующих функций и подсистем управления в МЖС, составляющий полную модель, включает:

Система 1 — «Управление основными процессами»: функция регулирования деятельности адаптивных базовых единиц управляемого объекта, которыми могут быть, в зависимости от фокуса рассмотрения, личность, семья, сообщества и группы, подразделения организаций и предприятий, сами предприятия, общественные институты, регионы, отрасли и сферы деятельности, общества, вплоть до уровня государства, в системах наднационального регулирования. Эти базовые единицы, функционирующие относительно автономно, вынуждены сталкиваться со сложностью постоянно изменяющейся внешней среды и адаптироваться к ней. Автономность — основа функционирования базовых единиц системы. Термин «автономия» образован от греческих слов «autos» (само-) и «nomos» (закон), т.е. речь идет как о свободе в принятии собственных управленческих решений, так и о обязанности саморегулирования, это стержень адаптации и обучения автономной единицы.

⁴⁶³ Бир С. Мозг фирмы. М.: УРСС, 2009.

Система 2 — «Координация и управление взаимодействием»: координационная функция, обеспечивающая гашение противоречий, колебаний и возникающих между базовыми единицами дисбалансов, усиление процессов саморегуляции в автономных базовых единицах.

Система 3 — «Управление функционированием»: общее оперативное управление комплексом автономных базовых единиц, стремление к глобальному оптимуму общей деятельности (выходя за пределы локальных оптимумов базовых единиц), согласование и распределение имеющихся ресурсов управляемого объекта между базовыми единицами, поддержание стабильности текущей деятельности.

Система 3* — «Управление контролем и аудитом»: система аудита и внутреннего контроля, дополняющая вертикальный канал (3–1) и горизонтальную, антиколебательную систему координации.

Система 4 — «Развитие и адаптация»: формирование и планирование будущего, стратегическое управление развитием, прогнозирования состояния окружающей среды.

Система 5 — «Высшее руководство и управление»: обеспечивает гомеостатический баланс между Системами 3 и 4 – между текущей и перспективной деятельностью, между решением внутренних и внешних задач. Поддерживает целостность, идентичность, организационную культуру, ценности, генерацию знаний, нормативное регулирование общей деятельности. Следует подчеркнуть, что идентичность социальной системы может сохраняться не только средствами управления и административного регулирования, но и благодаря процессам обучения, адаптации и эволюции.

Для разрешения неотложных и кризисных ситуаций в МЖС предусмотрено наличие универсального алгедонического⁴⁶⁴ сигнала, который, при необходимости, без бюрократической задержки, доходит до высшего руководства – Системы 5.

⁴⁶⁴ Альгедонический - слово происходит от греческих слов, означающих «боль» и «наслаждение». См.: Лем С. Сумма технологий. М.: «МИР», 1968. 608 с. С. 287.

В очерченной выше структуре, Системы 1, 2 и 3 составляют операционную систему, в то время как Системы 3, 4 и 5 являются метасистемой, т.е. Система 3 обеспечивает связующий стержень, который является частью как операционной системы, так и метасистемы.

Рассматривая государственное образование как сложную самоуправляемую и самоорганизующуюся социальную систему, с подсистемами политико-правового публичного управления, общественной и личностной самоорганизации, необходимо учитывать существование ряда закономерностей и принципиальных ограничений на инструменты и возможности самоорганизации и управления для обеспечения жизнеспособности и устойчивости государства. Такого рода ограничения необходимо принимать во внимание как при проектировании систем публичного управления на основе МЖС, так и при реализации процессов политико-правового управления и регулирования.

Так, кибернетический закон *необходимого разнообразия* (числа качественно различаемых состояний системы), сформулированный У. Эшби, говорит о том, что для эффективного управления степень разнообразия управляющего органа должна быть не меньше степени разнообразия управляемого объекта. Поэтому, чтобы поддерживать жизнеспособность, управляющий орган или лицо принимающее решение должны быть способны справляться со сложностью (разнообразием) ситуаций управления, поскольку «только разнообразие может поглотить разнообразие»⁴⁶⁵.

Так, чтобы адекватно реагировать на разнообразные ситуации управления и компенсировать возмущения, поступающие из окружающей среды, системе управления следует «знать», какое действие выбрать из множества доступных вариантов.

⁴⁶⁵ Эшби У. Введение в кибернетику / Пер. с англ. 4-е изд. М.: УРСС. 2009. С. 293-294.

Другой кибернетический закон *необходимых знаний*⁴⁶⁶ констатирует, что для адекватного управления недостаточно обладать необходимым разнообразием действий, управляющий орган должен иметь возможность выбрать наиболее подходящую реакцию. При отсутствии необходимых знаний, система управления вынуждена будет отрабатывать варианты действий вслепую, и, чем больше разнообразие возмущений, тем меньше вероятность того, что выбранное регулятором действие окажется адекватным. Таким образом, существует известное противоречие между законами необходимого разнообразия и необходимых знаний: чем больше разнообразие, тем труднее сделать надлежащий выбор, и тем сложнее приобрести необходимые знания.

В идеале, каждому классу возмущений и ситуаций управления должен быть сопоставлен класс соответствующих действий регулятора, а «знание» выражено адекватным представлением или моделью объекта с управлением, что соответствует теореме Эшби-Конанта. В этом контексте, как показано в теории и на практике, организации и социальные системы с управлением могут быть достаточно эффективно представлены МЖС.

Однако, согласно *принципу неполноты знаний*⁴⁶⁷, любая модель, воплощенная в системе управления, обязательно неполна. Этот принцип можно вывести из множества других, более конкретных принципов: принцип неопределенности Гейзенберга, подразумевающий, что информация, которую может получить система управления, обязательно неполна; принцип ограниченной рациональности Г. Саймона⁴⁶⁸, утверждающий, что человек, принимающий решения в реальной ситуации, никогда не будет располагать всей информацией, необходимой для принятия оптимального решения;

⁴⁶⁶ Heylighen F. "Principles of Systems and Cybernetics: an evolutionary perspective". In: Cybernetics and Systems 1992, pp. 3-10

⁴⁶⁷ Heylighen F. "Principles of Systems and Cybernetics: an evolutionary perspective". In: Cybernetics and Systems 1992, pp. 3-10

⁴⁶⁸ Simon H.A. (1957) Models of Man: Social and Rational. New York: John Wiley and Sons, Inc., 1957, 279 pp.

принцип частичности самореференции⁴⁶⁹, обобщение теоремы Геделя о неполноте, подразумевающее, что любая система не может полностью представлять себя и, следовательно, не может иметь полного знания о том, как ее собственные действия могут отразиться на ситуациях управления и стабильности во внутренней и внешней среде⁴⁷⁰.

В качестве более общего аргумента можно отметить, что модели должны быть проще, чем явления, которые они должны представлять. В противном случае, процессы вариации и отбора нужных вариантов управляющих действий заняли бы при функционировании модели столько же времени, сколько необходимо в реальном мире. Тем не менее, необходимость повышения качества и эффективности функционирования управляемых систем, и объективное действие закона Эшби с неизбежностью увеличивает сложность регулятора. Однако, усложнение системы управления и регулирования приводит в итоге к процессам нестабильности, растущей хрупкости регулятора, и неустойчивости функционирования социальной системы с управлением, в целом.

Рассматривая проблему компромисса между устойчивостью социальных систем и сложностью окружающего мира, уместно обратиться к феноменологии организационно замкнутой «аутопойетической системы», которая производит внутренние операции, которые необходимые для их воспроизводства, через сеть собственных операций⁴⁷¹. Феноменология автопоэзиса (воспроизводства) использована Н. Луманом для синтетического анализа общества, которое немецким философом и социологом понимается как «система, конституирующая смысл»⁴⁷². По его мнению, ни одна социальная

⁴⁶⁹ Loefgren L. (1990) "On the Partiality of Self-Reference", in: Self-Steering and Cognition in Complex Systems, Heylighen et al. (eds.), (Gordon & Breach, NY), p. 47-64.

⁴⁷⁰ Principles of Self-Organization, von Foerster H. & Zopf G.(eds.), (Pergamon, Oxford), p. 255-278.

⁴⁷¹ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антокольского. М.: Праксис, 2001. С. 126; Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. Изд. 2-е, доп. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019.

⁴⁷² Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система. Пер. с нем. А. Антоновский. М: «Логос», 2011. С. 50.

система не может продемонстрировать «необходимое разнообразие» (requisite variety, Эшби)⁴⁷³. Согласно системно-коммуникационной теории Лумана, социальные системы противопоставляют превосходящей сложности (комплексности) окружающего мира социальные институты, самоорганизацию, самоуправление: «общество никогда не сможет сделать возможной коммуникацию обо всём, что происходит в окружающей среде на всех уровнях системного образования для всех систем ... оно должно компенсировать свою недостаточную сложность превосходящим порядком», «работая избирательно над тем, что осталось вероятным»⁴⁷⁴. При этом, реализуя механизм «редукции сложности», социальные системы (институты) «порождают свои степени свободы» на основе прошлого опыта и предвосхищения будущего. В основе информационно-коммуникационных процессов жизнеспособных и устойчивых социальных систем с управлением должны лежать смыслы и понятия, упакованные в концептуальные карты, которые не могут не могут включать в себя всю потенциально бесконечную сложность реальности, но они позволяют вырабатывать решения и находить в различных ситуациях адекватную стратегию действий. Таким образом, жизнеспособность и устойчивость социальных систем определяется способностью концептуального упрощения, что делают их способными находить нужное направление в условиях неопределенности сложного мира.

Модель жизнеспособных систем Ст Бира может служить адекватным инструментом в процессах публичного управления и регулирования, позволяющим использовать когнитивные способности для концептуального преодоления проблемы сложности и сохраняя при этом устойчивость функционирования социальных систем с управлением.

⁴⁷³ Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система. Пер. с нем. А. Антоновский. С. 106.

⁴⁷⁴ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Пер. с нем. И.Д. Газиева. Под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. С. 182.

2.6 Проблема устойчивого воспроизводства и легитимации публичной власти в дискурсе системно-коммуникативной теории Н. Лумана

В социальных науках выделяют три современные формы партисипативной демократии, предусматривающие максимальное включение населения в процессы политического управления - прямую, референдумную и представительную демократию. Ядром представительного правления в государстве выступает электоральная демократия, обеспечивающая выбор представителей публичной власти избирателями под влиянием лиц, формирующих общественное мнение, и в условиях гарантированного доступа гражданина к информации [19, р. 86-87, 111-115; 14, с. 39].

Согласно Б. Манену, представительные режимы правления характеризуются несколькими основополагающими принципами: процесс принятия решений властью сохраняет определенную независимость от желаний электората; управляемые могут выражать свои мнения и политические предпочтения независимо от управляющих; публичные решения проходят испытание дебатами. Важнейший постулат представительной демократии состоит в том, что «управляющие назначаются посредством регулярных выборов» [8, с. 15]. Причем, как писал Й. Шумпетер – один из влиятельных интеллектуалов XX в., приверженцы элитарной модели демократии считают, что «Демократия означает не то, что люди действительно управляют, а только то, что они имеют возможность избирать правителей» [15].

Фундаментальной чертой представительной демократии, позволяющей избирателям оказывать воздействие на решения своих представителей, стимулом побуждающим избранную власть принимать во внимание изменения в общественном мнении, являются регулярный, повторяющийся характер выборности публичной власти.

Представляя собой одну из основных форм массового политического участия граждан, будучи наглядным индикатором уровня доверия к проводимой публичной политике, выборы – атрибут и необходимое исходное

требование демократии - находятся в центре организации и функционирования политической власти, обеспечивая ее легальность и легитимность. Как политико-правовой институт и социально-политический процесс, в современных условиях, выборы призваны обеспечивать эволюционную преемственность и политическую стабильность легитимной власти, однако, зачастую, становятся движущей силой резких изменения траекторий общественного развития государства.

Проведение демократических выборов непосредственно связано с формированием отвечающей общественным потребностям избирательной системы, определение вида и параметров которой неизменно сопровождается серьезной полемикой, поскольку, согласно Р. Таагепера и М.С. Шугарт, «результаты выборов зависят не только от народного волеизъявления, но и от правил. Идет ли речь о единственном «месте» президента или о местах в общегосударственных и местных законодательных собраниях, правила распределения мест, применяемые в разных странах - или даже в разных частях одной страны - различны. Ключевыми являются вопросы об учете голосов и распределении мест» [13, с. 115].

От выбора избирательной системы, являющейся составной частью правовой системы государства, зависит качество представительной власти, эффективность публичного управления, и, нередко, политическая судьба государства. Единого общепризнанного понимания термина «избирательная система» сегодня не существует, этому понятию «в политической и юридической науках придают разные значения. Так, в учебнике политологии Р.Т. Мухаева констатируется, что «Взаимоотношения между парламентом, правительством и электоратом (избирателями) устанавливаются на основе конкретных правил, которые называются *избирательной системой*, или избирательным режимом (их еще называют электоральной системой)» [11]. Г.В. Голосов (сравнительная политология) определяет два значения термина «избирательная система» — широкое и узкое: «*В широком значении*, под избирательной системой понимают всю совокупность институтов, связанных с

проведением выборов», *узкое понимание* избирательной системы - способ «перевода» выраженных на выборах предпочтений в распределение оспариваемых властных позиций, т.е. определения победителей», синоним узкого понимания — «электоральная формула» [2].

В юридической трактовке, термин «избирательная система» принято рассматривать также в широком и узком значении. Так, избирательная система, в широком смысле, представляет собой «совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с выборами в органы публичной власти», или «совокупность всех операций, относящихся к формированию выборных органов (предоставление избирательного права, организация выборов, подсчет голосов, определение результатов голосования); в узком смысле слова – как определяется тот, «кто из баллотировавшихся кандидатов будет избран на должность или в качестве депутата», или «способ определения результатов голосования, т.е. способ распределения мандатов между кандидатами на различных выборах» [1, с. 93; 9, с. 466].

С 50-х гг. прошлого века получили широкое распространение системные идеи классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в работах которых социально-политическая система представляется определенной совокупностью отношений и связей, и, находясь в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой, обеспечивает внутреннее единство и целостность системы, ее гомеостаз, т.е. динамическое равновесие и внутреннюю устойчивость в определенном диапазоне критических параметров [12; 3].

Достижение политической жизнеспособности и стабильности общества требует создания необходимых условий, обеспечивающих устойчивое воспроизводство легитимной публичной власти. Для исследования проблемы воспроизводства политической власти в рамках системного подхода уместно использовать идеи политико-правового дискурса, предложенного в работах Никласа Лумана [5; 6]. Видным немецким социальным философом и социологом разработана теория социальных систем, в основе которой лежит

базовый концепт «автопоэзис» (от греч. auto: сам, poiesis: производство), предложенный в 1972 г. чилийскими учеными У. Матурана и Ф. Варела в процессе изучения феномена биологической жизни [10].

Заимствовав понятия многих научных дисциплин, — биологии, общей теории систем, кибернетики, - Н. Луман различает и придает большое значение отношению «система — окружающий мир», полагая основным элементом (операцией) любой социальной системы структурообразующие коммуникации, из которых и складывается организация общества. Социально-политическую, политико-правовую, и всякая другую общественную систему, с точки зрения ученого, образуют именно коммуникации (различение и синтез: сообщение/информация/понимание), а не социальные действия или социальные роли, причем сложившаяся социальная система оказывается полностью операционально замкнутой, т.е. закрытой от среды⁴⁷⁵, поскольку все ее образующие компоненты воспроизводятся во внутренней сети системных коммуникаций. Т.е. социально-коммуникативная система представляет собой инвариантно автопоэзийную, тождественно самовоспроизводящуюся целостность, реализующую смысл своего функционирования [7, с. 116].

Доказательная теория Лумана, на высоком абстрактном уровне, показывает, что та или иная общественная система (подсистема) является субъектом и объектом своих коммуникативных операций, проявляя при этом свою автопоэзийную сущность, обладающую свойствами операциональной закрытости, целостности, эмерджентности и гомеостаза. В то же время, функционально автономная социальная система открыта по отношению к обмену ресурсами с внешней средой (вещество, энергия, информация), и сохраняет устойчивость, гомеостатическое равновесие, благодаря балансу взаимообмена системы с ее внешней средой.

⁴⁷⁵ Внешняя среда (по Луману) - совокупность условий, в которых протекает деятельность социальной системы. Замкнутость системы по отношению к ее внешней среде не означает независимости от неё.

Подобно тому, как в основе автопоэзиса биологических организмов лежит «жизнь», социальные системы общества, конституированы «смыслом» своего возникновения, существования и функционирования. Процесс социальных коммуникаций не всегда может приводить в системе к нормативно ожидаемым событиям. Однако, коммуникативный процесс всегда должен быть нацелен на сохранение самовоспроизводящегося смысла деятельности системы, иначе, возникают кризисные явления дестабилизации, грозящие разрушением организации социальных структур.

Современное общество характеризуется функциональной дифференциацией его социальных подсистем, каждая из которых, в рамках системно-коммуникативной теории, может рассматриваться в автопоэзийном дискурсе. Смысл права, в целом, состоит в реализации юридико-коммуникативных процессов производства и воспроизводства правовых норм, правового порядка, самой целостной правовой системы современного общества [4]. Как пишет Г. Тойнбер, «Право автономно обрабатывает информацию, создает миры смыслов, устанавливает цели и задачи, создает конструкции реальности и определяет нормативные ожидания – и все вполне независимо от взглядов на мир в умах юристов» [20]. Будучи автопоэзийной, правовая система самостоятельна и подчиняет внутренним процессам конструирования и воспроизводства смыслов своего существования и функционирования положения, складывающиеся в иных социально-связанных системах, таких как мораль, политика, экономика и пр. Вместе с тем, структурное сопряжение права с другими системами из своего окружения позволяет правовой системе общества оставаться открытой и восприимчивой к внешним воздействиям и обстоятельствам социальной действительности, используя их для изменения, адаптации и перестройки. Т.е., система права имеет внутренние возможности реагировать на воздействие, например, политической или экономической системы общества, используя структурные соответствия со своим окружением.

Обратимся теперь к избирательной системе государства, являющейся относительно самостоятельной частью правовой системы общества,

обладающей достаточной функциональной автономией, а, следовательно, и собственным смыслом своего существования и функционирования. Рассмотрение «избирательной системы» в автопоэзийном контексте позволяет, в отличие от традиционных подходов, дать этой структуре общества следующее определение, отражающее ее функциональное предназначение в политико-правовом поле демократического общества: *«избирательная система представляет собой юридическую, операционально замкнутую, но политически открытую, коммуникативную систему воспроизводства и легитимации публичной власти»*. При этом, согласно Луману, легитимность может быть определена как общая готовность (в определенных границах) признавать обязывающую силу решения (в нашем случае, признание результатов голосования), содержание которого не определено заранее [18, s. 28].

С такой позиции, лучше познается конституированный общественный смысл существования и функционирования избирательной системы, которым является обеспечение политической стабильности, длительной непрерывности действия публичной власти, и, тем самым, сохранение устойчивости и жизнеспособности государства и общества.

Ряд современных авторов отметили глубокую концептуальную связь между организацией и структурой автопоэзийной системы и моделью организационной структуры, так называемой, системы Розена - (M,R) системы, определение которой использует собственный язык и эпистемологические инструменты [16; 17]. В свою очередь, в наших исследованиях, с использованием инструментария (M,R) диаграмм установлено, что автопоэзийные избирательные системы права обладают свойствами не только операциональной, но и причинной замкнутости, т.е. замкнутости по действующей причине⁴⁷⁶.

<i>Правокоммуникативный процесс</i>	<i>Действующая причина</i>	<i>Материальная причина</i>
-------------------------------------	----------------------------	-----------------------------

⁴⁷⁶ Причинная тетрада Аристотеля: действующая, формальная, материальная и целевая причины.

f: Проведение (очередных) выборов: избирательная кампания	Ф	В
В: Определение результатов голосования	f	А: Электоральное поведение
Ф: Легитимация избранной власти	В	f

Как следует из таблицы, процессуальные составляющие избирательной системы, поочередно, выступают в электоральных циклах в качестве действующей причины, обеспечивая непрерывно длящееся воспроизводство легитимной власти.

Библиография

1. *Авакьян С.А. и др.* Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / Учебник для вузов. Отв. редактор А.В. Иванченко. М.: «НОРМА», 1999. 856 с.
2. *Голосов Г.В.* Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Изд-во Европ. ун-та в С.-Пб., 2001. 368 с.
3. *Истон Д.* Категории системного анализа политики / Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 630—642.
4. *Кравец В.* Юридическая коммуникация в современных правовых системах в теоретико-правовой перспективе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 8-26.
5. *Луман Н.* Введение в системную теорию / Под ред. Д. Беккера. Пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: «Логос», 360 с.
6. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. М.: Наука, 2007. 648 с.
7. *Луман Н.* Что такое коммуникация? // «Социологический журнал». 1995. № 3. С. 114—125.
8. *Манен Б.* Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е.Н. Рощина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского универс. в СПб. 2008.
9. *Маклаков В.В.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: [учеб. для студентов юрид. вузов и фак.]. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
10. *Матурана У.Р., Варела Ф.Х.* Дерево познания: биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс - Традиция, 2001. 224 с.
11. *Мухаев Р.Т.* Политология: учебник для студентов юридических и гуманитарных факультетов. М.: Изд-во «ПРИОР», 2000. 400 с.
12. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект-пресс, 1997.
13. *Таагепера Р., Шугарт М.С.* Описание избирательных систем // «Полис. Политические исследования». 1997. № 3. С. 114-136.

14. *Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин; научн. ред. В. Софронов. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.
15. *Шумпетер Й.А.* Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ. Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
16. *Rosen R.*, 2000. *Essays on Life Itself*. Columbia University Press, New York. 416 p.
17. *Letelier JC., Marín G., Mpodozis J.* Autopoietic and (M,R) systems. *J. of Theoretical Biology*. 2003 May; 222(2): 261-272.
18. *Luhmann N.* *Legitimation durch Verfahren*. Neuwied, 1969. 261 S.
19. *Sartori G.* *The theory of democracy revisited. Part One: The Contemporary Debate*. Chatman, NJ: Chatman House, 1987.
20. *Teubner G.* (1989): «How the Law Thinks - Toward a Constructivist Epistemology of Law», *23 Law and Society Review* 727.

2.7 Избирательная система как политико-правовой институт устойчивого воспроизводства легитимной власти в контексте системного подхода Н. Лумана

В социальных науках выделяют три современные формы партисипативной демократии, предусматривающие максимальное включение населения в процессы политического управления - прямую, референдумную и представительную демократию. Ядром представительного правления в государстве выступает электоральная демократия, обеспечивающая выбор представителей публичной власти избирателями под влиянием лиц, формирующих общественное мнение, и в условиях гарантированного доступа гражданина к информации [40, р. 86-87, 111-115; 33, с. 39].

Согласно Б. Манену, представительные режимы правления характеризуются несколькими основополагающими принципами: процесс принятия решений властью сохраняет определенную независимость от желаний электората; управляемые могут выражать свои мнения и политические предпочтения независимо от управляющих; публичные решения проходят испытание дебатами. Важнейший постулат представительной демократии состоит в том, что «управляющие назначаются посредством регулярных выборов» [21, с. 15].

Причем, как писал Й. Шумпетер – один из влиятельных интеллектуалов XX в., приверженцы элитарной модели демократии считают, что «Демократия

означает не то, что люди действительно управляют, а только то, что они имеют возможность избирать правителей» [34].

Фундаментальной чертой представительной демократии, позволяющей избирателям оказывать воздействие на решения своих представителей, стимулом побуждающим избранную власть принимать во внимание изменения в общественном мнении, являются регулярный, повторяющийся характер выборности публичной власти. Причем, демократическим считается такое государство, «в котором идеологически и социально различающимся группам открывается легальная возможность для соревнования за контроль над властью, и где агенты, контролирующие властные институты, избираются и ответственны перед народом» [42].

Во Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН декларируется, что воля народа «должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»⁴⁷⁷.

В отличие от традиций монархической легитимности, которая базируется на праве наследования власти, в основании современной демократической легитимности лежит принцип выборности. Общество признает власть легитимной, только если осуществляется свободный выбор большинства при обязательном соблюдении установленных конституционно-правовых норм и правил. Представляя собой одну из основных форм массового политического участия граждан, будучи наглядным индикатором уровня доверия к проводимой публичной политике, выборы – атрибут и необходимое исходное требование демократии - находятся в центре организации и функционирования политической власти, обеспечивая ее легальность и легитимность. Выборы традиционно рассматриваются как институт прямой демократии, позволяющий

⁴⁷⁷ «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета». № 67. 1995, 5 апреля.

гражданам непосредственно участвовать в осуществлении народного суверенитета (народовластия). Как политико-правовой институт и социально-политический процесс, в современных условиях, выборы призваны обеспечивать эволюционную преемственность и политическую стабильность легитимной власти, однако, зачастую, становятся движущей силой резких изменения траекторий общественного развития государства.

Содержательно, понятие «выборы» включает в себя три составляющие: а) политическую: формирование политической власти по итогам голосования избирателей; б) юридическую: избирательное право, систему юридических правил, устанавливающих порядок действий на различных стадиях избирательного процесса; в) технологическую: официальный документооборот, обеспечивающий реализацию активного и пассивного избирательных прав участников избирательного процесса (Ю.А. Веденеев и В.Д. Мостовщиков; А.А. Вешняков и др.).

В политологической и юридической литературе понятие «выборы» трактуется неоднозначно. Можно выделить следующие основные подходы к определению данного понятия. В узком смысле, выборы рассматриваются как «избрание одного или нескольких лиц (при голосовании списком) путем голосования» (В.В. Маклаков), «голосование граждан, проживающих на соответствующей территории, по кандидатурам, выдвинутым в состав представительного органа или на замещение должности» (Б.Н. Топорнин и В.Е. Чиркин), «совокупность организационно-правовых мероприятий по подготовке и проведению избрания депутатов представительных органов и выборных должностных лиц» (В.А. Богдановская; А.Н. Кокотов и М.С. Саликов). В широком смысле, «выборы» характеризуют как процедуру формирования государственного органа или наделения полномочиями должностного лица, осуществляемая путем голосования избирателей (В.В. Маклаков), совокупность всех фактических общественных отношений, которые возникают между избирателями и соискателями права осуществлять публичную власть (Е.И. Колюшин), публичное мероприятие, в

ходе которого граждане путем голосования осуществляют право формировать органы государственной власти, органы местного самоуправления (А.Н. Кокотов и М.С. Саликов; В.А. Богдановская); техника голосования, с целью определения кандидатур на замещение определенного поста (Б.Н. Топорнин и В.Е. Чиркин). Политологи и юристы рассматривают выборы как: способ демократической самоорганизации гражданского общества (В.О. Лучин), способ формирования органов власти и управления (П.А. Астафичев, В.И. Буренко; В.П. Пугачев, А.И. Соловьев; В.Н. Шилов; А.И. Кравченко, Т.А. Яшкова, В.И. Жуков), форма прямого волеизъявления граждан, с целью формирования органов публичной власти или наделения полномочиями должностного лица (А.Ф. Чупилкина, Д.Е. Погорелый), способ смены правящих элит (Н.М. Сирота, Н.М. Сирота; С.А. Сидоров), институт организации и функционирования политической власти (А.А. Акмалова), институт легитимизации и стабилизации существующей политической системы и политического режима (К.С. Гаджиев; Н.М. Сирота, Н.М. Сирота), политический институт, осуществляющий три функции: передачи власти, политической мобилизации, легитимации существующих режимов (О.В. Гаман-Голутвина; Г.В. Голосов), избирательная кампания, как совокупность этапов избирательных действий и процедур (М.Н. Прудников)

Анализ вышеприведенных определений понятия «выборы» показывает, что большая часть трактовок отражает лишь отдельные, пусть и важнейшие, политические, юридические и технологические аспекты, однако недостаточно учитывает функционально-системную направленность выборов на обеспечение непрерывного воспроизводства легитимной политической и публичной власти, тем самым, способствуя стабилизации и развития общества и государства⁴⁷⁸.

Избирательная система»: трактовка понятия

Проведение демократических выборов непосредственно связано с формированием отвечающей общественным потребностям избирательной

⁴⁷⁸ Воспроизводство власти здесь и далее рассматривается в терминах устойчивого способа смены/передачи политической/публичной власти в демократических обществах.

системы, определение вида и параметров которой неизменно сопровождается серьезной полемикой, поскольку, согласно Р. Таагепера и М.С. Шугарт, «результаты выборов зависят не только от народного волеизъявления, но и от правил. Идет ли речь о единственном «месте» президента или о местах в общегосударственных и местных законодательных собраниях, правила распределения мест, применяемые в разных странах - или даже в разных частях одной страны - различны. Ключевыми являются вопросы об учете голосов и распределении мест» [32, С. 115].

От выбора избирательной системы, являющейся составной частью правовой системы государства, зависит качество представительной власти, эффективность публичного управления, и, нередко, политическая судьба государства. Единого общепризнанного понимания термина «избирательная система» сегодня не существует, этому понятию в политической и юридической науках придаются разные значения.

В советской литературе избирательная система традиционно отождествлялась с выборами и понималась как совокупность общественных отношений, возникающих в ходе выборов [14, С. 214].

С.А. Ланцов пишет, что сегодня «единого и общепризнанного понимания того, что собой представляет избирательная система, в политической науке не существует. В целом, речь идет о сложившемся порядке организации и проведения выборов представительных органов власти, а также руководителей различного ранга» [17, С. 313-314].

В.П. Пугачев и А.И. Соловьев считают, что избирательная система определяет «общие принципы организации выборов, а также способы перевода голосов избирателей в мандаты, властные должности. Главное назначение избирательной системы — обеспечить представительство воли народа, а также сформировать жизнеспособные и эффективные органы власти» [29, С. 439].

В юридической и политологической литературе широко распространены подходы к трактовке понятия «избирательная система» в широком и узком значении словосочетания.

В широком смысле, «избирательную систему» рассматривают как систему общественных отношений, которые складываются вследствие проведения выборов в органы публичной власти (С.А. Авакьян, А.С. Тургаев); совокупность всех операций, относящихся к формированию выборных органов; порядок организации и проведения выборов, порядок формирования выборных органов представительной власти (Ю.В. Ирхин и др.). В узком смысле, «избирательная система», по большей части, понимается как процедура (правила, механизм, способ, формула, порядок) перевода голосов избирателей в мандаты представительных органов и властные должности (М.В. Баглай и др., С.А. Голубок, А.А. Мишин, А.А. Тимошенкова, В.А.Черепанов, М.Н. Прудников, С.В. Нарутто и Н.Е. Таева. П.А. Астафичев, Г.Н. Комкова, С.В. Нарутто, Я.А. Пляйс и С.В. Расторгуев, В.В. Маклаков и др. определяют «избирательную систему» как в узком, так и в широком значении.

Близкие, либо к широкому, либо узкому пониманию сущности понятия «избирательная система» представлены в политологии и юридической науке, в частности, в работах А.И. Кравченко, В.Н. Шилова, А.Н. Ильина, В.Е. Чиркина, Н.М. Сироты, Т.А. Яшковой, А.Ф. Чупилкиной и др., Н.М. Сироты и С.А. Сидорова, А.В. Шалак.

Анализ показывает, что большая часть трактовок «избирательной системы» не отражает системно-функциональной направленности понятия на обеспечение непрерывного воспроизводства легитимной политической и публичной власти, тем самым, способствуя стабилизации и развития общества и государства. В этих целях уместно обратиться к системно-коммуникационной теории социальных систем Никласа Лумана, в основе которой лежит понятие автопоэзиса.

Системный подход Н. Лумана к проблеме воспроизводства социальных систем общества

С 50-х гг. прошлого века получили широкое распространение системные идеи классиков политической науки Д. Истона и Т. Парсонса, в работах которых социально-политическая система представляется определенной

совокупностью отношений и связей, и, находясь в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой, обеспечивает внутреннее единство и целостность системы, ее гомеостаз, т.е. динамическое равновесие и внутреннюю устойчивость в определенном диапазоне критических параметров [13, 25].

В контексте решения проблемы устойчивого воспроизводства легитимной власти, что необходимо для обеспечения жизнеспособности и устойчивости государства, как социально-политической системы, интерес представляет системный анализ Д. Истона, который «опирается на представления о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим воздействиям, угрожающим вывести существенные переменные системы за пределы их критических значений. ... чтобы выжить, система должна быть способной отвечать с помощью действий, устраняющих напряжение» [13, С. 630-642].

В соответствии с выводами структурно-функциональной теории Т. Парсонса, необходимыми системными условиями устойчивого существования и сохранения государства в окружающей среде является реализация структурами его системы публичного управления и регулирования четырех «функциональных императивов», включая: обеспечение адаптации к внешней и внутренней ситуации, установление целей и инструментальных возможностей их достижения; внутрисистемную координацию и социальную интеграцию компонентов и структур системы; наличие и сохранение социокультурных образцов-ориентиров, позволяющих государству придерживаться избранного направления своего развития [38, р. 5–29].

Адекватное функциональное взаимодействие между структурами воспроизводства политической и публичной власти, и системами публичного управления и регулирования, необходимо для формирования содержательных интегральных условий, позволяющих государству сохранять, в определенных границах, свою устойчивость и равновесность, приспособляясь к

динамически меняющимся историческим, политическим и иным обстоятельствам.

К инструментам адаптации систем публичного управления и регулирования, системы непрерывного воспроизводства публичной власти, следует отнести их способность к самообновлению и самовоспроизводству, реорганизации внешнего окружения и самой себя. В контексте разработки проблемы устойчивости системы воспроизводства и легитимации⁴⁷⁹ публичной власти, особую значимость приобретают современные системные теории, такие как теория автопоэзиса (самовоспроизводства) сложных саморегулирующихся систем (У. Матурана и Ф. Варела) [23], и концепция дифференциации и самовоспроизводства (организационной замкнутости) функциональных подсистем общества (Н. Луман) [2].

Проблема устойчивого воспроизводства общества и социальных систем государства требует «прорыва традиционных подходов» и признания их, своего рода, органическими системами, составные части и элементы которой многообразны и способны к непрерывному саморазвитию [3, С. 213].

Подобный взгляд на проблему обеспечения устойчивого воспроизводства общественных систем корреспондирует с теоретическим вкладом немецкой философской классики, связанным с концептуализацией, взятой во всей ее сложности, общественной жизни на основе организмических (органических) представлений [30, С. 3-4]. При этом, в историческом процессе, государства складываются как многоуровневые образования, которые возникают и управляются изнутри по законам организма. Организмические идеи достаточно полно представлены в работах английского философа Г. Спенсера, для которого общество (социальные организации) представляет собой живой

⁴⁷⁹ «Легитимация (лат. *legitimus* — законный) — признание или подтверждение законности публичной власти, какого-либо социального института, статуса, полномочий, опирающейся на принятые в данном обществе ценности. Основой легитимации могут быть традиции и обычаи, харизма, конституционные нормы, демократические выборы, референдум или плебисцит». См., например: [16, С. 209].

организм, решающий возникающие проблемы с помощью социальных институтов, удовлетворяя при этом общественные потребности [31].

Понятие *органической целостности* (Die Totalitat) является синонимом общественного организма, являющегося причиной себя самого, его отличительная особенность состоит в том, что организм, в отличие от многих других сложных систем, обладает способностью к самоорганизации, воспроизводству самого себя и подобных себе систем. Т.е. устойчивость, являющегося органичным целым, социального организма определяется, прежде всего, процессами управления, самоорганизации, самообновления и самовоспроизводства. Согласно урокам организмической теории, в устойчивой социально-политической системе возникают и наличествуют только такие социальные институты и структуры, которые способны к самовоспроизводству и саморазвитию. К важнейшим структурам, определяющим жизнеспособность и устойчивость государства относятся институты публичной власти. Достижение политической жизнеспособности и стабильности общества требует создания необходимых условий, обеспечивающих устойчивое воспроизводство легитимной политической и государственной власти.

Исследованию проблемы воспроизводства публичной власти в рамках политико-правового дискурса посвящен ряд работ Н. Лумана, явившихся дальнейшим развитием организмических взглядов на природу общества и социальных систем [18, 19]. Видным немецким социальным философом и социологом разработана теория социальных систем, в основе которой лежит, получивший признание научного сообщества, базовый концепт «автопоэзис»⁴⁸⁰, предложенный в 1972 г. У. Матурана и Ф. Варела в процессе изучения феномена биологической жизни [22]. По мнению чилийских исследователей,

⁴⁸⁰ В буквальном смысле, автопоэзис означает само-производство (греч. αὐτός: auto – сам + ποιήσις: poiesis – производство, творчество, созидание). «Автопоэтическая (автопоэзийная) машина – это машина, организованная (определяемая как единство) как сеть процессов производства (трансформации и деструкции) компонентов, которые 1) через их взаимодействия и трансформации непрерывно регенерируют и реализуют сеть процессов (отношений), которые производят их, и 2) образуют ее (машину) как конкретное единство в пространстве, в котором они (компоненты) существуют, определяя свойства топологической области их реализации как такой сети». См.: [40, p. 78].

«организм является процессом, который утверждает смысл и продуцирует идентичность, основываясь на автопоэзисе. Самоутверждающаяся идентичность устанавливает логически и операционально ориентир или перспективу для производства смыслов и области взаимодействия» [24; 46, р. 72–87].

Заимствовав понятия ряда научных дисциплин, — биологии, общей теории систем, кибернетики, - Н. Луман различает и придает большое значение отношению «система — окружающий мир», полагая основным элементом (операцией) любой социальной системы структурообразующие коммуникации, из которых и складывается организация общества. Социально-политическую, политико-правовую, и всякая другую общественную систему, с точки зрения ученого, образуют именно коммуникации (различение и синтез: сообщение/информация/понимание), а не социальные действия или социальные роли, причем сложившаяся социальная система оказывается полностью операционально замкнутой, т.е. закрытой от среды⁴⁸¹, поскольку все ее образующие компоненты воспроизводятся во внутренней сети системных коммуникаций. Т.е. социально-коммуникативная система представляет собой инвариантно автопоэзийную, тождественно самовоспроизводящуюся целостность, реализующую смысл своего функционирования [22, с. 116].

Доказательная теория Лумана, на высоком абстрактном уровне, показывает, что та или иная общественная система (подсистема) является субъектом и объектом своих коммуникативных операций, проявляя при этом свою автопоэзийную сущность, обладающую свойствами операциональной закрытости, целостности, эмерджентности и гомеостаза, устойчивого функционирования и развития. В то же время, функционально автономная социальная система открыта по отношению к обмену ресурсами с внешней средой (вещество, энергия, информация), и сохраняет устойчивость,

⁴⁸¹ Внешняя среда (по Луману) - совокупность условий, в которых протекает деятельность социальной системы. Замкнутость системы по отношению к ее внешней среде не означает независимости от неё.

гомеостатическое равновесие, благодаря балансу обмена системы с ее внешней средой.

Подобно тому, как в основе автопоэзиса биологических организмов лежит смысловое понятие «жизнь», социальные системы общества, конституированы «смыслом» своего возникновения, существования и функционирования. Процесс социальных коммуникаций в системе не всегда может приводить к нормативно ожидаемым событиям. Однако, коммуникативный процесс всегда должен быть нацелен на сохранение самовоспроизводящегося смысла деятельности системы, иначе, возникают кризисные явления дестабилизации, грозящие разрушением организации социальных структур.

В основе системно-коммуникационного понимания автономной социальной системы Луманом лежит определенная цепочка следующих друг за другом событий/операций, которые перерабатывая тему коммуникационных сообщений и продуцируя процессы самопроизводства и самотворчества, в своей системности (сцепленности) воспроизводят в перманентном режиме различия между данной системой и окружающей ее внешней средой [1, С. 168].

Автопоэзийная система существует на основе принципа циклической организации, самоотнесенности, воспроизводства себя из самой себя. Модель автопоэзиса отличается от предшествующей ей кибернетической модели Н. Винера, в которой основное внимание уделяется входам (inputs) и выходам (outputs) системы, осуществляющей обработку информацию [8]. Автопоэзийная система не просто самоотносится с самой собой, реализует итерации, повторение пройденного, самовосстановление, но и обеспечивает возможности ее самодополнения, самообновления, самодостраивания, в т.ч. за счет структурного сопряжения со смежными системами из внешней среды. Причем, структурное сопряжение представляет собой такой процесс сосуществования автопоэзийной системы с окружающей ее средой, в котором сопрягаемые

действуют как источники взаимных пертурбаций, что может запускать изменения состояний друг в друге.

В соответствии с системным подходом Н. Лумана, современное общество характеризуется функциональной дифференциацией его социальных подсистем, каждая из которых, в рамках системно-коммуникативной теории, может рассматриваться в автопоэзийном дискурсе. Так, смысл социальной подсистемы права, в целом, состоит в реализации юридико-коммуникативных процессов производства и воспроизводства правовых норм, правового порядка, самой целостной правовой системы современного общества [15]. Как пишет Г. Тойнбер, «Право автономно обрабатывает информацию, создает миры смыслов, устанавливает цели и задачи, создает конструкции реальности и определяет нормативные ожидания» [41]. Будучи самостоятельной автопоэзийной системой, право подчиняет внутренним процессам конструирования и воспроизводства смыслов своего существования, понятия и положения, сложившиеся в других социально-сопряженных системах, таких как политика, экономика и др., посредством принятых юридическим сообществом конструкций поглощая и преобразуя любые, иного рода, внешние смыслы.

Вместе с тем, структурное сопряжение права с другими системами из своего окружения позволяет правовой системе общества в юридическом поле оставаться открытой и восприимчивой к внешним воздействиям и обстоятельствам социальной действительности, используя их для взаимного изменения, адаптации и перестройки. Т.е. автопоэзийная система права имеет внутренние возможности реагировать на воздействие, например, политической или экономической системы общества, используя структурные соответствия со своим окружением.

Избирательная система как институт воспроизводства и легитимации политической и публичной власти

Обратимся снова к избирательной системе государства, являющейся относительно самостоятельной частью правовой системы общества,

обладающей достаточной функциональной автономией, а, следовательно, и собственным смыслом своего существования и функционирования.

Согласно М.Н. Марченко, «политическая система, как любой действующий организм, должна находиться в состоянии динамической стабильности, т.е. быть устойчивой к внешним и внутренним дестабилизирующим воздействиям и одновременно обеспечивать собственный прогресс, обновление, развитие, быть восприимчивой к политическим, экономическим, социальным инновациям». Важнейшей технологией обновления составляющих политической системы являются выборы» [26, С. 375-376].

Ряд исследователей привлек внимание политологов и юристов к важнейшей роли выборов, составляющих элементов и самой избирательной системы, в широком смысле слова, в процессах воспроизводства и легитимации политической и государственной власти.

Так, Д.Г. Демидов указывает, что «посредством конституционных выборов осуществляется публичное политическое воспроизводство государства [9, С. 69]. А.С. Епифанов пишет, что «всеобщие выборы ... являются основным механизмом воспроизводства институционального ядра демократической политической системы» [12, С. 260]. А.А. Джагарян считает, что «функциональное назначение института выборов не исчерпывается периодическим воспроизводством представительной системы», а «одновременно обеспечивается самоорганизация публично-властной управляющей системы» [10, С. 37].

Ю.А. Веденеев констатирует, что посредством избирательных правоотношений «определяется воспроизводство власти», «деятельность всех институтов представительной демократии, их требуемая ротация», «воспроизводство самого государства»; что посредством конституционных выборов осуществляется публичное политическое воспроизводство самого государства [7, С. 91; 6, С. 84-85]. А.Е. Постников отмечает, что «избирательное право упорядочивает процесс воспроизводства на

демократической выборной основе органов государственной власти и органов местного самоуправления» [28, С. 13]. В.Н. Белоновский считает выборы «реальным механизмом воспроизводства представительных органов власти и коррекции политической системы страны» [4, С. 45].

Ю.А. Дмитриев, В.Б. Израелян и Д.В. Орлов акцентируют внимание на том, что избирательные правоотношения, фактически, опосредуют политические отношения, обеспечивая воспроизводство государственной власти, всех институтов системы представительной демократии. Выборы обеспечивают воспроизводство, обновление публичной власти на демократических основах, посредством выборов осуществляется публичное политическое воспроизводство самого государства [11, 24]. В свою очередь, Р.Т. Биктагиров утверждает, что «избирательный процесс как юридическая категория выступает формой воспроизводства и легитимации выборной публичной власти», его целью является «достижение определенного политического и правового результата – воспроизводства и легитимации публичной власти» [5, С. 2, 9]. М.С. Новиков напоминает о социальной и гуманитарной ценности демократических конкурентных выборов, которая «состоит в том, что они обеспечивают в известном смысле воспроизводство самого государства» [23].

В.Д. Перевалов и др. характеризуют выборы в РФ следующим определением – это «способ обязательного, регулярного воспроизводства аппарата государственной или муниципальной власти путем самостоятельного, свободного избрания гражданами представительных органов государственной власти и местного самоуправления, выборных должностных лиц» [27, С. 101].

В приведенных выше характеристиках выборов и отдельных составляющих понятия «избирательная система», исследуемой в широком смысле термина, верно отражены сущностные свойства этого политического и юридического явления. Однако, представление избирательной системы в автопоэзийном контексте Н. Лумана позволяет, в отличие от традиционных подходов, дать этой социальной подсистеме более развернутое определение,

отражающее ее системно-функциональное предназначение в политико-правовом поле демократического общества:

Избирательная система представляет собой политико-юридический и социальный институт закрепления, воспроизводства и легитимизации политической и публичной власти в государстве на основе регулярных демократических выборов. Как социально-коммуникативная подсистема общества, избирательная система организационно (операционально) замкнута в юридическом поле, сохраняя открытость в политическом поле, коммуникативно взаимодействуя через структурное сопряжение с существующей политической системой.

Заметим, следуя Луману, что легитимность власти может быть определена как общая готовность (в определенных границах) признавать обязывающую силу решения (в нашем случае, признание результатов голосования), содержание которого не определено заранее [36, Р. 28].

С таких позиций, полагаем, лучше познается конституированный общественный смысл существования и функционирования избирательной системы, которым является обеспечение политической стабильности, длительной непрерывности действия публичной власти, и, тем самым, сохранение устойчивости и жизнеспособности государства и общества.

В заключение заметим, что ряд современных авторов отметили глубокую концептуальную связь между организацией автопоэзийной системы и организационной структурой, так называемой, (M,R) системы Розена, представление которой использует собственный язык и эпистемологические инструменты [35, 39].

С использованием инструментария (M,R) формализма можно показать, что будучи автопоэзийной политико-правовой подсистемой общества, избирательная система, обладает свойствами не только операциональной

замкнутости, но и замкнутости по действующей причине⁴⁸², обеспечивая цикличность избирательного процесса в демократических обществах.

<i>Результат процессуального этапа выборов</i>	<i>Действующая причина</i>	<i>Материальная причина</i>
f : Назначение и проведение регулярных выборов: избирательный процесс	Φ	В
В : Определение результатов голосования: получение и легитимация политической власти	f	А : Электоральное поведение
Φ : Легитимация публичной власти	В	f
<i>Цикличность избирательного процесса</i>		
... В → Φ → f → В → Φ → f → В ...		

Как следует из таблицы, процессуальные составляющие избирательной системы, поочередно, выступают в электоральных циклах в качестве действующей причины, обеспечивая в обществах с демократическим представительством непрерывно длящееся воспроизводство легитимной власти.

Библиография

1. Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158–171.
2. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФРАН, 2007. 135 с.
3. Атаманчук Г.В. Проблемы управления и управляемости в обществе: Избранное. М.: Изд-во РАГС, 2011. 382 с.
4. Белоновский В.Н. Избирательное право: общая часть: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ. 2008. 266 с.
5. Биктагиров Р.Т. Российский избирательный процесс, как вид юридического процесса // «Избирательное право». 2012. № 2. С. 2-13.
6. Веденеев Ю.А. Политическая реформа и избирательный процесс в России / Реформа избирательной системы в Италии и России: опыт и перспективы. М.: Институт государства и права РАН, 1995. 155 с.
7. Веденеев Ю.А., Мостовщиков В.Д. Введение в избирательное право. Учебное пособие. М.: Российский центр обучения избирательным

⁴⁸² Причинная тетрада Аристотеля: действующая, формальная, материальная и целевая причины.

- технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (РЦИОИТ), 2014. 208 с.
8. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине: [Пер. с англ.] / [Под ред. и с предисл. Г. Н. Поварова]. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 343 с.
 9. *Демидов Д.Г.* Влияние избирательного законодательства Российской Федерации на легальность и легитимность выборных органов государственной власти: монография. СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2014. 272 с.
 10. *Джагарян А.А.* Выборы в механизме государственного целеполагания: конституционно-правовые аспекты // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2. С. 37-47.
 11. *Дмитриев Ю.А., Израелян В.Б.* Избирательное право. Учебник. М.: «ЗАО Юстицинформ», 2008. 312 с.
 12. *Епифанов А.С.* Партия власти в электоральных процессах современной России // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 259-265.
 13. *Истон Д.* Категории системного анализа политики / Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997. 830 с.
 14. *Колюшин Е.И.* Конституционное право России: курс лекций. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 416 с.
 15. *Кравиц В.* Юридическая коммуникация в современных правовых системах в теоретико-правовой перспективе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 8-26.
 16. *Кравченко А.И.* Основы социологии и политологии. М.: Проспект, 2015. 352 с.
 17. *Ланцов С.А.* Политология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2011. С. 313-314. 544 с.
 18. *Луман Н.* Введение в системную теорию / Под ред. Д. Беккера. Пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: «Логос», 2007. 360 с.
 19. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. М.: Наука, 2007. 648 с.
 20. *Луман Н.* Что такое коммуникация? // «Социологический журнал». 1995. № 3. С. 114–125.
 21. *Манен Б.* Принципы представительного правления / Пер. с англ. Е.Н. Рощина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского универс. в СПб. 2008. 323 с.
 22. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / перев. Ю.А. Данилова. 2-е изд. доп. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2019. 316 с.
 23. *Новиков М.С.* Понятие выборов, их значение в механизме народовластия // «Пробелы в российском законодательстве». 2009. № 1. С. 33-36.
 24. *Орлов Д.В.* Институт юридической ответственности за избирательные правонарушения в современной России: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 35 с.

25. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева / Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
26. *Политология. Курс лекций* / Под ред. М.Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 683 с.
27. *Политология: Учебник для вузов* / Отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 1999. 374 с.
28. *Постников А.Е.* Избирательное право России. М.: ИНФРА-М; Норма, 1996. 217 с.
29. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию: учебник. 5-е изд. перераб. М.: КНОРУС, 2015. 520 с.
30. *Режабек Е.Я.* Капитализм: проблема самоорганизации. Р. н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 320 с.
31. *Спенсер Г.* Синтетическая философия: Пер. с англ. К.: Ника-Центр, 1997. 512 с.
32. *Таагенера Р., Шугарт М.С.* Описание избирательных систем // «Полис. Политические исследования». 1997. № 3. С. 114-136.
33. *Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин; научн. ред. В. Софронов. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 448 с.
34. *Шумпетер Й.А.* Капитализм, Социализм и Демократия / Пер. с англ. Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
35. *Letelier J.C.* (2007). Maturana's Autopoiesis and Rosen's (M, R) systems. *J. of theoretical biology*, vol. 222, Is. 2: 261-272.
36. *Luhmann N.* Legitimation durch Verfahren. Neuwied, 1969. 261 p.
37. *Maturana H.R., Varela F.J.* (1980) Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Dordrecht: D. Reidel. 146 p.
38. *Parsons T.* (1966) Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall. 120 p.
39. *Rosen R.* (2000) Essays on Life Itself. Columbia University Press, New York. 416 p.
40. *Sartori G.* (1987) The theory of democracy revisited. Part One: The Contemporary Debate. Chatman, NJ: Chatman House. 542 p.
41. *Teubner G.* (1989) How the Law Thinks: Toward a Constructivist Epistemology of Law. In: Krohn W., Küppers G. & Nowotny H. (eds.) Selforganization. Portrait of a scientific revolution. Kluwer, Dordrecht: 87–113.
42. *Vanhanen T.* (1990) Process of Democratization: A Comparative Study of 147 States (1980–88). N.Y., 326 p.
43. *Varela F.* (1997) Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. Vol. 34. P. 72–87.

2.8 Государство как политико-правовой регулятор в контексте системной теории Н. Лумана

Одним из выдающихся исследователей современного общества является классик немецкой и мировой социальной науки Никлас Луман (1927-1998).

Этим автором подготовлено 77 книг и более 200 статей, посвященных описанию общества и его институтов, как социальных систем.

С 2000 по 2005 гг. некоторые труды Н. Лумана изданы на русском языке, в т.ч. «Общество общества», «Власть» «Реальность массмедиа» и др.⁴⁸³

⁴⁸³ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001; Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006; Луман Н. Общество общества. Ч. I. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004; Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994; Луман Н. Почему необходима «системная теория»? / Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994; Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

Для Лумана, понятие «**система**» базируется на *различении системы (System) и, находящейся в определенном взаимодействии с ней, внешней среды (Umwelt)*, что не согласуется с обычной системной парадигмой различения «целого» и его частей.

По мнению Н. Лумана, задача системного подхода состоит в упрощении бесконечной сложности реального мира, предлагая его концептуальную карту, теоретические инструменты, пригодные для познания социального мира, а не его преобразования.

Задача системной теории

Задача этой теории состоит:

в упрощении бесконечной сложности реального мира. Социологическая теория, по мнению Лумана, должна разрабатывать теоретические инструменты, пригодные для познания социального мира, а не заниматься вопросами прогресса и эволюции.

Развитие системного анализа в науках об обществе проходило в три этапа. Системная теория Н. Лумана относится к третьему этапу развития системных представлений об обществе.

На первом этапе общество воспринималось с точки зрения естественных наук (биологии), как некоторая целостность, аналогичная или даже равная биологическому организму.	На втором этапе развития системного подхода в социологии понятие «система» стало применяться уже лишь как удобная абстракция, отражающая поведение сложных образований, состоящих из взаимосвязанных частей. Акцент в теоретической социологии теперь сместился с рассмотрения взаимозависимости этих частей, к рассмотрению взаимодействия и взаимозависимости различных систем и подсистем	Третий этап — теория самореферентных систем в развитии системных представлений о социальном мире. Под системой здесь понимается нечто, способное отличать себя от внешней среды и воспроизводить эту границу.

В понимании Н. Лумана, системы существуют в реальности, а не являются лишь концептуальной конструкцией, или мыслительной формулой. Наряду с *психической системой*, Н. Луман выделяет социальные системы, разделяя их на три типа: *интеракция, организация, общество*.

Интеракция определяется как взаимодействие между людьми, взаимно воспринимающими друг друга.

Организация координирует действия всех своих членов без того, чтобы каждый из них входил в непосредственное общение с каждым, достаточно очертить ее границы условиями членства в организации.

Общество определяется как «всеохватывающая социальная система всех действий, коммуникативно доступных друг для друга»⁴⁸⁴.

Систему Лумана можно *наблюдать*, ее можно *описывать*, с ней можно *оперировать*. **Наблюдатель** (социальная, психическая, или иная система) также является реальной системой, которая, наблюдая всякую конкретную систему, различает (конкретизирует) лишь то, что доступно наблюдателю в рамках используемых им инструментов (языков) различения. Наблюдатель может наблюдать только так, как он может реально наблюдать, и может различать только в пределах ему доступных различий. Отбор наблюдателем такой реальной и актуальной операции различения, согласно Луману, определяется понятием «**селекция**» (Selection).

В ее современном состоянии, системная теория Никласа Лумана рассматривает всякую социальную систему, как систему самореферентную, самовоспроизводящуюся, автопоэтическую. Термин «**автопоэзис**» (Autopoiesis), обозначающий, дословно, «самосоздание» или «самовоспроизведение», возник в 70-е годы XX в. и укрепился в употреблении в науке, благодаря работам чилийских биологов Умберто Матурана и Франциско Варела. Как писал в свое время Н. Луман в статье «Автопоэзис как социологическое понятие», «То, что теоретическая концепция автопоэзиса вызывает интерес намного больший, чем ожидалось, объясняется прежде всего тем, ... что в настоящее время в этой области вряд ли существует теоретическое предложение, которое может с ним конкурировать»⁴⁸⁵.

⁴⁸⁴ Luhmann N. Interaktion, Organisation, Gesellschaft. S. 12

⁴⁸⁵ Luhmann N Autopoiesis als soziologischer Begriff// Haferkamp / Schmid, Sinn, Kommunikation und soziale Differenzierung. Frankfurt/Main, 1987. S.307.

Функционирование общества

- **Функционирование общества** – это его постоянное воспроизводство, устойчивый процесс воссоздания структур, функциональных связей, составляющих организацию социетальной системы.
- Самосохранение, функционирование общества есть не что иное, как его способность противостоять деструктивному влиянию извне. Функционировать – значит поддерживать равновесие системы с окружающей средой.

Аутопойезис

- Для обозначения процесса самовоспроизводства социальной системы используется термин «аутопойезис» (в переводе с греческого – самотворение, самопорождение), предложенный чилийским биологом У. Матураной.
- **Аутопойетические системы** – это такие системы, которые обладают способностью воспроизводить свои основные компоненты, обеспечивая их связанность, упорядоченность, поддерживая тем самым собственную идентичность. Однако это не исключает изменений внутри системы, появления новых элементов, новых зависимостей, переструктурирования нормативного порядка и т.д.

Символическое представление аутопойетической системы:

Внутренние компоненты взаимодействуют с окружающей средой и имеют внутренние взаимосвязи, которые формируют структуру аутопойетической системы. В то же время, граница системы определяет внутреннюю структуру, как замкнутую, и определяет взаимодействие с окружающей средой через ее внешнюю структуру.

Свойства общества как аутопойетической системы

- общество обладает способностью воспроизводить себя как целостность. Это объективное свойство системы, т.е. оно не определяется желанием и волей конкретного человека;
- воспроизводя себя, общество не только сохраняет свою целостность, но и изменяется;
- самовоспроизводство общества не воссоздает его в абсолютно неизменном виде, а лишь поддерживает самоидентичность общества, т.е. сохранение общих принципов организации, отличной от всех других социальных систем;
- самовоспроизводство общества осуществляется только на основе развития метаболических процессов, т.е. постоянного взаимодействия общества и его окружающей среды.

<h3 style="text-align: center;">Процесс самовоспроизводства общества</h3> <ul style="list-style-type: none"> • Фаза динамического равновесия — это воспроизводство индивидами всех основных структурных элементов и функциональных связей общества-системы. Взаимодействуя, люди ориентируются на статусно-ролевые предписания, благодаря этому обеспечивается бесперебойная работа социальных институтов, организаций, групп (воспроизводятся институциональный уровень системы), а также соблюдаются культурные, правовые нормы (воспроизводятся социальный уровень системы). • Фаза нарушенного равновесия — это появление расхождений, сбоев в работе общества-системы: увеличение числа случаев неадекватного поведения ролевых предписаний, снижение эффективности санкций, нарушение нормативного порядка. • Фаза нового динамического равновесия — это восстановленное, относительно устойчивое состояние системы. Отличие его от предыдущего динамического равновесия может варьировать от практически незаметного до радикального. В первом случае говорят о собственном функционировании, воспроизводстве системы, во втором — об ее изменении, преобразовании. 	<h3 style="text-align: center;">Основные понятия Системной теории Н.Лумана</h3> <ul style="list-style-type: none"> • АУТОПОИЕЗИС. Система сама оформляет элементы, которые она относит к своим собственным. • СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ. Социальные системы производят селекции, являющиеся либо <i>действиями</i>, приписываемыми системе, которой приписывается ответственность за эти действия; либо <i>переживаниям</i>, относящимися к окружающему миру, воспринимающимися как информация об объективных состояниях мира, которые невозможно отнести к действиям ни одной из систем, включенных в ситуацию. • КОММУНИКАЦИЯ. Коммуникация понимается как элементарная структурная единица социальных систем. Для трех компонентов всякой коммуникации Луман выбрал следующие названия: <i>информация, сообщение и понимание</i>. • ИНФОРМАЦИЯ. Согласно пониманию, разработанному Луманом, <i>информация является различием, производящим различие</i>.
--	--

Автопоэзис—это способ существования социальной системы, ее становления, функционирования и эволюционных изменений. Причем, система воспроизводит все свои элементы только из действующей сети своих элементов, она же отграничивает, закрывает себя от внешней среды, будучи замкнутой операционально. Такая, операционально, по своим операциям, закрытая автопоэтическая система располагается в окружающей ее среде, которая всегда является многократно более сложной, и содержит в себе больше возможностей, чем может быть реализовано в самой системе.

Система взаимодействует с окружающей средой, однако, не через традиционную цепочку вход- черный ящик-выход, а через сопряжение (сцепление) с окружающей средой системы. Поскольку в реальном мире существует не одна реальная система, между ними могут существовать определенные взаимоотношения и взаимовлияния. Под влиянием окружающей среды и других систем, социальная система может, не обязательно линейно, эволюционировать.

В теории социальных систем Лумана, в качестве базового понятия, подобно понятиям «система» и «автопоэзис», используется понятие «**смысл**», — это то реальное и актуальное значение, которое придает наблюдатель наблюдаемому им нечто. Это означает, что система не поглощает всю информацию из окружения, а совершает селективный отбор того, что обладает

актуальным смыслом. Т.е. когнитивные свойства систем позволяют отбрасывать одни возможные сообщения и отбирать другие, осмысленные в определенном контексте. Смысл действий и ожидания действий отграничивают социальную систему от окружающего ее мира, сама система очерчивает свои границы в отношении необозримого окружающего мира и его проявлений.

Поскольку мир сложен и необъятен, то восприятие и социальных психических систем, а возможность обработки информации в виде мыслей или тем для обсуждения, ограничено, то возникает необходимость редукции (сокращения) этой сложности путем отбора действий, переживаний, мыслей и т.д. Н. Луман называет эту базовую функцию всех систем *редукцией сложности (сокращением сложности)*.

При этом, согласно теории Лумана о функционально дифференцированных социальных системах, каждая крупная под(система) общества берет на себя решение определенной социальной проблемы, будь то, например, создание и приумножение научного знания, обеспечение благосостояния членов социума, поддержание правопорядка, проведение эффективной внутренней и внешней политики и т.д. Решение каждой из такого рода проблем предполагает соответствующую редукцию сложности (комплексности) мира – т.е. необходимо исключить из актуального «восприятия» системы то, что не имеет смыслового значения для решения проблемы.

Обратимся теперь к правовым взглядам Н. Лумана, с точки зрения которого каждая из крупных подсистем современного общества, включая и правовую, является полностью автономной. Это связано с тем, что функция, которую выполняет данная подсистема, не может выполняться никакой другой подсистемой общества». Луман настаивает, что автономия является не желательным состоянием, а фатальной необходимостью⁴⁸⁶.

⁴⁸⁶ Масловская Е.В. Национальные школы современной социологии права // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 3. С. 52-64.

Каждая из подсистем функционально дифференцированного общества участвует в социальной коммуникации, но тем не менее находит собственный способ формирования своих элементов, у которого нет эквивалента в окружающей среде⁴⁸⁷. По мнению ученого, коммуникация в праве существенным образом разнится с понятием «коммуникация» в политике или экономике. Действительно, система права в своем арсенале имеет собственные признаки, согласно которым определяется предмет коммуникации. Таким признаком служит код - «правовое»/«не правовое» – посредством которого система способна определять: какой именно круг вопросов требует правового регулирования. Таким образом, происходит отграничение системы права от иных систем. В видении немецкого социолога, право есть система, отграниченная от других подсистем общества, с четко организованными и определенными функциями; а правовая система только наблюдает остальные подсистемы общества.

При этом, право является «нормативно закрытой, но когнитивно открытой системой»⁴⁸⁸. Хотя правовая система может реагировать на воздействие экономической или политической систем, такое воздействие переосмысливается в ее собственных категориях. Экономика и политика, которые являются для системы права частью ее внешней среды, не могут определять содержание правовой коммуникации. «Изменение правовых норм, – пишет Луман, – может происходить только внутри правовой системы. Это не вопрос власти или влияния, и здесь нет отрицания того, что окружающая среда, и, в особенности политическая система, воздействует на правовую систему. Но правовая система воспроизводит себя лишь посредством правовых явлений»⁴⁸⁹.

Вместе с тем, нельзя отрицать тезис о тесном взаимодействии всех функциональных подсистем в современном обществе. В частности, само право

⁴⁸⁷ Luhmann N. The unity of the legal system // Autopoietic law: A new approach to law and society / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1988. P. 19.

⁴⁸⁸ Luhmann N. The unity of the legal system // Autopoietic law: A new approach to law and society / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1988. P. 20.

⁴⁸⁹ Luhmann N. The self-reproduction of law and its limits // Dilemmas of law in the welfare state / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1986. C. 113.

теснейшим образом связано с другими социальными феноменами (экономикой, политикой, моралью, религией)⁴⁹⁰.

В этой связи, д.ю.н. Ф.Х. Галиев дает обоснование философии *синкретизма*⁴⁹¹, доказывая, что в современной правовой системе право взаимодействует со всеми социальными регуляторами, они действуют совместно, взаимосвязано и взаимозависимо. Данную ситуацию исследователь сформулировал как синкретизм современной правовой культуры, который «заключается в том, что правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения, в единстве с другими социальными регуляторами»⁴⁹².

Так, по мнению В.Я. Девятова, формирование суверенной демократической политико-правовой культуры в России возможно при создании условий для «постепенного отхода от ориентации на западную политико-правовую культуру, с ее технической цивилизацией и потребительской личностью, и направление нравственно-преобразовательных усилий на внутренний мир, систему ценностей и приоритетов современной России»⁴⁹³. Под политико-правовой культурой здесь понимается «уровень и характер политических знаний и правовых действий, это содержание и качество социальных ценностей, включая систему общественно-исторических традиций,

⁴⁹⁰ Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

⁴⁹¹ Синкретизм (от греч., *synkretismos* – соединение) – философская и культурологическая категория, характеризующая особый тип соединения разнородных факторов в целостность, когда множество элементов не теряет своего своеобразия в единстве, а единство не позволяет элементам перейти в состояние хаоса.

⁴⁹² Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 36-73; Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190; Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РАНХиГС, 2014; Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.

⁴⁹³ Девятов В.Я. Современная политическая и правовая культура России: проблема взаимосвязи: автореф. дисс. ... канд. культ. наук. Нижневартовск, 2008.

которые удовлетворяют потребность людей в общественном порядке и социальной стабильности⁴⁹⁴.

Для Лумана, хотя это и затрудняет их функциональное разграничение, между правом и политикой существует глубинная взаимосвязь. Подчеркивая этот аспект, Н. Луман пишет, что «Право нуждается в политике для своего осуществления, поскольку без перспектив претворения в жизнь невозможна всесторонне контролируемая стабильность норм. Со своей стороны, политика использует право для доступа к политически концентрированной власти. Но именно данное взаимодействие и предполагает дифференциацию этих систем»⁴⁹⁵.

Функционально выделенная немецким ученым подсистема общества – политическая система, в центр системных отношений которой Н. Луман ставит смысловое понятие «**власть**». При этом, определение власти формулируется не посредством определенных признаков, присущих власти, а посредством системной функции. Данная функция представляет собой редукцию сложности (комплексности) политической системы. Редукция реализуется на основании смысла – основополагающее определение теории Лумана. Посредством смысла, эволюция создает системы высокой сложности. На уровне психических систем, смысл осуществляется в качестве сознания; при возникновении социальных систем – в виде **коммуникации**. Итак, *общество является коммуникацией, субстанцией власти является смысл, власть – смысл политической жизни, политики*. Этим объясняется функционирование власти в системе.

Роль власти для политической коммуникации обусловлена тем, что она выступает средством, которое обеспечивает непрерывность процесса принятия или отклонения *сообщения*. Она (власть) обрабатывает послание носителя власти как оферту подвластному: принять решение либо отклонить. «То, что

⁴⁹⁴ Бессонов Е.Г. Механизмы формирования духовной культуры общества (социокультурный и политико-правовой аспекты). М.: Этносоциум, 2011.

⁴⁹⁵ Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 150.

реципиент получает данное сообщение в виде *властного кода*, означает, что: и принятие, и отклонение повлечет за собой специфические последствия, обусловленные наличием тех или иных санкций. И уже прежней неопределенности нет. Действие кода власти направлено на то, чтобы реципиент был заинтересован в положительном ответе, независимо от того, каково конкретное содержание сообщения и от кого оно исходит»⁴⁹⁶.

Отличительной чертой власти, по сравнению с другими средствами, согласно Луману, является то, что *изменение деятельности Alter (реципиента)* происходит посредством деятельности Ego (*коммуниканта*). Как считает немецкий социолог, мотивацией власти является угроза применения негативных санкций, а реализацией власти – возможность их избежать, в этом видится баланс интересов реципиента и коммуниканта.

Анализируя механизмы осуществления политики, Никлас Луман часто использует непривычные для большинства правоведов и политологов образы, а их привычные образы встречаются в непривычных контекстах. Так, сущность политического, на его взгляд, находит выражение в «*формуле контингентности*», а то, что прежде приравнивали к его «природе», представляет собой ограничения, которые воздействуют на коммуникативные возможности системы, определяя ее поведение и функциональность.

Поскольку логика внутренней событийности системы не может быть определена внешним, контингентность означает возможность случайностных процессов, случайных сопряжений, которые доступны и понятны самой системе, но не могут быть заранее заданы и просчитаны.

В исторический период становления политической мысли, формула контингентности зиждилась на определении общего блага. Таким образом, в понятие «политический» входило то, что служило общим интересом (в отличие, от частного). В Новое время⁴⁹⁷, граница между общим и частным благом

⁴⁹⁶ Штихвее Р. Никлас Луман. Немецкая социология. СПб: Наука, 2003. С. 246

⁴⁹⁷ Новое время – это эпоха в истории, занимающая период между Средними веками и Новейшей историей. Она продолжалась три столетия – с XVI по XIX века.

зависела от политических установок, а потому могла смещаться; тогда формула контингентности преобразовалась в принцип легитимности (предоставление общественных предпочтений, ради которых сражаются политическим образом). Н. Луман убежден, что легитимность в качестве формулы контингенции непременно должна содержать в себе указание на процедурные правила и возможность достижения консенсуса⁴⁹⁸.

Немаловажное место и значение в лумановской теории о политике занимает вопрос о системной памяти политики. Немецкий ученый не соглашается с тем, что память социальных систем равна коллективной памяти индивидов. Социальные системы обладают собственными механизмами запоминания, которые лишь актуализируются в памяти индивидов.

Согласно Луману, в том, что в так называемых «исторических документах», в реальности содержится социальная память. В вопросе политики главенствующую роль занимают *ценности* и *интересы*, и их различение.

Характерная особенность *ценностей* определяется тем, что они не подлежат верификации, их не опровергают, а имеют стремление сохранить.

Интерес же свою очередь, предлагает возможность извлечь ценность из памяти и перевести ее в *цель*. Для определения *действия* надо знать интерес, который будет мотивировать к необходимому действию конкретный субъект.

Важное место в исследованиях Лумана занимала проблема соотношения *политики, права и государства*, мало изученных в российской юридической науке проблем соотношения государства и политической системы, политической и юридической систем в их трактовке Н. Луманом.

Наличие права и политики в государстве обусловлено имеющимися между ними (политической и правовой системами) структурными соответствиями (сопряжениями). Как пишет Н. Луман, «Структурные соответствия между политической и правовой системами получили развитие в

⁴⁹⁸ Сальников В.П. и др. Политико-правовые взгляды Никласа Лумана // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52). С. 187-193.

качестве «государства». При этом, как пишет ученый, в результате развития «новых форм дифференцирования в функциональных областях государство оказалось носителем структурной связи политической и юридической систем правда лишь в том случае, когда государство получает такую конституцию, которая конструктивно преобразует право в политическое средство оформления и одновременно конституционное право — в юридический инструмент дисциплинирования политики»⁴⁹⁹.

В функциональном смысле, государство является таким единством, которое различным образом используется политикой или правом. Отсюда, отнесение того или иного к государству делает возможным «смещение» перспективы в зависимости от того, направлен ли взгляд с политической системы на право или с правовой системы на политику. Такая смена перспектив часто остается вне поля зрения, когда государство трактуется как политико-правовое единство.

Причем политико-правовое «единство» мыслится Луманом лишь как единство в рамках «системы общества», в целом. Применительно к юридической системе это означает: право «определяется общественным развитием» и одновременно само «воздействует» на него⁵⁰⁰.

Ряд современных авторов отметили глубокую концептуальную связь между организацией автопоэзийных систем и, так называемой, (M,R)-системой Роберта Розена, пришедшей также из теоретической биологии и описывающей минимальную модель жизнеспособной системы, используя тетраду причинности Аристотеля⁵⁰¹.

⁴⁹⁹ Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 470.

⁵⁰⁰ Посконина О.В. Политико-правовая теория Никласа Лумана (Методол. аспект): Дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1997. 436 с.

⁵⁰¹ Rosen R., 2000. Essays on Life Itself. Columbia University Press, New York. 416 p.

Американский биолог-теоретик, профессор биофизики Университета Далхаузи
Роберт Розен (1934-1998)

Аристотель

- **Аристотель** (384 — 322 до н. э.) — древнегреческий ученый, философ, основатель Ликей, учитель Александра Македонского. Был сторонником умеренной демократии. Создал всестороннюю систему философии, охватившей все сферы человеческого развития — социологию, науку, философию, политику, логику.

Представление соотношения политики, права и государства, с помощью инструментария (M,R)-систем позволяет сделать вывод, что политико-правовой регулятор общества и жизнеспособное государство образуют динамически воспроизводящееся единство. Как показано на следующем рисунке и на диаграмме, через действующие структурные сопряжения, власть (политическая система), закон (юридическая система) и государство оказываются динамическим единством, замкнутым по воздействию фактору (красная стрелка) друг на друга.

Системный фактор	Действующая причина	Материальная причина
f: Власть (политическая система)	Ф	В
В: Государство	f	A: Общество
Ф: Право, закон (юридическая система)	В	f
... f → В → Ф → f ...		

В заключение, следует отдать должное немецкому ученому: несмотря на сложность восприятия его идей, системный подход Никласа Лумана существенно обогатил язык и методологический инструмент политологии, современной правовой науки, и социальных наук, в целом.

2.9 Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства

Сегодня, во многих странах окружающего нас мира можно наблюдать глубинные социальные напряжения и расколы. В условиях информационно-идеологической войны и санкционного давления Запада, нельзя назвать

спокойной и социально-политическую ситуацию в Российской Федерации. Современные российские реалии свидетельствуют о наличии в стране значительных социальных противоречий и конфликтов, возникающих вследствие низкой политико-правовой культуры в обществе, поляризации ценностных и имущественных различий, разнонаправленных интересов и представлений об общенациональном будущем и путях его достижения. Эти факторы способствуют порождению условий социально-политической неустойчивости, для преодоления которой необходимы эффективные политико-правовые механизмы поддержания социального компромисса и баланса общественных сил, обеспечения жизнеспособности государства.

В свое время, у Советского Союза не хватило исторического времени и мудрости для эволюционного разрешения накопившихся социально-экономических и политических проблем, неочевидно, - есть ли необходимый запас прочности и существует ли стратегия успешного преодоления нарастающих вызовов у современной России? Поиск стратегического маневра для качественного преобразования государства, обеспечения его жизнеспособности и устойчивости социально-политической системы, требует предельного напряжения научной мысли, мобилизации правовой политики и политической практики.

В соответствии с теорией «колеи» (Path Dependence), исторический путь государства в значительной степени детерминирован его этническими факторами, культурой, географией, климатом и иными, присущими стране, цивилизационными и социокультурными особенностями⁵⁰². Для российской траектории характерны резкие повороты в истории государства и общества, груз внутренних проблем и угроз неоднократно приводил к слому государственной машины (распад Киевской Руси и Московского царства, крах Российской империи, распад СССР), что свидетельствует о социально-политической неустойчивости исторически складывающихся форм

⁵⁰² Mahoney, J. (2000) Path dependence in historical sociology // *Theory and Society*, Vol. 29, No. 4, p. 507-548.

Российского государства. Хотя, после каждой государственной катастрофы, Россия убедительно восстанавливала и наращивала свой геополитический, организационный, экономический и военно-оборонительный потенциал, можно говорить о значительных рисках для грядущего Российской Федерации. Дальнейшее движение по «накатанной» колее российской истории, во-многом, предопределяется духовно-нравственными ценностями российского социума, религией, политическими предпочтениями, традициями правовой системы, культурным многообразием и характером многоэтнического народа, разнообразными природно-климатическими условиями, географическими просторами России, окруженной множеством соседних стран, действием всех факторов, оказывающих свое влияние на формирование российской идентичности.

В этой связи, выдающийся русско-американский мыслитель Питирим Сорокин обращал внимание мира на огромную жизнеспособность русской (российской) нации, присущие ей особые черты - тысячелетнее существование, замечательное упорство, «дух самопожертвования во имя благополучия народа и сохранения культурных ценностей, дух, засвидетельствованный бесстрашием и мужеством, бескорыстной преданностью, стойкостью и выносливостью»⁵⁰³.

В Преамбуле действующего Основного закона РФ презюмируется, что, соблюдая «суверенную государственность России», многонациональный народ страны обязуется «обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями»⁵⁰⁴. Отсюда, продолжение долгосрочного исторического существования российской многоэтнической нации и государства в условиях внешних и внутренних угроз, поддержание устойчивости и жизнеспособности социума как основополагающего начала для организации жизнедеятельности и

⁵⁰³ Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. С. 331.

⁵⁰⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

развития современной России, во всем ее, доставшемся от предков, цивилизационном многообразии, становятся сложнейшей научной проблемой и вызовом практической политики публичной власти. При этом, необходимо считаться с утверждением, сформулированным еще в начале XIX века классиком науки управления А. Файолем, «Власть немислима без ответственности, то есть без санкции — награды или кары, — сопровождающей ее действие. Ответственность есть венец власти, ее естественное следствие, ее необходимый придаток. Всюду, где действует власть, возникает и ответственность»⁵⁰⁵.

Основу жизнеспособности государства составляет его потенциал, как совокупность духовно-нравственных, политико-правовых, социально-экономических, организационно-управленческих ресурсов, и степень вовлечения этих ресурсов в процессы устойчивого функционирования и развития. Отсюда следует, что политика государства должна быть направлена на развитие этого потенциала и повышение эффективности государственного управления⁵⁰⁶ в его использовании, создавая для будущих поколений реальные возможности жить и развиваться в суверенном российском государстве.

Отношения и практики взаимодействия между собой субъектов политической власти, общественных институтов и личности определяются в России, как правовом государстве, рамками условий, которые задают действующие правовые нормы. При этом, стремление максимально расширить свои сферы общественного влияния и прерогативы, в особенности, государственной власти, захватить имеющиеся «пустоты», со стороны одних субъектов взаимодействия и взаимопроникновения в социуме, неизменно (неизбежно) приводит к сужению сферы или величины влияния других участников общественных отношений, вплоть до реальной угрозы поглощения

⁵⁰⁵ Файоль А. Из книги «Общее и промышленное управление» (1916 г., перевод на рус. язык Б.В. Бабина-Кореня, 1923 г). С. 14.

⁵⁰⁶ Под эффективным государственным управлением мы здесь понимаем управляющие и регулирующие воздействия, способствующие укреплению и повышению жизнеспособности социума. Применительно к публичному управлению, понятие «эффективное» пока не получило должного доктринального политико-правового и аксиологического закрепления.

их роли доминантом. Логика обратного умозаключения также представляется оправданной, в частности, ограничение, в определенной степени, сферы или величины влияния государства будет способствовать расширению прав и возможностей институтов гражданского общества, объема и характера личностных инициатив граждан.

Особенностью современного постиндустриального цивилизационного уклада является изменение правил социальной организации, связанное с радикальным повышением сложности и разнообразия социальных процессов и институтов в сфере труда, управления и досуга⁵⁰⁷. Отсюда, решение проблемы устойчивости общественных систем, жизнеспособности современного государства, выдвигает на первый план задачу повышения эффективности политико-правового и социального управления в условиях роста социального разнообразия.

В науке об управлении в сложных динамических системах, жизнеспособная система – это система, способная достаточно долго сохранять и поддерживать самостоятельное существование⁵⁰⁸. Принцип жизнеспособности можно рассматривать в качестве обобщенного критерия способности государства к эффективному политико-правовому управлению ресурсами, обеспечивая длительное суверенное существование, адаптируясь к динамическим изменениям среды, эффективно разрешая проблемные и кризисные ситуации, возникающие вследствие внутренних и внешних угроз.

Рассматривая социум государственного образования как сложную самоуправляемую и самоорганизующуюся социальную систему, с подсистемами политико-правового государственного управления, общественной и личностной самоорганизации необходимо учитывать существование ряда закономерностей и принципиальных ограничений на

⁵⁰⁷ См.: Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 776 с.

⁵⁰⁸ Espejo R. The viable system model. A briefing about organizational structure. SYNCHO Ltd., 2003. P. 1-35.

инструменты и возможности управления для обеспечения устойчивости государства.

Так, кибернетический закон необходимого разнообразия (числа качественно различаемых состояний системы), сформулированный У. Эшби говорит о том, что, для эффективного управления, степень разнообразия управляющего органа должна быть не меньше степени разнообразия управляемого объекта.

При совершенствовании систем политико-правового управления в государстве также следует иметь в виду, что повышение ее эффективности, посредством увеличения сложности и степени разнообразия, имеет определенные пределы, обусловленные действием, так называемого, «принципа хрупкости хорошего»: все хорошее менее устойчиво, чем плохое; чем сложнее и эффективнее организация системы, тем с большей вероятностью возможна потеря относительной устойчивости⁵⁰⁹. Ведь всякая эффективная система с управлением должна отвечать, одновременно, как правило, набору требований, и если, в какой-то момент, произойдет незначительное нарушение хотя бы одного из обязательных условий, то система, скорее всего, перейдет в неустойчивое состояние. В этом смысле, простые социальные регуляторы, работающие по принципу «кнута и пряника», показывают большую устойчивость, хотя их социальные результаты, порой, оказываются сомнительными.

Наконец, третий из базовых постулатов, на которых базируется наука и практика организации социальных систем с эффективным управлением связан именем советского ученого Е.А. Седова, предложившего определенное дополнение к закону Эшби, которое впоследствии получило название «закон иерархических компенсаций» (закон Седова)⁵¹⁰. Открытие этой

⁵⁰⁹ Лесков Л.В. Регулируемое развитие России: принцип хрупкости хорошего // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 148; Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997.

⁵¹⁰ Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 92-100.

закономерности сложных систем позволило понять, почему примат разнообразия в управлении не всегда приводит к наилучшим результатам, и почему в социальной жизни необходимы такие регуляторы-ограничители разнообразия как этика и право (не говоря уже о правилах грамматики и уличного движения).

Качественно, суть закона Седова сводится к следующей формулировке: в сложных, иерархически организованных и сетевых системах, рост разнообразия на верхнем уровне в структуре системы, обеспечивается посредством определенного ограничения разнообразия на ее нижних уровнях. Обратное тоже верно: излишний, неограниченный рост разнообразия на нижних уровнях структуры приводит к разрушению верхнего уровня организации и гибели всей системы.

Как показано в работах Б.В. Россинского, государство является большой и сложной системой общественного порядка (с государственным и социальным управлением), которой присущи все системные принципы и законы. При этом, следует учитывать, что соответствие необходимым системным принципам и законам не гарантирует, а лишь определяет возможность обеспечения устойчивости государственных образований⁵¹¹.

Жизнеспособность и устойчивость государства связана с устойчивостью государственного управления, представляющего собой многогранную деятельность, которая осуществляется на основе анализа поступающей от объектов управления информации, при использовании положений самых разных отраслей знания, таких как юриспруденция, философия, история, политология, социология, экономика, психология и другие общественные науки. При этом, устойчивость государства и государственного управления базируется на обеспечении системного гомеостазиса, как стабилизирующего динамического механизма разрешения возникающих в социуме противоречий,

⁵¹¹ Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 264 с.; Россинский Б.В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 168 с.

связанных с угрозой потери устойчивости. Так, рассматривая гомеостазис больших систем с юридических позиций, Н.В. Витрук и др. определяли это понятие как социально-правовой механизм, который обеспечивает стабилизацию и сохранение уровня системной устойчивости, в условиях действия на них многих возмущающих и дестабилизирующих факторов⁵¹².

При рассмотрении устойчивости правового государства как важнейшей интегральной цели государственного управления, важным аспектом становятся взаимоотношения между государством и правом, заложенные в природе организационных процессов регулирования и управления. Как следует из работ Г.В. Мальцева, управленческие и регулятивные воздействия являются близкими, часто перекрывающими друг друга явлениями, однако, их природа различна. Управление (в том числе, государственное управление) предполагает наличие определенной цели, т.е. имеет телеологическую природу, в то время как регулирующие воздействия права осуществляются в соответствии с предустановленными нормами, т.е. регулирование имеет нормативную природу. Другими словами, правовое регулирование – это феномен юридического характера, а публичное управление есть феномен политический⁵¹³.

В этой связи возникает закономерный вопрос о создании в стране такой политико-правовой среды, в которой, стимулирующие и ограничивающие разнообразие, управленческие и регулятивные политико-правовые воздействия на участников отношений в социуме (власть, общество, и личности) будут находиться в таком динамическом балансе, который позволит обеспечивать в долгосрочном масштабе жизнестойкость государства, устойчивость

⁵¹² Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 158; Правовая кибернетика социалистических стран / под ред. Н.С. Полевого. М.: Юрид. лит., 1987. С. 57—59.

⁵¹³ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 28-30.; Аврутин Ю.Е. О парадоксах парадигмы публичного управления в теории государственного управления и в административном праве // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по матер. ежегодной всероссийской научно-практ. конф. (Сорокинские чтения), 25 марта 2016 года: в 3-х т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. Т. I. С. 10-30.

государственного управления и существующей социально-политической системы.

На наш взгляд, в основу формирования мер управленческого и регулятивного воздействия для нахождения и поддержания социального компромисса, баланса интересов людей и общественных сил в стране, обеспечения устойчивости и жизнеспособности страны, следует положить фундаментальный принцип взаимной ответственности публичной власти, общества и личности. При этом, ответственность субъектов общественных отношений нами понимается в широком мировоззренческом контексте, выходящем за рамки чисто юридического прочтения этой категории, причем, зачастую, лишь в ее негативном аспекте. В основе предлагаемой трактовки ответственности лежит сочетание и взаимодействие частных интересов личности, с коллективными интересами общества и государства, как формы политического бытия.

Обратимся к социально-правовой категории «ответственность». Раскрывая содержание общей теории ответственности, С.А. Авакьян справедливо указывает на существование ее позитивной формы (внутреннее отношение к своему долгу: ответственность перед своей совестью, либо перед кем-то), и негативной (ретроспективной) формы ответственности (применение санкций (наказания), в связи с оценкой неподобающего поведения)⁵¹⁴.

Концепция ответственности публичной власти, этой необходимой, «скучной, но закономерной спутнице свободы», представлена в работах Т.В. Милушевой, А.В. Филатовой и О.И. Цыбулевской. Вопросы взаимной ответственности государства и личности исследовали К.А. Бабаджанян, С.Б. Поляков и М.В. Токарева. По мнению Г.Н. Комковой, взаимную ответственность власти и человека следует отнести к конституционным принципам, поскольку в демократическом обществе «человек не совершает поступков, которые могут навредить другим людям или государственным

⁵¹⁴ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 103-104.

интересам, а государство обеспечивает достойную и безопасную жизнь своим гражданам»⁵¹⁵.

Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П презюмирует, что «Гражданин и государство связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями», на этом основании О.С. Черепанова формулирует свою дефиницию принципа взаимной ответственности государства и личности, как «стержневую идею права, выражающую баланс интересов и гармоничное сосуществование индивида и публичной власти на основе установления справедливой системы единства и равенства их прав и обязанностей»⁵¹⁶.

Развернутая концепция взаимной ответственности личности, общества, государства, на основе социальной солидарности развита Б.С. Эбзеевым. Ответственность рассматривается в его трудах и как двухаспектное явление, позитивная составляющая которого представляет собой «вытекающее из социальной солидарности атрибутивное свойство общественных отношений, получающее социальное, этическое, политическое, юридическое выражение и закрепление», присутствующее в общественных отношениях «всех субъектов

⁵¹⁵ Милушева Т.В., Филатова А.В. Концепция публичной власти в России // Современное право. № 11. С. 44-48; Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Публичная власть: взаимодействие юридической и нравственной ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2011. С. 123-138; Бабаджанян К.А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013; Поляков С.Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2011; Токарева М.В. Взаимное гражданско-правовое регулирование взаимной ответственности государства и личности: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Комкова Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России // «LEX RUSSICA» (Русский закон) Т. 68. 2009. № 2. С. 349.

⁵¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.; Черепанова О.С. Принцип взаимной ответственности государства и личности: понятие, сущность, структура // «Социум и власть». 2012. № 3 (35). С. 37.

государственного права, урегулированных Конституцией»⁵¹⁷. В основе позитивной ответственности лежит сочетание и взаимодействие интересов личности, государства, и общества, и составляющих его социальных структур. Общая конституционная ответственность личности выражается в соблюдении и исполнении конституционных обязанностей, пользуясь правами и свободами, в полном соответствии с их целевым назначением и юридическим содержанием. Причем, конституционные обязанности представляют собой юридическую форму выражения ответственности личности в общественных отношениях.

Ответственность, в т.ч. конституционная, носит двусторонний характер: из коллективных прав и обязанностей общества и государства по отношению к личности вытекает их ответственность перед своим членом и за него, причем, социальная ответственность общества «юридизируется» в лице государства, в качестве ее носителя, путем государственно-правового закрепления. Как результат, создается механизм ответственности государства, государственных и общественных органов и должностных лиц⁵¹⁸.

Таким образом, регулирование взаимных отношений между государством, обществом и личностью, осуществляется не только путем предоставления сочленам общества и государства прав, но и возложением на них обязанностей. Общество, и государство, в его лице, также имеют права и несут конституционные обязанности по отношению к личности. Причем, для достижения устойчивого функционирования общественного организма необходимо обеспечивать эффективное правовое регулирование, обеспечивающее согласование интересов личности, общества, государства, что определяется надлежащей правовой политикой и конкретизацией нормативного содержания конституционных обязанностей в текущем законодательстве.

Поскольку организационно создаваемые институты и механизмы политического управления и правового регулирования всегда «беднее»

⁵¹⁷ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2008. С. 169-174.

⁵¹⁸ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 281.

социальных объектов и структур, являющихся результатом процессов адаптации, самоорганизации и эволюции, то достигать эффективности управления и регулирования возможно лишь в той мере, в какой удастся находить балансы сложности и разнообразия в конкретных общественных взаимодействиях⁵¹⁹.

Как социальное образование, человек также является усложняющимся продуктом эволюционного развития, процессов воспитания, образования, социализации, и во взаимодействии с гражданином, обществом и государству также необходимо находить балансы разнообразия, учитывая индивидуальную сложность, и избегая инструментов, деформирующих личность. При этом, динамическое согласование балансов необходимого разнообразия, равновесия коллективного и индивидуального, способствующих повышению жизнеспособности и устойчивого существования страны, необходимо осуществлять на основе надлежащего государственно-правового закрепления прав и обязанностей субъектов власти и государственного права. Причем, императив взаимной ответственности человека и гражданина, социальных структур, общества в целом и публичной власти будет выступать в этом динамическом процессе в качестве метода государственного управления и механизма правового регулирования. Мы полагаем, что предложенный подход, направленный на формирование устойчивых структур социальных взаимосвязей, дополненный инструментами моделирования жизнеспособных систем⁵²⁰, будет способствовать практической разработке проблемы эффективного политико-правового управления в условиях современного мира, порождающих социально-политическую неустойчивость.

⁵¹⁹ Эшби У.Р. Общая теория систем как новая научная дисциплина // Системные исследования: Ежегодник, 1969. С. 48-59; Шабров О.Ф. Политические системы: открытость, устойчивость, развитие // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: Матер. Международной научно-практ. конф. В 4-х т. Т. 1. М.: Интеллект, 1996. С. 22-26.

⁵²⁰ Кокурина О.Ю. Жизнеспособность и устойчивость социально-политических систем: основания политико-правовой модели государства // Сб. тезисов IV Съезда Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов». В печати.

Заключение

В настоящем пособии содержится критическое обобщение проблемы жизнеспособности и устойчивости государства и социально-политической системы, на основе междисциплинарного системного подхода к ее решению. Разработаны концептуальные основания междисциплинарного системного подхода к обеспечению жизнеспособности государства, обоснован императив взаимной ответственности личности, общества и публичной власти как политико-правового регулятора обеспечения устойчивости социально-политической системы.

Изложенная методология носит междисциплинарный характер и находится на пересечении политологии, социологии, правоведения, наук об управлении и самоорганизации, о сложных системах. Использование системных подходов, методов кибернетики и синергетики, функционально-структурного анализа, позволило сформировать представление о социальных, государственных и политических образованиях, как сложных нелинейных самоорганизующихся и самовоспроизводящихся систем с управлением. Синтетическая методология исследования создала возможность для комплексного подхода к развитию концептуальных оснований решения проблемы обеспечения жизнеспособности и устойчивости государственных и социально-политических систем.

Междисциплинарный подход (юриспруденция, политология, социология, этика, философия, история, психология) использован для комплексного изучения природы и сущности феномена «ответственность», публично-правовой ответственности. Функционально-структурный и автопоэзийный подход нашел применение в исследовании процессов государственного управления и административно-правового регулирования.

В пособии констатируется, что современные методы исследования жизнеспособности и устойчивости государственных образований, стабильности социально-политических процессов, все еще находятся на начальной стадии познания сложности феномена самоорганизованных систем с государственным

и социальным управлением. В настоящем пособии предложены идеи, связанные с концептуальным междисциплинарным осмыслением проблемы жизнеспособности и устойчивости государственных и социально-политических образований как сложных самовоспроизводящихся социальных систем, способных к непрерывному долгосрочному самосохранению и саморазвитию. Становление современного постиндустриального цивилизационного уклада характеризуется волатильностью ранее относительно стабильных явлений, перманентным изменением правил социальной организации мира, радикальным повышением сложности, многообразия и динамизма социальных институтов и процессов в сфере политики, права, управления труда и досуга. В последние годы, мир вступил в полосу кризисных явлений и тектонических трансформаций, нарастания глобальной и региональной нестабильности, экономических, политических, этно-религиозных и цивилизационных противоречий в различных частях планеты. В настоящем пособии изложены предложения, позволяющие обосновать адекватные новым вызовам концептуальные основания политико-правовых механизмов и моделей, что потребовало фундаментального теоретического осмысления проблемы жизнеспособности и устойчивости современных политических и государственных систем, не привлечением современных достижений науки о сложных самовоспроизводящихся системах.

В пособии представлен авторский подход к концептуальному пониманию устойчивой организации общества и государства в современном мире как сложной самовоспроизводящейся и самоорганизующейся социальной системы с разделением на функциональные подсистемы общества: политическую, экономическую, правовую и т.д. Отдельные функциональные подсистемы общества представляют собой автопоэзийные, относительно автономные социальные системы, что обеспечивает обществу возможность справляться с проблемными ситуациями окружающего мира, за счет редукции сложности (комплексности), средствами обработки «смысла» автопоэзийными единицами

- социальными коммуникациями (Н. Луман) и действиями (Д. Истон, Т. Парсонс).

В развитие положений науки о сложных системах (У. Эшби, Е. Седов) и теории социальных систем (Н. Луман) показано, что в целях достижения устойчивости государства и социальных процессов в обществе, при формировании концепции системы публичного управления и административно-правового регулирования необходимо добиваться баланса между сложностью (и, следовательно, хрупкостью) политико-правового регулятора и качеством публично-правового управления и регулирования в государстве. В этом контексте, средствами редукции сложности процессов политико-правового управления и регулирования, без потери их качества, выступают механизмы и модели смысловой обработки социальных коммуникаций и действий.

В качестве одного из ведущих политико-правовых и социальных механизмов, регулирующих смысловую обработку социальных коммуникаций и действий в обществе и государстве, и, тем самым, способствующим жизнеспособности и устойчивости государственных и социально-политических систем предложен императив взаимной ответственности личности, общества и публичной власти, разработанный в трудах отечественных правоведов (Г.В. Мальцев, О.Ю. Рыбаков, Б.С. Эбзеев и др.). В основе позитивной ответственности лежит сочетание и взаимодействие интересов личности, государства, и общества, и составляющих его социальных структур. Показано, что в современной отечественной практике публичного управления и административно-правового регулирования недостаточно внимания уделяется развитию позитивной правостимулирующей формы социальной (в т.ч. юридической и политической) ответственности, в качестве одного из важных механизмов обеспечения устойчивого функционирования и развития государственного и общественного организма.

На основе комплексного анализа современной системной методологии (М. Адам, Л. Берталанфи, Ст. Бир, Г. Голинелли, Дж. Миллер и др.) функционально пригодной для инструментализации процессов диагностики и

совершенствования организационных систем с государственным и социальным управлением на соответствие критериям устойчивости предложено использовать рекурсивно-иерархическую многофункциональную Модель Жизнеспособных Систем (МЖС), в основе которой лежат инвариантные необходимые и достаточные условия воспроизводства жизнеспособности сложных самоорганизующихся систем. Основной рекурсивный функционал МЖС включает пять автономных функций (подсистем), находящихся между собой в динамическом взаимодействии, включая: высшее управление, идентичность; управление развитием и адаптацией; координация, регуляция, управление текущей деятельностью; контроль, аудит, управление ресурсами; управление и регулирование основными процессами, по предмету и по виду деятельности.

В целом, содержание пособия может быть полезно для разработки и реализации концепции устойчивого долгосрочного существования и развития Российского государства, создания условий для полноценного развития многих поколений многонационального российского народа в веках, понимая многогранный смысл, который несут в научном и общественном дискурсе такие концепты как социально-политическая «стабильность», «жизнеспособность» и «устойчивость».